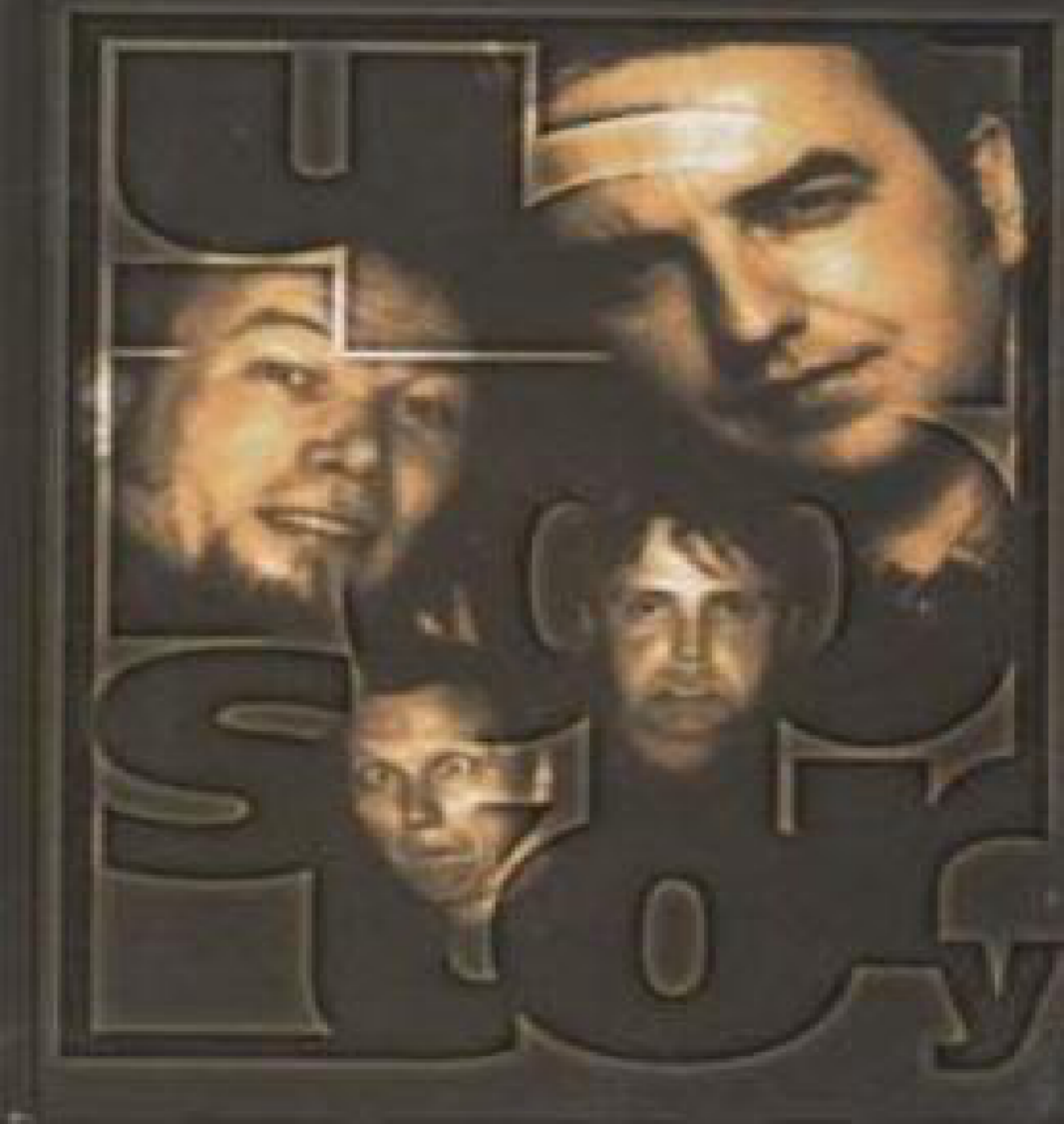
чайф story

Леонид Порохня



SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Это история группы "Чайф", написанная к ее 15-летнему юбилею.

Книга честная, написана она другом. Это чувствуется по тому, как расставлены акценты, как оцениваются те или иные события внутри "Чайфа" и вне его. Первая, широко известная "Авторизованная биография "Битлз" Хантера Дэвиса тоже была написана в подобном, благожелательном тоне, но потом появились более острые и, если угодно, беспощадные к битловскому мифу авторы. Думаю, что у "Чайфа" еще появятся авторы, которые по-иному препарировав нутро группы, увидят там новые, неожиданные детали. Мир "Чайфа", как не крути, уже нарождается — законы жанра того требуют. А труд Леонида Порохни, конечно, заслуживает высокой оценки — он написал свою книгу от имени и для "поколения дворников и сторожей", любовно, грустно, иронично.

- Киса и Ося были тут…
- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7

Киса и Ося были тут…

(русские на AbbeyRoad!)

В девятом часу утра 1 августа 1997 года на улицу Abbey Road, что в Лондоне, Великобритания, выгрузились из микроавтобуса молодые, как они до сих пор считают, люди. Потоптались, поозирались. Они стояли перед студией звукозаписи, где некогда прошлась перед фотографом ливерпульская четверка, а потом ходили разные другие люди; ну так грех было бы и членам группы «Чайф» не пройтись на том же месте. Вопрос заключался в том, где это место — при ближайшем рассмотрении улица оказалась перекрестком, даже небольшой площадью, еще и с памятником посредине. Улиц три, все с пешеходными шашечками, все похожие. Поспорили, сошлись на одной; Шахрин ее долго через видеокамеру рассматривал, потом сказал: «Тут должен «жук» стоять, а остальные машины надо разогнать, чтоб картинку не портили». Действительно, вместо белого «Фольксвагена» стояла «Тойота» и портила аутентичность изображения. Стали спорить, в какую сторону переходить…

Выглядели наши ребята весьма смущенно, что и немудрено: трудно поверить, что стоишь на AЬЬey Поаа, почти на конверте грампластинки, которую трепетно разглядывал лет двадцать пять назад… Еще потоптались, Шахрин неуверенно пробубнил: «Сейчас отдельный будет номер», — тронулись через дорогу. Законопослушные английские водители стояли и мирно ждали, когда четверо бодрящихся русских перешагают на ту сторону, но чайфы не были бы чайфами, если бы этим и ограничились — тут же развернулись, дернули обратно бегом и на корточках. Чем создали посреди Abbey Road аварийную ситуацию. Потом переключились на каменный забор с табличкой, строго-настрого запрещающей на этом заборе писать. Естественно, беленький забор и асфальт под ним были плотно покрыты надписями; российского происхождения оказалась одна, жалкая и почему-то на английском языке. Дабы несправедливость исправить, Шахрин вывел черным маркером поверх полу закрашенной надписи «Cream» свое родное: «Чайф 01.08.97». Рамочкой обвел, и все с таким видом, будто это не он хулиганит, слова на заборе пишет. На случай, если появится какой-нибудь блюститель порядка… Наконец Володя отшатнулся от колонны, зазвенел звонок, возвещающий не то об открытии самой студии Abbey Road, куда «Чайф» и приехал, не то просто сигнализация в соседнем магазине сработала, но все приосанились, приуготовляясь ко

входу в святая святых мировой звукозаписи… И в этот момент звукорежиссер Елизаров Вова, который все еще с удовлетворением созерцал содеянное на заборе, произнес: — Ну вот, Киса и Ося были тут…

Глава 1
Происхождение Чайфа

Заварка в аквариуме
(питерский след в чайфогенезе)

Большие события не происходят сами по себе, чаще всего им предшествуют события маленькие, даже микроскопические; ими все начинается, а потом катится, катится… Малозаметный, но самый непосредственный толчок к появлению группы «Чайф» приключился в тот момент, когда Вова Шахрин впервые услышал «Аквариум». Альбом «Треугольник». В субботу. Зимой 83-го. А рано утром отправился на Шувакиш.

Шувакиш — это крохотная станция в лесу, там в начале восьмидесятых ютилась свердловская толкучка, где среди верхней одежды и нижнего белья, между обувью и парфюмерией толклись любители музыки — нечто вроде ссылки, в которую щепетильные коммунисты сплавили из города уральских любителей частной торговли и свободных искусств. Поездка на «тучу» было дело трудное, отчасти даже спортивное, нужно было долго трястись в переполненной электричке, чтобы на лютом морозе в окружении сосен, старушек и оперов предаваться извлечению прибыли или обмену виниловых пластинок.

Итак, утром после прослушивания «Треугольника» Шахрин стоял на железнодорожной площадке «ВИЗ» с компанией малознакомых дискоманов, ждал электричку. А причудливое творение изощренного питерского гения за ночь в Володиной голове обосновалось и настойчиво просилось наружу. Шахрин стал рассказывать про «Треугольник» попутчикам. Из попутчиков кто-то что-то про «Аквариум» слышал, но Шахрин оказался первым, кто слышал сам «Аквариум». Рассказывать было сложно, поскольку словом и жестом музыку и вообще-то передать трудно, а «Треугольник» — и подавно. Тогда Шахрин стал петь. Он пел «Треугольник» на площадке «ВИЗ», пел в электричке, пел на толкучке… Оказалось, странный альбом сам собою выучился наизусть…

Среди попутчиков случился паренек, Олег Решетников, его это пение «здорово зацепило. Потом мы шли домой с электрички, жили-то рядом, стали по дороге трепаться, и выяснилось, что и человек-то Володя хороший» (Решетников). Олег Шахрина знал поверхностно, встречались пару раз по пластиночным делам, болтали и разбегались. Во всяком случае, для Решетникова

только в то воскресенье стало ясно, что Шахрин, оказывается, «человек хороший». Да еще и увлеченный русским роком…

Вот и все событие. Группа мечтателей о группе Следствие оно имело вот какое: про поющего Шахрина Решетников рассказал Вадику Кукушкину.

Этим двоим, Олегу и Вадику, было по семнадцать лет, были они друзья, одноклассники, и была у них группа. То есть на самом деле группы не было, но они о ней мечтали. Ребята бредили музыкой, бредили наяву и весьма энергично. Лидировал Кукушкин, мальчик развитой, интеллектуальный, но немузыкальный. «Тогда Вадик учился в школе, сочинял сюрреалистические стишки и рассказики, — вспоминает Шахрин, — такой «Маяковский в желтой кофте», помноженный на четыре».

А поскольку в те времена любое неформальное творчество мыслилось не иначе как творчество музыкальное, Вадик все надежды связывал с будущей группой, которую и пытался организовать методом фантазий в компании двух одноклассников. «Это была школьная группа, которая никогда инструментов не видела и не представляла, как на них играть, — вспоминает Решетников. — Мы разговоры разговаривали». Придумывали будущие костюмы для будущих выступлений, роли между собой распределяли, решали, кто на чем играть будет… «Вадик себе забрал клавишные, еще один друг забрал бас-гитару, а мне сказали: будешь на барабанах играть… Надо барабанщика — буду барабанщиком, я не брыкался, мне что барабаны, что панк-труба — все было пополам. Где-то полгода проговорили, и третий разговорщик ушел, мы вдвоем остались» (Решетников).

Продолжали фантазировать. А Решетников после восьмого класса во исполнение поручения стать барабанщиком поступил в музыкальное училище.

Решетников

(физиономия)

Невысокий, длинноволосый, с умным, ироничным, всегда чуть отстраненным взглядом, Олег являл собою тип молодого человека, который всегда и принципиально «сам по себе». «Олег — очень закрытый человек, он всегда был очень закрытый, про него невозможно что-то определенное сказать» (Кукушкин). Он был очень музыкален, очевидно талантлив и несколько уже захвален: «Его всегда хвалили все педагоги, что очень талантливый, одаренный, что может стать хорошим

музыкантом… Но заниматься он не занимался никогда» (Кукушкин). К моменту поступления в Свердловское музыкальное училище им П. И. Чайковского (или просто «Чайник») Олег окончил две музыкальные школы, одну по классу аккордеона, вторую — по барабанам… И в училище понял, что в училище ему делать нечего. «Сколько я в Чайнике ни учился — нормального барабана не видел, а потом понял, что барабаны мне не интересны» (Решетников).

С барабанами не складывалось, но к Вадику заглядывал, жили-то рядом. И говорили о группе. Уже довольно вяло, ибо время шло, а группа все не группировалась. Тут и случилось пение Шахрина по дороге на толкучку. Олега оно поразило, Кукушкина озадачило.

К Шахрину до того они заходили, но почти случайно: «Общий знакомый нас свел на почве обмена пластинками» (Кукушкин). «Нужно было пластинки поменять, кто-то меня попросил, дал адрес, сказал, что парень меняет что-то… Зашли, поменяли, поговорили» (Решетников). И все. Никакой общности, не считая внушительной Володиной пачки «фирменных пластов», о которой семнадцатилетним парням приходилось только мечтать. Более того, по всем приметам Шахрин ни к музыке, ни к творчеству никакого отношения иметь не мог: был заметно старше, семьянин и даже отец, работал монтажником на стройке, и, что важнее всего, вид имел для любителей полулегальной музыки несколько даже отпугивающий: «Такой «комсомольский деятель-молодец». Был он, во-первых, активный, во-вторых, явно какой-то идейный; я же тогда не знал, какие именно у него идеи…» (Решетников). Но об идеях позже.

А пока два одноклассника решили к Шахрину присмотреться.

Шахрин Вова

(физиономия)

> *«Песни писались. И было*
> *непонятно, кому их играть».*
> *В. Шахрин*

Невысокий, худой, носатый и застенчивый, Шахрин производил стойкое впечатление «правильного парня». Что было немодно и не в порядке вещей, не зря Решетников сразу связал его внешний вид с идейно-комсомольской принадлежностью…

Далее: был он улыбчив, открыт, очень общителен и явно

одинок. Шахрин пребывал в том возрасте и положении, когда, согласно каким-то неписаным, но могущественным законам бытия, работа и семья вытесняют из жизни каждого трудового мужчины и друзей, и увлечения, и много чего еще…

Шахрин работал на стройке монтажником, «нулевые циклы» закладывал, то есть вел тяжелую муж- скую жизнь на свежем воздухе. Дома тоже была мужская жизнь не из легких: годовалая дочь, любимая жена Лена — девушка замечательная, но строгая; и все это в одной квартире с Бовиными родителями, квартире далеко не полнометражной, располагавшейся «на Пехоте» — в одном из самых угрюмых свердловских спальных районов. А пока своего жилья нет, жизни не будет, так что вел Шахрин жизнь не юноши, но мужа, ни на какие рок-н-роллы в ней места не оставалось. Но музыку слушал.

Не усмехайся, читатель, слушать музыку в те времена — тоже немало. Таскаться с кипой пластинок на Шувакиш, торчать под липкими взглядами оперов, чувствуя себя почти уголовником, бегать по лесу во время облав — немало. К тому же слушал Вова музыку, для Свердловска тех времен не совсем типичную. Слушал T-rex. А в окружающей среде, даже интеллектуальной, любителя T-rex отыскать было почти невозможно. Не зная английского, Шахрин слушал Rolling Stones, что тоже диковато. Слушал Stranglers — репертуар в образ «правильного мальчика» не вписывался никак.

Но что при ближайшем знакомстве Кукушкина с Решетниковым просто потрясло — оказалось, Шахрин когда-то играл в группе. Играл натурально, а не виртуально, как они! В конце семидесятых в школьной группе, где был даже знаменит, потом в техникумовской, а потом в ансамбле песни и пляски Краснознаменного Дальневосточного пограничного округа!.. Последний, конечно, не совсем чтобы «группа», но все же… Но и это еще не все.

Шахрин писал песни.

И давно этим делом занимался, еще с армии, потом продолжал понемногу, зачем — непонятно. Работал на стройке, друзей почти не было, жизнь с песнями не стыковалась. «С музыкой я тогда совсем скис, но песни писались, — вспоминает Шахрин, — и было непонятно, кому их играть. Поначалу я их показывал на строительных праздниках, ребята подходили, спрашивали: «Чьи песни?» — «Мои». — «Ну, здорово…».

Да и верно, стройка все-таки, а не филармония. Тут пришли Олег и Вадик. Пришли в нужное место и в подходящее время…

Повесть о том, как два мечтателя одного монтажника с

толку сбили

«Мы говорили с ними про музыку, и однажды у меня дома я сыграл пару песен. Олег сказал, что он учится в Чайнике, и начал по коленкам подстукивать, Вадик стал фантазировать на тему «надо группу делать, классно будет»… Так пошли разговоры о музыке, разговоры о группе» (Шахрин). Дальше разговоров дело не шло, Шахрин был бы и рад присоединиться к группе мечтателей о группе, но будучи человеком ответственным, отдавал себе отчет в том, что права такого не имел. Семья, дом и т. д., квартиру нужно, но даже это не главное, главным было вот что: болтовня о музыке со всех практических точек зрения была совершенно бессмысленна и бесперспективна. За окном стоял 83-й год, мечты о группе бродили в головах либо совсем мальчишек, вроде Олега и Вадика, либо совсем сумасшедших (о них позже). Почему?

ОПС* в 83-ем году

Для тех, кто молод или запамятовал: общественно-политическая ситуация в 83-м году была хреновая. А в 84-м стала и того хуже. Ни о каких дурацких штуках типа рок-групп, песен, музыки и «вообще», речи не было и быть не могло. Не могло, и все тут. Это было очевидно, это знали все. Все знали, что это навечно. Или навсегда.

Как мечтатели монтажника…

(продолжение)

Шахрин упирался, как мог, оборона его была почти идеальна. Не считая нескольких песен, которые девать некуда. Но Кукушкин с Решетниковым сбивали Шахрина с пути истинного преднамеренно, сознательно, даже изощренно. В гости ходили день через день, ста-рательно игнорируя строгие взгляды Володиной жены Лены, которая сразу поняла, что дело тут не чисто. Окучивали Шахрина по очереди и беспрерывно, как некогда ксендзы незабвенного пана Козлевича. Говорили о музыке, о том, что Бовины песни нужно записывать, что нужна группа, группа, группа… Бились, так сказать, за идею, но перемигивались у Шахрина за спиной. ^Что-то у нас вроде заговора было» (Кукушкин). Кроме идеи было подсознательное мальчишеское желание чужое благополучие подпортить. «Он

такой солидный был…» (Кукушкин).

Шахрин очень не хотел осложнять семейное положение, но как ни стреляла глазами жена Лена, сразить этим оружием настырных юнцов не удалось, муж ускользал в музыкальную пучину. И ускользнул. Слава Богу, пучина сия не помешала ему и дальше любить жену, дочь, а потом еще одну дочь… Теперь у него еще и собака есть.

Преуспели Кукушкин с Решетниковым, пошел Шахрин в мечтатели. Дома музыкальные посиделки грозили обернуться последствиями, и Володя подошел к делу мечтания с опытом взрослого человека: пользуясь пролетарским положением, выбил комнатушку в Доме культуры строителей им. Горького «под якобы молодежный клуб по интересам. И мы стали там собираться» (Шахрин).

ВИА «Песенка»

Так, видимо, назывался какой-то детский вокально-инструментальный ансамбль, от него в наследство досталась табличка на двери. Еще в наследство досталась куча всякого хлама в длинной, узкой, как кишка, комнате в ДК Горького. Однако комната была, и это была роскошь.

Стали собираться. «Собирались на посиделки, которые репетициями трудно назвать, мы больше болтали. Пили чай» (Шахрин). Тут прикол: в те стародавние времена, если несколько молодых людей собирались в одной не контролируемой никем комнате, они обязаны были пить портвейн. Слово свидетелю: «У них в комнате почему-то было много бутылок, я думал, они многопьющие. А потом оказалось, что они пьют чай. Гнали этот чай литрами и пили» (Нифантьев).

За этим чаем чувствовалась праведная рука Шахрина, который в те сильно алкоголизированные времена не пил. Во всяком случае, он думал, что праведная. И только много позже узнал, что не все с чаем чисто: «Была кофеварка «Бодрость», в которую засыпали чай Зугдидской фабрики, сквозь него прогонялась вода и получался такой чифирище — мама дорогая… Понял я это позже, когда общался с людьми отсидевшими, они угощали чифирем, я с опаской попробовал и понял, что это наш чай. Кто знает, тому чифирь, а у нас был чай» (Шахрин).

Сидели ребята, чифирили помалу. Вываренную заварку выбрасывали в форточку, поскольку до мусорки бегать было лень. Выбрасывали прямо из кофеварки, часто вместе с фильтром, приходилось за ним бегать с третьего этажа на улицу. Много

говорили о музыке… Появились новые знакомые, соседи по ДК, среди них были настоящие музыканты, в смежных комнатах играли настоящие группы. Что играли — вопрос другой, но играли профессионально, на их фоне мечтатели еще больше уходили в себя, в свою кучку, замыкались и слушали, слушали…

Слушали советский рок, который в руки попадал.

Советский рок в 83-ем году

(взгляд с Урала)

Так называемый московский рок можно не считать, в Свердловске он был пожизненно представлен «Машиной времени» в роли почетного динозавра и единственной песней «Воскресенья» «Кто виноват». Ходили смутные слухи о «Браво», но очень смутные. И все.

Хотя питерцы представлены были тоже не слишком широко — почти исключительно «Аквариум» и Майк. (Заметим по ходу: Цой был известен, но как-то на магнитофонах не прижился.) Зато первые два носителя культурных новаций буквально рухнули на уральских меломанов как раз году в 83-м, рухнули сразу всем накопленным багажом. Т. е. весь «Аквариум» вплоть до «Радио Африки». И Майк… «Это просто сумасшествие было!.. — вспоминает Шахрин, — особенно Майк!..»

В жизни все бывает вовремя: стоило собраться, чтобы, наконец, полностью отдаться святому делу мечтаний о музыке, как на их головы, тогда еще вполне невинные, посыпались Майк с Гребенщиковым, властно принуждая с мечтами завязывать, браться за дело, то есть меняться. Как сказано, Шахрин писал песни, но к рок-н-роллу мало причастные — то бардовские, то странно патриотические, а то и откровенно самопальные. Хотя некоторая подъездная прелесть в них присутствовала, чтобы впоследствии окрепнуть и придать Володиному творчеству характерный оттенок дворовой демократии.

Теперь же слушали нечто, производившее впечатление почти ниагарское. В первую очередь тем, что им пели «песни на родном языке». А во-вторых, это был любимый с детства, давным-давно в душах взлелеянный, но казавшийся совершенно вручную недостижимым настоящий рок-н-ролл. Питерский, свободный, наглый, свой!.. Тем более желанный, что под боком существовал еще и свой свердловский рок…

Свердловский рок в 83-ем году

Ох, это было монстрозное нечто!

Хотя на самом деле его почти что не было. Две группы, «Трек» и «Урфин Джюс», обе в глубочайшем подполье и в полуобморочном состоянии. Породил и ту и другую Сан Саныч Пантыкин, фигура весьма примечательная: маленький, очкастый, очень талантливый. Теперь он называется «Дедушкой уральского рока» (титул сам себе придумал и распропагандировал), а тогда был папой. Через его музыкальные руки прошли так или иначе «Сонанс», «Трек» (генетически), «Урфин Джюс», «Наутилус», «Настя», группа Белкина, «Агата Кристи», «Апрельский марш» и так далее. Всех он пестовал, всем помогал, наставлял и т. д. и т. п. Через его руки не прошел только «Чайф», но Пантыкин умудрился однажды в «Чайфе» поиграть…

Сперва он реорганизовал «Сонанс», откуда его тут же выгнали, получился «Трек», а Сан Санычу пришлось делать «Урфин Джюс». Обе группы несли на себе отпечаток незаурядной личности Пантыкина: грешили одновременно профессионализмом и поразительной наивностью, были тяжеловесны, склонны ко всякого рода экстремизму, ярки, во многом схожи, в остальном противоположны. Внутри каждой шла тихая война. А кроме того они воевали друг с другом, а еще с властями воевали, такой был полигон. Обе из соображений конспирации и повышения собственного престижа вели политику максимальной закрытости. Поклонники их также делились на военные лагеря, любитель «Трека» никак не мог слушать «Урфин Джюс», и наоборот. Кстати, поклонникам тоже приходилось жить в обстановке глухого подполья, потому поклонники группировались вокруг музыкантов, изо всех сил пытаясь без особой нужды круг избранный не расширять. И все это вместе напоминало шумный детсад.

Главным было вот что: и «Трек», и «УД» были «супергруппы». Что это значит? В данном случае только то, что популярность — не самое важное, куда важнее некое монстрозное самосознание, своеобразный тип мегаломании, позволяющий еще не сойти с ума, но и среди людей нормальных уже не числиться. Свойство, кстати, вполне ординарное среди писателей, актеров и музыкантов, хотя далеко не многим удается передать его публике. «Треку» и «УД» это удавалось, чувствовалось в зале даже при дурной аппаратуре, но не всем приходилось по душе.

Неудивительно, что людей минимально демократической ориентации в равной степени отпугивали и «Трек», и «УД». А кроме них никого не было, и хотя в стране уже говорили о неком «свердловском роке» как о движении, на самом деле он сводился к десятку человек, не больше. Кстати, в Свердловске записи

свердловских групп достать было куда проблематичнее, чем записи тех же питерцев. А при ближайшем рассмотрении вообще оказалось, что питерцы во всех отношениях ближе, во всяком случае подражать землякам или, так сказать, «идти у них в фарватере», наши герои не могли и не желали.

Итак, «это были «УД», «Трек», «Зоопарк» и «Аквариум». Толчок получился очень серьезный, появились конкретные модели того, как это может существовать. А Володя показывал свои песни, рассказывал о том, как они в техникуме играли… Я хотел, чтобы Володя свои песни записал не в бардовском варианте, чтобы был «саунд», была рок-музыка. Ни о каких концертах мыслей не было, речь шла только о приобщении к магнитной записи» (Кукушкин).

Так добрались до записи Володиных песен. Инициатива Кукушкина.

Кукушкин

(физиономия)

«Музыкантом группы я не был,
потому что музыкантом и не был».
В. Кукушкин

«Кукушкин — очень славный человек, классический представитель поколения «дворников навсегда». Человек сам в себе из категории ботаников» (Бегунов). Высокий, чуть анемичный, умный, но путаный. Ребенок из хорошей академической семьи с ярко выраженной страстью к, если можно так сказать, «академическому андеграунду» — совершенно питерский персонаж, которому крепко не посчастливилось родиться на Урале.

Еще до появления Шахрина Вадик занимался на дому экспериментами со звукозаписью: «Я делал композиции из примитивных басовых рисунков, на которые методом перезаписи с магнитофона на магнитофон накладывалась куча конкретики и разные партии труб. Обычные металлические трубы, в них высверливались отверстия, то есть интервалы там были, но совершенно дикие. Получалась довольно бредовая музыка, а сверху я начитывал стихи» (Кукушкин). Современным языком, выражаясь, Вадик занимался авангардным семплированием, делом для начала восьмидесятых настолько опережавшим реальность, что серьезно к нему не относился даже автор. Музыкантом в полном смысле слова Кукушкин не был никогда.

«Я попервости пробовал приобщиться к группе в качестве бас-гитариста, но в связи с моей полной музыкальной несостоятельностью это дело быстро отменилось» (Кукушкин).

«Кукушкин вообще принципиально ни на чем не играл, потому и придумал эту «панк-трубу» из дыхательной трубки для подводного плавания. Он в нее вставил какую-то палочку и совершенно нелепые звуки из нее извлекал» (Бегунов). «И мы попробовали сделать первую запись на магнитофон, Вадик дудел на «панк-трубе», Олег стучал, не помню, по чему…» (Шахрин). Сам Шахрин играл на гитаре и пел. Записывали прямо в ВИА «Песенке», в живую на два микрофона и бытовой магнитофон.

«Из песен, помню, был «Квадратный вальс», — с трудом вспоминает Кукушкин, — впоследствии они практически все не сохранились в репертуаре. Уровень был полностью самодеятельный, альбомом это, конечно, никак не могло считаться».

И тем не менее, это был уже реальный результат — запись!

«Визовский пруд»

«Встал вопрос: а как мы ее назовем? Шахрин принес бумажку, на которой написаны, были песни, участники и как дежурная версия название «Визовский пруд». Это было его предложение. Причем, Шахрин его предложил в качестве названия группы, хотя тогда группы не было» (Кукушкин). Так группа чуть не получила довольно странное название. Визовский, а правильнее, Верх-Исетский пруд — довольно большой, очень грязный водоем на западной окраине Свердловска, названный в честь не то верховий реки Исети, не то ВИЗа, завод такой, гигант металлургический. Кукушкина эта водоемная галиматья привела в ужас, и Вадик придумал название «Чайф».

Это, конечно, тоже была галиматья, но иного рода. «Обычно название с напитком связывают, но для меня оно с напитком никак не связано, — размышляет Кукушкин. — Я тогда занимался экспериментальным сочинительством, чай — это было понятие экзистенциальное. Возникла контаминация «чая» и «кайфа», и когда его через черточку стали писать, мне обидно было — это одно слово. Меня привлекала какая-то размазанная семантическая аура, когда ничего конкретного в слове не появляется» (Кукушкин).

Однако мы играем словами ровно в той степени, в какой слова играют нами. Первоначально название принято было писать так:

«Чай-Ф».

А что наши музыканты пили?

«Чифирь».

Такая «размазанная семантическая аура»… Шахрин еще не знал, что у них за «чай» в ходу, а Кукушкин уже группу назвал… Хорошо хоть не «Чифирем»…

Ладно, вернемся к исторической реальности… «И мы сделали первую запись, Вадик дудел на панк-трубе, Олег стучал, я пел, а Бегунова не было» (Шахрин). Фамилия эта, в нашей истории возникающая впервые, постояльцам ВИА «Песенки» была известна, слыхали, и не раз, что есть у Шахрина какой-то особенный, настоящий друг, Вовка Бегунов, к нему Володя и пошел со свежей пленкой. «Запись я показал Бегунову, он сказал, что это, конечно, совсем не то, что мы играли в техникуме, но если совместить наш опыт с нынешними идеями, что-то, может, и получится» (Шахрин).

Так в нашей истории появляется еще один козырный персонаж.

Бегунов

(физиономия)

«Этот был полным раздолбаем
и с тех пор не изменился: был
раздолбаем и остался раздолбаем,
разве что на гитаре
стал получше играть».
А. Матвеев

Бегунов был старым другом Шахрина. Возможно, даже единственным. Росточка невысокого, с наглостью во взоре, с лицом, сделанным грубовато, на любителя. Шустрый, верткий и привлекательный. По натуре не хам, но похамить любитель. В довершение всего Бегунов был мент. Главным свойством Бегунова можно считать вот что: он валял дурака. В милиции работал и валял дурака. Не из желания развалить изнутри орган правопорядка, натура у Бегунова такая. «Это отдельная история, — вспоминает Шахрин. — Даже вид у него был неформальный: то галстук ушьет, то лацканы не те… Причем, начальники понимали, что он как-то не так выглядит, но никак не могли понять, что именно не так. Его ловили, говорили: «У тебя галстук узкий!». Он: «Сел, товарищ полковник. Я его постирал — он и сел»… Бывало, он служит, ему скучно, мы идем по улице

Якова Свердлова, подбегают какие-то ревнители общественного порядка, говорят: «Там мужики в подворотне сидят, выпивают»… На что Бегунов обычно говорил: «Вы знаете, я проездом, не местный, на вокзал иду»…

Дурака Бегунов валял и в музыке: в тот момент играл почему-то на контрабасе в почему-то кантри-команде при отчего-то Архитектурном институте. «Состав назывался то ли «Саквояж», то ли «Старый саквояж», не помню» (Бегунов). На контрабасе, естественно, играть не умел, в Архе не учился и попал туда по недоразумению…

И при всем при этом Бегунов был, пожалуй, из всей компании самым продвинутым и образованным человеком. «Читал раза в три больше, чем я, слышал на три порядка больше, общался с кем попало очень плотно, был крутой тусовщик» (Решетников). Бегунов слушал Пендерецкого (кто не понял — смотри муз. энциклопедию). Ну и много чего еще слушал.

В общем, это был кадр и старый друг. Но музыкальными экспериментами новоявленного «Чай-Фа» не слишком заинтересовался.

Трудно сказать, почему. Может быть потому, что друзья в тот момент стояли на грани расставания. Дружба была в прошлом, о котором чуть позже, а в настоящем были семьи (разные), работы (разные), заботы (похожие, но у каждого свои), Бегунов выпивал, Шахрин — нет…

«После армии был шанс, что мы бы просто разошлись. Элементарно. Ничто нас не связывало вообще. Только музыка тогда еще связывала. Вовка периодически ко мне приходил, я к нему, но редко…» (Бегунов).

Питерский след в чаифогенезе
(продолжение)

> *«Прибило вот что: Майк появился.*
> *Для меня отправной точкой всего, что*
> *было потом, стало появление Майка».*
> *В. Бегунов*

«Период с Кукушкиным я не помню, кукушкинские заморочки, придумка названия «Чайф» — это все было без меня» (Бегунов). Самое удивительное, что могло бы и продолжаться без Бегунова, если бы не произошло еще одно чрезвычайно важное в истории группы событие, напрямую связанное с Питером — в Свердловск приехали Майк и Цой. С концертами.

Питер в судьбе «Чайфа» — город особенный и явление наиважнейшее. Практически все ключевые события в истории

группы связаны с Питером. Во всяком случае, события положительные. Отрицательные — увы! — чаще со Свердловском.

В данном случае событие было вполне положительное, для Урала совершенно неординарное: на «квартирные гастроли» ехали Майк и Цой. Про Цоя тогда мало кто знал, ждали просто Майка. При первом известии о будущих концертах в городе началось нервное шевеление, сопровождавшееся некоторой одурью любителей музыки и организаторов, одурь распространилась и на официальные структуры, достаточно сказать, что ни культурные, ни правоохранительные органы, уже изрядно набившие руку об «Трек» и «УД», в это дело даже и не сунулись. Очевидно, не верили, что такое вообще возможно.

Первым о концертах питерцев узнал, разумеется, Бегунов…

«Ребята, портвешка нет?»

«Вывели меня на хату на Вторчермете» (Бегунов). По-русски это значит, что Бегунов узнал адрес квартиры, находившейся в районе Вторчермет (полная свердловская задница), куда должен был приехать из аэропорта Майк. И с двумя друзьями по Архитектурному клубу туда отправился. Нашли дверь, постучались, открыл незнакомый дядька, коему они вместо «здрасьте» заявили: «Есть информация, что Майк должен приехать к вам»… Дядька их глазами ощупал, дал команду: «Дуйте за бухлом».

«Мы сгоняли, затарились, бухали, ждали. Переросло это в глобальную пьянку, все рейсы из Москвы прилетели — никакого Майка нет. И совершенно непонятно, откуда появились Майк, Вова Синий и какой-то полный урод неформального вида восточной национальности» (Бегунов).

Майк вошел в дверь и сказал: «Ребята, портвешка нет?»… Ребята к тому времени давно на водке сидели, которая тоже стремительно кончалась, а деньги кончились давно. Но хозяин оказался непрост и с привычками Майка знаком — был портвейн в заначке! Закуски не было.

Сели пить по второму кругу, разговор начался интересный, только Бегунову на нервы действовал «неформальный восточной национальности». Вопросы Вовка задавал Майку, а отвечал почему-то тот, второй. И вообще, в разговор лез… Бегунов был борзой, начал «греться». «Я про себя думаю: «Что ты лезешь?»… Очень не любил я его в тот момент. И только потом до меня стало доходить, что это какое-то «Кино»… А запись я уже слышал. В общем, понял я — свой браток…» (Бегунов). Так Цой счастливо

избежал мордобоя в первый же день по приезде на Урал.

«Пришел я «вмертвень» домой, счастливый до неприличия» (Бегунов).

Майк и Цой

На следующий день был концерт. Бегунов заранее сообщил о нем Шахрину, тот прихватил Кукушкина с Решетниковым, но Бегунову об этих двоих сообщить забыл. «Поехали на концерт, — вспоминает Решетников, — встретились с Шахриным, тот говорит, что ему тут на остановке нужно еще с другом встретиться. Подождали, идет странный товарищ в полушубке драном, в каких-то танковых штанах, в ботинках чудовищных… И Шахрину говорит: «А это ты что за чмушников притащил?»… Меня зацепило, думаю: сейчас в глаз буду бить. Потом выяснилось, это и есть Бегунов. Так что на концерте Майка мы впервые и встретились все вместе».

На концерте Майка они впервые встретились все вместе! Без драки.

Концерт был удивительный. Двое играли на акустических гитарах и пели, вот и все. Майк безостановочно жевал резинку, был благостен, видать, причастился с утра портвешком. Цой, наоборот, ужасно почему-то стеснялся, пел с закрытыми глазами, играл с закрытыми глазами и открывал, только когда поворачивался к Майку.

То был rock-n-roll. Абсолютный, стопроцентный, настоящий, который двое похмельных молодых людей извлекали из двух простеньких гитар и собственных глоток. То был момент откровения, вдруг стало очевидно, что рок-н-ролл делается просто и весело, на глазах у публики. Теперь, наверное, трудно понять, что за революция творилась в головах сидевших на концерте, но революция творилась натурально, священная музыка, существовавшая доселе исключительно на магнитофонной ленте, делалась прямо здесь, на глазах, на улице Восточной…

Объективности ради следует заметить, что и для прочей уральской музыкальной общественности концерт Майка и Цоя не прошел даром, но для «Чайфа» он стал решающим — концерт заново объединил Шахрина и Бегунова.

«Я тогда в первый раз понял, что по-русски можно петь, и это будет полноценно. Когда слушал записи, это было круто, но себя рядом поставить было невозможно — другой уровень. Оказалось, можно, а у Вовки были песни… После этого концерта я прибежал

к Шахрину с дурными глазами!» (Бегунов).

«И после концерта я рванул к Бегунову…» (Шахрин).

Куда бежать-то — на концерте вместе были!.. Забавный нюанс: они не помнят, что слушали Майка и Цоя, сидя на соседних стульях. И тем не менее, на самом деле…

«Они рванули друг к другу…»

Прямой результат гастроли питерцев свелся к тому, что в ВИА «Песенке» появился Бегунов, событие это для новорожденного «Чайфа» стало во многом решающим. Это был именно шаг именно к группе, которой доселе не было. Почему? Потому что Шахрину в группе нужен был друг.

Примечательное свойство Шахрина, которое играет в бытии «Чайфа» роль огромную: Володя всегда исповедовал «мальчишеские» (они же «мужские») ценности: ему мало просто коллег по музыкальному труду, ему нужен друг.

Особенность же компании, собиравшейся в ВИА «Песенке», заключалась в том, что при всем постоянстве музыкальных посиделок эти трое так и не стали друзьями. «Я бы не сказал, что мы были друзья, о какой-то близости между нами вряд ли можно говорить, — свидетельствует Кукушкин. — Шахрин с Бегуновым общался отдельно. Даже с Шахриным соблюдалась дистанция, а с Бегуновым мы почти не были знакомы». «Мы не подружились, такая проблема не стояла», — вторит Решетников.

Что вышло, то вышло, но Ша-хрину нужен был друг. И не было у него друга, кроме Бегунова. А Бегунов был не просто друг, он был друг музыкальный и очень старый, с которым в одной команде играли еще в школе, потом в техникуме, с которым в один день в армию призывались… Казалось, судьба берегла их единство для общего дела: даже в армии, что практически невозможно, служили в разных частях, но в одном здании, только входы с разных сторон. Потом вместе оканчивали техникум, делали на двоих один дипломный проект… И оба помнили о музыке, ибо и познакомились-то при прямом, можно сказать, посредничестве Джона Леннона, а точнее, его альбома «Walls and Bridges».

Но это отдельная история, которую следует рассказать подробнее. Началась она в январе 76-го, когда в десятый «Б» класс средней свердловской школы № 36 пришел новичок, стриженый, маленький, ушастый. «И на первом же уроке начал руку тянуть, за что получил кличку «Фонарь». Я отсчет всегда начинаю с появления Бегунова, — свидетельствует Шахрин, — потому что

потом мы не расставались практически никогда».

Фонарь

«На первом же уроке я получил кличку «Фонарь», потому что мама сказала историческую фразу: «Вова, ты идешь в новую школу, у тебя новая жизнь и единственный шанс хоть как-то выправить аттестат. Ты должен себя показать». И вот пришел я, такой неотразимый со своей чудесной прической, а они волосатые все, «хиппи»! Все в расклешенных штанах, а я в нелепом костюме и в галстуке вот с таким узлом… Но я должен был себя показать, раз мама сказала… Ну, потянул руку, что-то там ответил — в ответ презрительные взгляды: «Полный урод пришел»… А у них был очень спаянный коллектив. Вовка Шахрин был волосатым, носяра торчит, вьющиеся волосы, с которыми он все время боролся, волосы у него стояли, пригладить их было невозможно. Серега Денисов, этот был просто хиппи, высокий, волосатый, вечно немытый и курил. И парни не придавали урокам никакого значения» (Бегунов).

И понял Вовка, что попал в рай. Или вроде того… Ибо до приезда в Свердловск жил Бегунов в воинских гарнизонах. Родился в Крыму, с одиннадцати лет — в Архангельске, везде военные городки, колючая проволока, въехать-выехать невозможно, пропуска, режим секретности, все знают друг друга и только друг друга… Милиции не было, за подростками и их поведением следили патрули, политруки, директор школы был царь и бог, длинных волос, о которых мечтал в то время каждый школьник, в природе не существовало — в гарнизонах волосы длиннее 2 см не росли. И нравы соответствующие: «Я однажды поздравил учительницу математики с Днем милиции, за что родителей немедленно вызвали на педсовет. Я-то утром на календарь посмотрел — День милиции — встретилась математичка, поздравил, она в этом узрела какой-то та-акой смысл…» (Бегунов).

Но и в неласковом гарнизонном климате произрастало древо рок-н-ролла, из каникулярных поездок к бабушкам везли кто пластинки, кто записи, репертуар получался на весь гарнизон один, но разнообразный. Возникали группы, мальчишки судорожно конструировали самодельные гитары, а Вовке мама с папой после долгих уговоров выписали из Крыма чудную гитару, инкрустированную украинской мозаикой.

«Группа у нас называлась, ни много ни мало, «Цунами» — три урода из восьмого класса… — рассказывает Бегунов. — И сыграли

на школьном вечере три произведения: «Призрачно все», вторая собственного сочинения с такими словами: «Помнишь, как мы жили, как с тобой дружили, счастье было рядом, но прошла любовь»… А третье произведение Марка Болана «Slider». Там слова есть: «Тю-тю-тюрю», за них меня потом упрекали, говорили: «Что ж ты, придурок, не мог на таком ответственном выступлении слова-то выучить»… Обделались жутко, играть не умели, три аккорда я знал, а произведения, которые мы исполняли, в эти три аккорда никак не влезали… Но в Свердловск я приехал подкованным».

«И вот сижу я на какой-то биологии, а они смотрят пластинку Леннона «Walls and Bridges». Я влез, а от меня такого не ожидали, слово за слово — разговорились» (Бегунов). Шахрин: «И вдруг на перемене он начал встревать и говорить, что тоже музыкой занимается. Но слушал он Black Sabbath и Led Zeppelin, а у нас в классе их никто не слушал. Пошло рубилово не на жизнь, а на смерть, мы ему говорили, что это все фигня, а слушать надо то, что нам нравилось. Но тем не менее он попал на репетицию, обхезал все жидким поносом, то есть принял участие… А это был школьный ансамбль»…

Главным в ансамбле был Вова Шахрин. Тоже «подкованный».

Шахрин

(детство, отрочество и все такое)

Родился и вырос Шахрин в Свердловске, в районе Втузгородка. Учился, как сказано, в 36-й школе. «Школа у нас была простая, никаких эстетских штук, если у тебя родитель работал в УПИ лаборантом или уборщиком, ты был уже интеллигент» (Шахрин). Вова был вполне интеллигент, учился средне, вел отчаянную и безнадежную войну с собственными волосами, которые по моде следовало бы отрастить, но у Шахрина они вились проволокой и торчали в стороны, как у Анжелы Дэвис, знаменитой в то время американской коммунистки. И, разумеется, слушал западную музыку.

«В седьмом классе папа получил аванс, пришел изрядно «под шофе» и принес старый магнитофон «Нота-М». Дома была такая же старая радиола, к ней мы все это подсоединили, пленка — «шестой тип», который уксусной кислотой клеился, а на ней, как потом оказалось, двойной альбом Rolling Stones и Who. До сих пор не знаю, что за альбом… Я обалдел и спросил: «А можно так сделать?» Папа сказал: «Нет проблем!» — и принес через два дня звукосниматель, который мы в ту же радиолу включили, и пошел

звук ПОХОЖИЙ! Я втянул ребят… Надо отдать должное маме, она терпела, хотя это не могло нравиться. Соседи слушали с ужасом: барабаном было ведро, оно ставилось на пол, а этаж четвертый… Ведро «дуло» до первого. Тогда отец совершил еще одно гениальное изобретение: в ящике от патефона выпилил дырку, вставил динамик, шесть батареек, и у нас появился переносной комбик!.. А сидели по вечерам в детском саду, в беседочке, и вдруг гитара зазвучала. В беседке тут же стало тесно, в женском общежитии барышни высунулись из окон»…

Шахрин с головой окунулся в музыку. Чтобы уже не выныривать.

Ансамбль «Эдельвейс», он же «Пятна», они же Spots

Группа была такая: Шахрин с Бегуновым, барабанщик Полкаша (кличка), некто Лисконог и вокалист Серега Денисов. «У него был прекрасный голос и полное отсутствие чувства ритма. Запеть из-за такта — элементарно, и мы ему заранее готовили систему жестов: кивали, мигали… Серега смотрел, готовился и промазывал. Но голос его очень нравился девушкам. Шахрин тогда о пении не помышлял» (Бегунов). Играли на школьных вечерах и имели определенный успех; во всяком случае, успешно конкурировали с группой девятых классов.

«Были произведения чудесные, — свидетельствует Бегунов. — «О гонки, гонки, прекрасный бизнес… Скрип тормозов, хрустнули кости… Что-то там — пампарам… С жизнью прощается гонщик». Куплетов двести на один риф посажено».

Отдавались делу музыки всецело: «Когда все к выпускным экзаменам готовились, мы сочиняли рок-оперу. Сюжет был прост до безобразия, — рассказывает Шахрин, — был там король, алчный, но бедный, у него, естественно, красавица-дочь, которая влюблена в шута, а ее пытаются с выгодой выдать замуж. Помню фразу: «Кто выложит тысячу песо, того она будет любить»… Почему песо?..». Опера имела успех, школу окончили.

Шахрин: «Главная задача была — сохранить группу, и мы всей группой поступили в Свердловский строительный техникум. У меня там работали дедушка и мама — мы с гарантией могли поступить. Это был конкретный ход по блату, все преподаватели знали меня с детства, мы приходили на экзамены, получали вопросы, я первый садился к преподавателю за стол, мне шепотом говорили: «Кто с тобой?». Я показывал: тот, тот и тот. Потом шли они, что-то говорили и получали свой минимальный балл»…

Само собой разумеется, в техникуме немедленно приступили

к формированию фронта муз. работ, в колхозе появились новые клавишник и барабанщик (Полкаша оказался не в техникуме, а в армии), при первой же возможности пришли в профком техникума и заявили, «что мы такой вот ансамбль, который нестерпимо хочет продолжать свое творчество» (Бегунов). Но в техникуме была уже группа «Полдвенадцатого», которая довольно энергично и умело исполняла произведения Deep Purple и имела твердую популярность в рамках данного учебного заведения. На сцену новички все-таки вылезли и успешно провалились, пытаясь на фоне жестких ребят из «Полдвенадцатого» исполнять «Барыню» и прочие штуки из школьного репертуара.

«Бегунов сказал: «Ну, мы вам покажем буги-вуги»! Был составлен список из ста западных песен, на наш взгляд хитовых, из сотни выбрали то, что мы могли более-менее сыграть, и новая программа была уже очень боевая. Был большой успех, и следующие два года в техникуме мы были, безусловно, битлами, нас знали все, происходили какие-то скандалы на местном уровне, связанные с нашей рок-н-ролльной жизнью, слухи, сплетни, романы, девушки-поклонницы и все прочее» (Шахрин). Скоро и незаметно ушел вокалист Серега, делать было нечего, надо петь — Шахрин с Бегуновым стали петь. У Шахрина глотка оказалась полуженее, и он стал вокалистом не потому, что пел лучше, а потому что физически мог продержаться дольше.

«И постепенно собственные песни подтягивались, — вспоминает Бегунов. — У меня были песни про экологию, у Вовки — про огонек в степи; они очень нравились девушкам, но нами рассматривались как нечто проходное, второстепенное. Опора была — Битлы, Grand Fank. Мы чем брали? Убивались на танцах насмерть. А отсутствие английского языка компенсировали тарабарщиной».

Володя-пограничник и Вовчик — вертолетчик

Осенью 78-го Шахрина с Бегуновым забрали в армию. В один день. «Попали мы в одну учебку, там посетило меня одно из самых ярких армейских впечатлений: зашли толпой в баню, там выдали форму, побрили, и мы не смогли узнать друг друга! Принялись друг друга кликать: «Вова! Вова-а!». Столкнулись, друг на друга смотрим и понимаем, какие же мы обсосы!.. В шинельках, в форме, бритенькие… Только что были местные звезды рок-н-ролла, а тут — обсосы, другого слова не скажешь!» (Шахрин).

Скоро злой военный рок (судьба) попытался разлучить

Шахрина с Бегуновым, с каковой целью последнего отправили в Питер, в школу вертолетчиков. Шахрин же пробовал продолжить музыкальную карьеру, в результате чего нарвался на скандал: «Мне прапорщик, руководитель оркестра, сказал: «Я обо всем договорился, на собеседовании скажи, что хочешь в оркестре служить». Все выходили и говорили: «Хочу служить на заставе, быть героем-пограничником», — все хотели на заставе с собакой служить. Я вышел и сказал, что хочу служить в оркестре, тут какой-то полковник разорался: «Ты что, сукин сын, на трубе сюда приехал играть?! На заставу, на остров его!». Прапорщик испарился, и меня отправили на остров Уссурийский, на заставу» (Шахрин). Там Вова прослужил примерно полгода, потом приехала бригада ансамбля песни и пляски Краснознаменного Дальневосточного пограничного округа, а капитан, начальник заставы, возьми и похвастайся, что, мол, есть у него боец, швец и жнец, поет, играет и пляски исполняет… Через пару недель пришел приказ командующего округом перевести рядового Шахрина в ансамбль песни и пляски, и повезли Вову в Хабаровск… «Помню, было как-то неудобно писать домой письма, потому что раньше я их писал о службе на границе, была там какая-та романтика, и вдруг — в оркестре…» (Шахрин).

И свершилось чудо: в том же округе, в городе Хабаровске, в том же здании, только вход с другой стороны, где была часть вертолетчиков, появился Бегунов! Снова вместе, только с разного входа.

Бегунов окончил не ВХУТЕМАС, а ШМАС (школа младшего авиационного состава), но по примеру всех армейских лентяев тут же определился в эскадрильи художником. Рисовать не умел, но справлялся. Скоро завел и свой ансамбль. Под названием «Красные сполохи»…

Служили, по армейским понятиям, безбедно. И на дембель ушли разом.

Тумба

«И пошло это безвременье: надо
думать о жизни, думать о квартире,
а ты молодой»… В. Бегунов
«Три года полного штиля»
В. Шахрин

После дембеля кончилась музыка, началась взрослая жизнь. Восстановились в техникуме, опять же по протекции Вовиной

мамы перевелись на заочное, вдвоем сделали дипломную работу, которая поныне стоит на улице Малышева перед Строительным техникумом. «Там такая стела из железных труб, ее расчеты мы с Бегуновым и делали. Наш подарок городу… Мы до сих пор горды, что хоть что-то построили, другие-то вообще ни хрена» (Шахрин). Построили перед техникумом тумбу для рекламы, настало время в жизни определяться. А что жизнь с музыкой уже не стыковалась, это понятно. В 81-м собрались старым техникумовским составом, отыграли у сестры Шахрина на школьном выпускном вечере, удачно отыграли, деньги заработали и разошлись. Скоро женились оба. Работа…

Шахрин работал на стройке, в СУ-20, строил фундаментные циклы. Надо было на работу устраиваться, шел по улице, увидел первое попавшееся строительное управление, зашел: «Надо?» — «Надо». Монтажник-землекоп. Приличные деньги получал, 240 рублей. И работа его устраивала — хорошая физическая нагрузка, свежий воздух, но и не для дураков дело. Во всяком случае, интересней, чем в конторе сидеть, как предусматривалось полученным образованием…

Но это разумный Шахрин, Бегунов к взрослой жизни был совсем не готов, только этим можно объяснить все, что с ним произошло. Бегунов попал в ментовку, не просто попал, а на работу. Попал смешно, был у него знакомый, вместе в вертолетчиках служили, очень шустрый товарищ, после армии встретились, друг начал Вовку, что называется, «фаловать», сиречь уговаривать идти в милицию трудиться. Но не просто трудиться, Бегунов на такой подвиг даже после армии ни за что бы не решился, а по блату, который у товарища якобы был. Хотели устроиться в обычный ППС (патрульно-постовая служба), а через месяц переведут под белы руки в ОБХСС (очень щедрое на кормежку было подразделеньице), а там уже сплошное счастье с маслом. Бегунов подписывает контракт, через месяц его знакомый при странных обстоятельствах кончает с собой, человека нет, у Бегунова связей нет, но есть контракт на три года. Согласно которому стал Вовка тупо топтать улицы Железнодорожного района г. Свердловска. А потом к трем годам приплюсовались сами собой еще три, вышло шесть, и только героическими усилиями обоих Вовок удалось их впоследствии «скостить до пяти»…

Жизнь — «полная тумба»… От нее чуть не распался союз Вовы и Вовы, но наступил год 83-й, Шахрин познакомился с Кукушкиным и Решетниковым… (что дальше — см. выше)… И в ВИА «Песенке» появился четвертый член никому не известной группы «Чайф».

«И вот я принесся к Шахрину, а там уже все готово, только эти два раздолбая вообще ничего не умели делать. Олег, при том что учился в Чайнике, был очень слабым музыкантом. Кукушкин вообще принципиально ни на чем не играл. Вначале я ходил туда просто тусоваться, это было очень в кайф: приходишь в общественное заведение, комната, там дружбаны, с которыми ты разговариваешь о музыке» (Бегунов). При том, что «Шахрин позвал Бегунова играть на басу» (Кукушкин), ходил Бегунов потусоваться, почифирить. Кстати, лежал в «Песенке» огромный рулон брезента, собственность ДК, Бегунов острым милицейским взглядом его высветил и сообразил, что из брезента очень недурные можно джинсы пошить, и с появлением Вовки рулон стал стремительно уменьшаться… «А Бегунов появлялся в милицейской шинели, и было в этом несоответствие формы и содержания» (Кукушкин).

Слушали музыку, теперь не только Ленинград с западом вперемешку, слушали еще и «Визовский пруд», который был «совсем никакой», и чем чаще слушали, тем отчетливее понимали, что его нужно переделывать. Прослушивания вылились в запись, о которой у ее участников остались воспоминания смутные. Не могут вспомнить, сколько человек в записи участвовало: Кукушкин утверждает, что был там некий «барабанщик Паша», Бегунов говорит, что «были там два каких-то персонажа, про которых считалось, что они умеют играть на инструментах», а Шахрин ту запись вообще старается не упоминать. Единственное, что известно достоверно, Бегунов на запись в ДК 40-летия комсомола явился с мешком. Он, чтобы из дома слинять, сказал, что за картошкой поехал. Писались долго, вернулся домой к ночи и без картошки, что сказала жена — тайна. Что на пленке получилось, можно не спрашивать. «Естественно, ничего не получилось» (Бегунов). Запись не сохранилась.

Но именно в то время, внешне довольно мутное, на внутреннем фронте происходили решительные перемены. Во-первых, Шахрин как начал писать песни, так и не смог остановиться, в 84-м написаны такие будущие хиты, как «Правильный мальчик», «Бичи», «Ты сказала мне: Скотина!», «Ионсам», «Оранжевое настроение», не говоря уже о песне «Рок-н-ролл этой ночи», в которой слышен отзвук памятного концерта Майка с Цоем:

«На прошлой неделе я был

на концерте — Для кого-то это радость —
для них пустяк. Один из них сказал,
что любит «Кино», Но понял я, что любит он
«Зоопарк». Но ночью отчего-то не шел
ко мне сон, Мне не давал уснуть
их рок-н-ролл»…

И еще много чего написал Шахрин, и как-то не очень было понятно, кому и зачем это надо. Зыбкое было время, неопределенное и неприятное. Все живое вокруг будто вжимало голову в плечи, пряталось, куда попало… Был где-то неподалеку от «Чайфа» так называемый свердловский рок, но даже запись показать никому из рокеров не удалось по той простой причине, что ни одного рокера разыскать не вышло. «Мы знали, что где-то жизнь происходит, есть рок-н-ролл, — вспоминает Бегунов, — но вклиниться в этот мир никак не могли, это была просто стена»…

Нетрудно сообразить, что настроение в ВИА «Песенке» стояло неважное, новых попыток записи не предпринималось, посиделки происходили реже и реже, у Шахрина не хватало времени, он вступил в МЖК.

МЖК

«Молодежный жилищный комплекс», если кому непонятно. Был такой комсомольский прорыв в предпринимательство в рамках развитого социализма. Внешне выглядел почти идиллически: молодые рабочие и интеллигенты объединяются в некое подобие коммуны и строят сами себе жилье. Но поскольку придумали все лукавые комсомольцы, легко догадаться, что это было жульничество, хотя времена стояли еще довольно строгие, украсть все было еще нельзя, нужно было и другим что-то оставить. В результате довольно много молодых людей получили в МЖК квартиры, иными способами совершенно недостижимые. Так комсомольцы творили иногда добрые дела, пусть даже против воли — и на том спасибо.

Но даже эти вынужденные благодеяния они не могли произвести без щедрой дозы уродства. Система была хитрая: претендент на квартиру принимался сперва «кандидатом», в каковой роли должен был доказывать свое право «попасть в отряд», ради чего «набирал баллы». Т. е. работал на стройке часто, бесплатно и в любой момент рисковал быть из коммуны исключенным. Мало того, нужно было участвовать в

общественной, культурной и прочей угодной комсомольцам жизни. За каждое доброе дело выставлялись баллы, в которых исчислялась добродетель, и много позже люди, прошедшие МЖК, признавались, что любое свое действие долго еще оценивали в уме в баллах, которые за это доброе дело можно было бы получить…

Шахрину квартира нужна была позарез, и в 84-м году он во второй раз вступил в МЖК. Во второй, потому что в первый его из кандидатов выгнали. Недостаточно был активен. Шахрин выждал и поступил заново. Скажем сразу, впоследствии комсомольцы об этом жалели крепко и часто, но в тот момент как-то растерялись, Вова производил впечатление родственное… Взяли.

Сперва кандидатом. Посиделки в ДК Горького практически прекратились, потому что Вова работал на МЖК все выходные, работал после основной работы, а все остальное время там подрабатывал. И, чтобы не вылететь во второй раз, вел активную общественную жизнь, в качестве каковой часто пел песни. Пел на субботниках, на воскресниках и на прочих трудовых праздниках. В 84-м в Доме культуры МЖК (ДК МЖК — мы часто будем встречать эту аббревиатуру) открылся клуб любителей музыки под названием «Студия-7», там собирались славные ребята, менялись пластинками. Шахрин там тоже пел.

Кстати: между делом Кукушкина забрали в армию. В ноябре 84-го чайфов стало трое.

Руководил «Студией-7» Леня Баксанов, журналист, добрый малый и тоже строитель поневоле. Леня любил музыку, занимался культуртрегерством и писал статьи в газеты. Все за баллы. Теперь делает то же самое, но для собственного удовольствия.

Леня знавал Шахрина по пластиночной толкучке, но поверхностно. А тут сошлись под сенью «Сту-дии-7», Шахрин пел песни, Баксанову они нравились, и во время одного из импровизированных концертов он сделал запись. Отнес ее писателю Матвееву.

Писатель Матвеев

«Про него легенды ходили»…
В. Бегунов

Андрюша Матвеев был прозаиком. В его творческом багаже значились несколько напечатанных рассказов и столько же ненапечатанных романов. Естественно, писатель Матвеев был

горьким пьяницей и энтузиастом рок-н-ролла. В котором, сказать по чести, почти ничего не понимал, но все равно был энтузиастом. Матвееву дан природой редкостный дар — он умеет увлекаться. Иногда наивно, иногда смешно, иногда диковато, но всегда искренне, полностью и без остатка. В своей жизни он увлекался подводным плаванием, женщинами, прозой Набокова, бабочками, буддизмом, алкоголем, женщинами, рок-н-роллом, христианством, женщинами… Сейчас — далматинцами, а осенью 84-го увлекся Шахриным.

«Я как раз бросил пить, надо было чем-то занять жизнь, ну я и развел бурную деятельность» (Матвеев). Андрей провозгласил Вову

Шахрина «Бобом Диланом с МЖК» и всем об этом рассказал.

Матвеев не был лидером свердловского андеграунда, он был его связующим звеном, всех знал, со всеми общался и непонятным образом умудрялся ни с кем почти не ссориться. Понятно, что о явлении нового Дилана узнали все заинтересованные лица, узнали раньше, чем сам Боб объявился в рок-н-ролльной тусовке. Потом появился, впечатление было странное: в кургузом пиджачке, в белой сорочке, коротко стрижен, застенчив и слишком приличен. Но мил. «Он был очень скромный, — вспоминает Матвеев, — он тогда действительно робел, был совершенно из другого круга общения, и новый круг его некоторое время шокировал».

Есть забавная история о том, как Матвеев притащил Шахрина к молодому кинематографисту Леше Балабанову: «Леха был достаточно экзотичный человек, который постоянно и очень лениво нес всякую ахинею… Тогда он торчал от Криса Дебурга, мы сидели, слушали, потом Вовка меня отозвал и сказал: «Мы, кажется, не туда пришли, тут пахнет золотой молодежью, это не по мне»… А мы зашли-то пластинки посмотреть, там была обычная театрально-киношная тусовка…» (Матвеев). Для кого обычная, для кого не очень, да и сам Матвеев на людей неподготовленных производил впечатление сложное, вот свидетельство Бегунова: «Я когда в Арх попал, там появился такой манерный-манерный придурок, очень противный, я его ненавидел тогда! Андрюша Матвеев». Это потом Бегунов с Матвеевым подружился, а поначалу…

Еще одно, не лишенное забавности замечание Андрея о Шахрине: «Сейчас Володя очень хорошо научился пользоваться своим образом, как он говорит, «человека с пролетарским прошлым», а раньше он действительно им был»… Но каков бы ни явился новый Дилан, Матвеев им увлекся и пригласил Шахрина поучаствовать в сейшне в ДК Воровского, посвященном дню

рождения Миши Перова, гитариста группы «Трек».

Сейшн имени Перова в ДК имени Воровского

«Но так или иначе, три песни я спел».
В. Шахрин

День рождения Перова обыкновенно случается в сентябре, но сейшн, ему посвященный, имел место 4 января 85-го года. Почему?.. Кстати, группы «Трек» к тому времени уже не было. Но сейшн был. В доме культуры завода им. Воровского. Очень странное было место: весь ДК помещался в длинном и плоском помещении над каким-то заводским цехом. Туда и явился Шахрин, подогретый обещаниями Матвеева о том, что будут там почти все избранные музыканты, и «УД», и группа «Группа», которую сам Матвеев пестовал, и «будет молодой «Наутилус», который скоро должен стрельнуть». Шахрина в обстановке полной секретности встречали на заводской проходной, вели по переходам между производственными помещениями, вошли в клуб…

И… ничего. Сидят человек десять, водку выпивают, байки травят.

Их действительно было десять человек, но весьма любопытных — почти весь тогдашний свердловский рок: Егор Белкин и Илья Кормильцев («Урфин Джюс»), Миша Перов («Трек»), Володя Огоньков, игравший в «Группе», и весь «Наутилус», который в тот момент не был еще «Помпилиусом» и состоял из двух лидеров, Димы Умецкого и Славы Бутусова. Матвеев, жена его Алина, вольный саксофонист Леха Могилевский, которого еще не взяли в «Нау». И еще один кадр, который произвел на Шахрина впечатление особое: «И Нифантьев, у которого рожа зеленкой была намазана. Зеленая рожа! А я, порядочный рабочий со стройки, думаю: какой урод!.. Но он мне понравился, потому что он был бешеный абсолютно». И абсолютно пьяный… В историю «Чайфа» Антону Нифантьеву предстояло вписаться через год, но о том в свое время.

Шахрин — человек целеустремленный, пригласили его на сейшн, он приготовился играть. «Спел пару песен и понял, что никому не интересно, что людям просто неудобно, им надо выпивать и закусывать. Мне сказали: «Молодец, старик, на тебе стакан». Выпили. А когда уже все были совсем пьяные, играть все-таки начали, но полную хренотень» (Шахрин). Играли кто на чем не умел и нечто авангардное без названия, жанра и прочего

музыковедения. Может быть, это была музыка портвейна, которого выпили в тот день несколько ящиков? Может быть и так. Важней для нашей истории другое — Шахрин познакомился со всеми и всем понравился.

«Было видно, что он немножко комсомолец, — вспоминает Перов, — точнее, не он, а его оболочка. Но о песнях я подумал: «О, нормально!» — видно было, что творчество не заимствованное».

Потом шли по улице, провожались, болтали, орали и хулиганили. Музыканты!.. Особенно Умецкий, в руках которого был черный пластиковый кофр от бас-гитары с крупной надписью «Репс1ег 115А». И Шахрин почувствовал, что это есть, что оно настоящее, и что он, Вова, к этому уже причастен. На следующий день пришел к Бегунову, сообщил: «Я познакомился, я видел этих людей, реальных «Урфин Джюсов» и «Наутилусов», они такие же, как мы, без хвоста!» (Шахрин).

«Гражданин Бутусов» и другие

Итак, в начале 85то Шахрин попал в тусовку, но тусоваться не умел, водку не пил; в результате с удвоенной яростью принялся писать песни. Тусоваться умел Бегунов, пил с удовольствием и оказался на месте, поскольку свердловские рокеры все до единого не столько на инструментах играли, сколько пили и разговоры говорили. Рванул Бегунов в пучину рок-н-ролла с наслаждением, только не всегда успевал переодеваться, отчего приключались накладочки.

Сидел как-то Вовка в милицейском «уазике», зима, холодно, из машины вылезать неохота, а мимо идет Бутусов с приятелями. Бегунов и гаркни в громкоговоритель: «Гражданин Бутусов! Подойдите к машине!»… Бутусов, не оглядываясь, голову в плечи вжал и рванул в ближайшие кусты. И приятели его тоже разбежались. Бегунов удивился, он поболтать хотел… Спустя некоторое время на дружеской вечеринке он эту историю рассказывал, все смеялись, только Слава все мрачнел, потом выдавил: «Так это ты был, сволочь!». Запомнил.

Таких штук с Бегуновым приключалось вдоволь. То приедут к Матвееву челябинские хиппаны, сядут дурь курить, заезжает Бегунов, который на дежурстве, в «коробке» и при форме… Хиппанов откачали. Еще одно приключение с Вовкиным участием Матвеев до сих пор вспоминает с дрожью: приехал Шевчук, песни пел на квартире. Матвеев Бегунова позвал, тот из дома вышел, а Матвеев стал думать: в форме придет или без? «Было очень

холодно, Бегунов приперся в огромных ментовских валенках, в ментовском тулупе, но не в форме, слава Богу. Учитывая тогдашние отношения Юрича с ментами, это был бы цирк!..» (Матвеев). Бегунов тусовался, Шахрин песни писал. Единственный человек, кто оставался сам по себе, был Решетников.

Но это все лирика, суровая проза жизни заключалась в тот исторический момент вот в чем: начиналось время перемен. Почему начиналось, непонятно, еще Черненко мучительно дотягивал последние месяцы своей прискорбной жизни, Горбачева в помине не было, а свердловский рок решил взять да и восстать из пепла. Хотя в конце 84-го он состоял из воспоминаний о «Треке» и «Урфин Джюса», которого в городе уже два года на сцене не видели.

Взорвал ситуацию «Наутилус»: на сейшене в начале января он состоял из двух архитекторов-неудачников, в начале февраля — уже из трех и сел на запись, 8 марта вышел альбом «Невидимка», он разнес местную тишину в клочья, а в голове Шахрина вызвал существенные перемены, много послужившие этой голове на пользу: «Вышел «Невидимка», и я понял, что можно не так, как «УД», не как «Аквариум», не как «Трек», но тоже хорошо. Я всегда понимал, что мы не похожи на уральскую музыку, которая тогда игралась, но тут оказалось, что и так можно».

Дальше — больше. В начале лета Егор Белкин собрал, можно сказать, свердловскую сборную, включавшую в себя и экс- «УД», и «Нау» и еще много кого, и записал яркий и очень противоречивый альбом «Около радио». Женя Димов, руководитель и барабанщик «Трека», организовал металлическую компанию, где опять-таки присутствовали Бутусов с Умецким. Но и те рокеры, кто ничего не делал, были взбудоражены, нервно пили портвейн и много говорили. Говорили о будущем рок-клубе. Собрания устраивали. А приткнуться негде, собрания шли в ВИА «Песенке», Шахрин пустил. И вообще, чайфы активно в этой внешней жизни участвовали, но шла у них еще и внутренняя жизнь, тоже не пассивная.

Весной «Чайф» записал два альбома. А выпустил один.

«Жизнь в розовом дыму»

«К тому времени было понятно, что вот-вот группа случится»

В. Шахрин.

Первый альбом назывался «Волна простоты» и к собственно «Чайфу» отношения почти не имел. Придумал все Андрей Матвеев: «Чайф» тогда как таковой не существовал, просто был Шахрин. А я близко дружил с Перовым, это был гениальный гитарист, он понимал, что делает; многие гитаристы этого не понимают, а он понимал». Матвеев подкинул идею записать Володины песни на пару с Перовым. Миша работал в филармонии, мотался по «кацапетовкам», в мае приехал, ему позвонил Матвеев и предложил записаться. «Я и не знал, что играть, понял только, что нужно помочь Шахрину» (Перов). У Матвеева дома, в кабинете площадью шесть квадратных метров, поставили единственную в городе портостудию Зопу, принадлежавшую Илье Кормильцеву, записывал Володя Огоньков, Бегунов активно присутствовал, привязывал микрофон к стулу. За три часа разучили и записали.

«Записывалось так: играет Вовка песню, прикидываем быстренько, как ее делать, и — вперед. Раз, два, три, с четвертого писали. Ощущение от Вовки было хорошее, от него ничего и не требовалось: три аккорда свои он играл, делал это ритмично, а больше ничего и не надо было. Игралось в охотку» (Перов). «Я был поражен, насколько изящно Миша играл на гитаре» (Шахрин).

Волей случая (в исполнении Матвеева) это был первый альбом Шахрина, получивший некоторое распространение: Андрей отправил его своему московскому приятелю, тот отдал какому-то «писале», и альбом пошел, но в Москве, а не в Свердловске. А «Чайф», который на альбоме в общем-то не присутствовал, официально влился в ряды свердловского рока.

Но и сам по себе «Чайф» трудился, о чем должна существовать запись в милицейских сводках… Они писали еще один альбом, на сей раз вместе. В ДК Воровского. Начали с того, что долго носили туда-сюда пред глазами трудового народа магнитофон Sharp, на который собирались писаться. И записали кое-что, потом пришла ночь, трудовой народ, видением Sharp'а заинтригованный, посредством взлома проник в помещение ДК, магнитофона японского не нашел, но кое-что потырил. А последними в ДК были чайфы… Но в ментовке оказался почему-то один Решетников. На него долго орал следователь, Решетников возьми и ляпни: «Не ори, не дома». Это была ошибка.

Дописывать альбом пришлось у Шахрина дома, куда свезли пульт «Карат», ревербератор «Тесла», злосчастный магнитофон Sharp, три микрофона и инструменты. Из ковра, который до сих пор живет у «Чайфа» на репетиционной базе, сделали шатер, под ним сидел Решетников с ксилофоном, два Вовы — на диване, к

спинкам стульев привязаны микрофоны, которые брали сразу все. «Дольше всего писали в «Квадратном вальсе» звук смывающегося унитаза, — свидетельствует Шахрин, — нас этот процесс так увлек, что мы несколько часов на унитаз потратили»…

Так у них оказалось сразу целых два альбома, оба вызывали некоторые сомнения, и решено было их объединить. Записанный с Перовым назывался «Волна простоты». Записанный собственно «Чайфом» — «Дурные сны». Что в сумме, спрашивается? «Жизнь в розовом дыму».

Альбом «пошел». Имя «Чайф» стало нарабатывать некоторую известность, угодив одновременно и на газетные полосы (стараниями Лени Баксанова в строительной многотиражке), и в список групп, «запрещенных к концертной деятельности и к распространению путем тиражирования» (стараниями других товарищей в органах культуры). И стало окончательно ясно, что рождение группы, в котором ее участники все еще сомневались, где-то тут, не за горами. Промелькнуло лето, ничем особым не ознаменованное, наступила осень.

Конец чайфогенеза

Вот и весь чайфогенез. Группа родилась в воскресенье, 29 сентября 1985 года. В 18.00.

Глава 2
День рождения и другие чудеса

Роды с шести до семи тридцати

«Чайф» родился вовремя. Не в том смысле, что ровно в шесть, а вообще. При другом раскладе мог бы быть выкидыш, ан родился здоровый, задиристый ребенок. Но подробнее…

«Тогда директором ДК МЖК стал Сережа Ивкин, добрейший человек с консерваторским образованием», — рассказывает Шахрин. Быть бы добрейшему Сереже Ивкину и дальше директором с консерваторским образованием, когда б не свела его судьба с Шахриным, который все уговаривал провести в подчиненном Ивкину ДК концерт группы «Чайф». И уговорил.

Как сказано, концерт состоялся 29 сентября 1985 года. Первый в

Свердловске рок-концерт с весны 82-го, когда в последний раз играл «Урфин Джюс», первый концерт не совсем в подполье, и каким бы он ни был, в публике царило нервное ликование, чуть испуганное, чуть взвинченное. В маленьком здании ДК МЖК, в крошечном зале с балкончиком было тесно, как в трамвае. Все знакомы, все так или иначе причастны рок-н-роллу, все готовы отчаянно любить эту группу с пока еще непривычным названием, какой бы она ни была. А какова она на самом деле, не знал никто, запись не слышали, чайфов знали только в лицо.

Играли сидячий полуакустический вариант в составе: Шахрин (гитара, гармоника, вокал), Бегунов (гитара, бас-гитара, вокал), Решетников (разная перкуссия). Ритм плавал, гитары не строили; Шахрин, у которого была, а отчасти и до сих пор сохранилась дурацкая привычка извиняться во время концерта, говорил о том, что, мол, холодно, вот и не строят. В зале сидели музыканты, они знали, от чего гитары не строят… Свет, как на дискотеке, мерцал, мигал и действовал на нервы. Свидетельство наблюдательного современника, записанное прямо по ходу концерта: "На словах и музыке (правда, о музыке говорить сложно, ибо ее почти нет) Шахрина лежит глубокий отпечаток господа Ленинграда, хотя нечто индивидуальное за этим все же просматривается. Тексты хорошо читаются, они «здесь и сейчас, кайфуем вместе!». Заметно влияние рок-н-ролльных традиций, интересно сочетание «ак. гитара — бас — тройник», в этом сочетании прозвучали самые удачные вещи: «Я правильный мальчик» и «Рок-н-ролл этой ночи».

Шахрин неплохо владеет голосом, ему не хватает опыта, но со временем из него может выйти очень неплохой исполнитель» (из дневника А. Пантыкина).

Короче говоря, слушать это все было сложно, но концерт получился удачный. Какой-нибудь год спустя он был бы оценен как безусловный провал, в сентябре 85-го рокеры, переполненные чувством братства и сообщничества, не скупились на поздравления. Потные, несмотря на холод в зале, Шахрин и Бегунов поздравления принимали. Решетников держался в сторонке. На часах было 19.35. Роды прошли удачно.

Рок-н-ролл — опиум для народа

Воодушевленный легкостью, с которой прошло мероприятие, Шахрин решил успех развивать и стал уговаривать Ивкина провести на той же точке концерт «Наутилуса». Сережа Ивкин уже чувствовал, что добром эта история для него не кончится, но отказать напористому Шахрину не решился, просил затравленно, чтобы все прошло как можно тише. Отыскать мероприятие тише, чем рок-концерт, довольно трудно, но Шахрин клятвенно обещал, что билеты будут розданы только ближайшим друзьям, никто ничего не узнает; он, видимо, и сам в это верил, не знал еще, что нет мероприятия более публичного, чем подпольный рок-концерт, куда рвется добрая половина города.

Вечером 26 октября к маленькому ДК МЖК опять стекался народ, было его куда больше, чем в прошлый раз. Все с билетами, изготовленными дизайнером и фотографом Ильдаром Зиганшиным действительно в весьма ограниченных количествах, а потом размноженными сразу несколькими доброхотами. В дверях случилась давка, ребята с МЖК старались навести порядок, спрашивали: «А ты кто такой?» В ответ все подряд почему-то говорили: «Я — Пантыкин». Немудрено, что самому Сан Санычу, явившемуся под конец, эмжекашники устроили скандал и впускать композитора отказались. По ДК бродил Ивкин, над ним витала тень грядущего скандала.

«Наутилус», состоявший в то время из Димы Умецкого, Славы Бутусова, Вити «Пифы» Комарова и Насти Полевой, выскочили на сцену в пижамах (кроме Насти), начали бодро, но скоро скисли, это был их первый концерт в Свердловске и второй в жизни, ни опыта, ни репетиций, звук плохой, выступление явно непродуманное, а зал орет, свистит, радуется…

Ближе к середине концерта началось параллельное действие: Ивкин вызвал Шахрина из зала и сообщил: «В отдел культуры

настучали, едут»… Шахрин рванул на сцену: «Сколько песен осталось?» — «Две!» — рванул к Ивкину: «Две песни и быстро сматываемся, ты говори, была студенческая самодеятельность из Архитектурного института».

Концерт едва успел закончиться, наусы джинсы на пижамы натянули, является товарищ Алокина со своими прихлебаями, начальник отдела культуры Кировского района… Ей навстречу народ с концерта, Алокина к Ивкину в кабинет: что было?! Ивкин: самодеятельность.

— А не рок-музыка?

— Ни Боже мой, какая такая рок-музыка?.. — отвечает Ивкин, тут в дверь врывается кто-то из архитекторов и кричит радостно:

— Наутилусы что, ушли уже? «И Алокина начала…» (Шахрин).

Декутаты и гавленоты

Так сказал шестилетний мальчик. И был глубоко прав.

После концерта «Нау» у Шахрина начались проблемы. Комсомольцам такая реклама была ни к чему, и по-своему они были правы. Шахрин, который уже один раз из МЖК вылетал, чуть ни вылетел во второй. «В МЖК ты пахал, как добровольный раб, и тебе ничего за это не обещалось, ты мог вылететь в любой момент, — вспоминает Шахрин. — Только когда ты попадал в отряд, у тебя появлялась некая гарантия получения квартиры. Тогда возникли проблемы с моим попаданием в отряд, постоянно были какие-то скандалы, я ходил, ругался… С Королевым мы чуть не дрались» (Шахрин). Этот Королев, самый большой тамошний комсомолец, при виде Шахрина только что за наган не хватался, но соратники его придерживали. Был к тому времени у Шахрина свой туз в рукаве: его фамилия значилась в списках депутатов Кировского райсовета г. Свердловска.

Началось с того, что в СУ-20 пришла разнарядка: нужен молодой человек двадцати семи лет, рабочий, желательно, не очень пьющий…

Для тех, кто забыл или не в курсе: демократия при большевиках числилась среди точных наук, где было сосчитано и запротоколировано, сколько должно быть среди депутатов хлебопеков, сколько землекопов, каков их возраст, образование, пол, семейное положение и сексуальная ориентация. Выбирали одного из одного возможного.

«Они посмотрели списки, нашли двоих подходящих, один был в командировке, я стал депутатом, — рассказывает

Шахрин. — Меня вызывают в партком, объясняют задачу, а я что-то засомневался. Они говорят: «Дурак, ты же в МЖК рвешься, тебе там активность нужна, а куда активней, когда ты депутат?»… Один день в месяц на работу не ходить, и бесплатный проезд на транспорте»… Бесплатный проезд Вову добил, стал Вова депутатом. А когда в райсовете распределяли по комиссиям, напросился в комиссию по культуре.

Будучи человеком, политически наивным, Шахрин не очень представлял, что такое народные депутаты, и к советской власти был вполне лоялен. Пока не попал на сессию райсовета. «Там я вдруг понял, как это глупо. Во-первых, смешно, во-вторых, глупо. Больше ни на одну сессию не ходил. Пару раз был на заседаниях комиссии по культуре, возглавляла ее гражданка Алокина» (Шахрин). Об этой дамочке стоило бы, наверное, написать поподробнее, но не хочется, больно нечистоплотная и неприятная личность. Любила лузгать семечки, «любила» культуру в отдельно взятом Кировском районе… Шахрин ее чуть до кондрашки не довел: «В 85-м появляются новые запретные списки, был такой «советский Биллборд», Алокина читает, и в этой сотке название «Чайф». Меня это безумно порадовало» (Шахрин). А гражданку Алокину чуть удар не хватил: ее депутат — руководитель официально запрещенной группы!..

Однако из депутатов не выгоняли. Даже когда Володя обозлился и перестал ходить на их посиделки, в райсовете эту наглость могли только игнорировать, отправляя время от времени в СУ-20 укоризненные депеши. Шахрин все равно значился депутатом. Для Володи, который все еще бился с МЖК за право на собственную жилплощадь, это был «балл» абсолютный, что-то вроде ядерного оружия. Что бы ни замышляли против него комсомольцы, выгнать ДЕКУТАТА было нереально.

Сам депутат это понимал, еще и хамил постоянно. Вступал с начальством в пререкания, лез повсюду… Создатели коммуны на МЖК, как и всякие прочие сектанты, требовали от своих адептов полного и безоговорочного подчинения, но тут пришлось зубы сжать и терпеть. Во второй раз Шахрина не выгнали. А впоследствии выделили ему квартиру на пятом этаже, который в МЖК почтительно именовался «комиссарским».

Добрейший Сережа Ивкин депутатом не был. Его уволили через месяц после концерта Нау.

«Субботним вечером в Свердловске»

Баталии текли, отдаваясь глухим эхом под узкими сводами ВИА «Песенки», жизнь продолжалась. Все шло будто бы своим чередом, но появилась в размеренном чаепитии некая тревожная нотка, почти неощутимая, но диссонансная.

Шло после дня рождения время, радостные нотки выветрились, и вокруг по поводу первого концерта «Чайфа» стали поговаривать, что мероприятие было, конечно, замечательное, но слушать это трудно. И появилась легкая неуверенность, с которой Шахрин пытался бороться, результатом борьбы стал еще один странный проект, рожденный при участии Андрея Матвеева.

«Это был самый не получившийся, но, я до сих пор считаю, самый «западный» проект, который мы придумали. Падал снег, мы с Вовкой шли по мосту на МЖК, и возникла идея сделать сейшн, запись с приглашенными музыкантами за два, за три дня на базе ДК Горького. Получился альбом «Субботним вечером в Свердловске» (Матвеев). Проект был бодрый: позвали всех знакомых, знакомые не все, но пришли. «Песни у нас были более-менее отрепетированы, — рассказывает Шахрин, — мы показывали песню, и, например, Егор Белкин слышал «Зинаиду», говорил: «Давай двенадцатиструнку, знаю, как сыграть». Пару раз прогоняли все это и тут же записывали». Белкин играл на гитаре, Дима Умецкий — на басу и пел, Бутусов пел бэки, на барабанах играли Алик Потапкин и Олег Решетников, Виталий «Киса» Владимиров на тромбоне… Действо происходило в ВИА «Песенке» весело, со всякими бегуновскими штучками, и все были уверены, что результат будет «что надо».

Альбом не решались выпустить полгода. Было в нем что-то пугающе неправильное, но не сразу стало понятно, что именно. Фокус оказался вот в чем: «Чайф» не стыковался с музыкантами, поигравшими в альбоме. Не стыковался, в том числе и по признаку профессиональному; так, Белкин играл простенький гитарный риф в «Зинаиде», и этот риф при прослушивании «вываливался» из материала, начинал жить сам по себе. Но не это главное: именно пленка показала, что «Чайф» плохо стыковался со свердловским роком как таковым. А свердловский рок, в свою очередь, не стыковался с «Чайфом».

Своеобразным подтверждением тому стала забавная мелочь: Дима Умецкий, один из отцов-основателей «Наутилуса», пел рефрен «Ты сказала мне: Скотина!». Петь Дима не умел, не мог правильно интонировать, припев вышел странный, но забавный. С тех пор при исполнении «Скотины» Бегунов дурным голосом старательно копирует неуверенные интонации Умецкого. Прижилось… Были в альбоме и настоящие находки — ни одна не прижилась.

Была, была, существовала особая свердловская стилистика! Проступала даже в самых странных своих порождениях, вроде «Апрельского марша» или замечательного, несправедливо забытого ныне «Каталога». Присутствовала она и у «Чайфа», но не зря опытный Пантыкин сразу подметил питерские (т. е. чужеродные) веяния на первом же концерте группы! «Чайф» был, конечно, местным, но… — хрен его знает!.. — все равно наособицу. Недаром многострадальный альбом мусолили целых полгода, все не решались выпустить, оправдываясь, впрочем, плохим звуком, который, и правда, вышел уж очень нехорош. Выпустили его в мае 86-го, но там была уже другая игра.

Пока же стояли они на грани перемен, которые напрашивались сами собой, и даже суперстабильный по натуре Шахрин уже не мог им противиться. Альбом «Субботним вечером в Свердловске» был неудачной попыткой перемены имитировать, пришлось меняться на самом деле. В результате появился басист Антон Нифантьев.

Нифантьев

(физиономия)

Басист Нифантьев, засветившись зеленой рожей на сейшне им. Перова, постоянно пребывал где-то неподалеку. Он играл в группе «Группе». Был юноша статный, во всяком случае, среди невысокликов Шахрина, Бегунова и Решетникова производил впечатление гренадерское. Улыбчив, несколько странен и отличался диким басовым звуком, который получал, натягивая на гитару «Урал» струны от рояля. Группа «Группа» базировалась сперва в ДК Воровского, потом в ДК Горького. «В соседней комнате сидел «Чайф». Я стал к ним заходить, чай пить, хотя чай не любил никогда. Но это так, по-соседски. А Шахрину Матвеев наговорил про меня чего-то, и они ко мне с уважением относились» (Нифантьев).

Что и правильно, поскольку Антон к двадцати одному году как минимум семь лет вел исключительно музыкальный образ жизни. Хотя в пять лет его категорически отказались принять в музшколу, указав на полное отсутствие слуха, чувства ритма и прочих дарований. Мальчик Антон мирно рос и развивался вплоть до двенадцати лет, когда тетя принесла племяннику магнитофон «Комета» и штук сорок маленьких катушек с магнитной пленкой. Там было все: и Rolling Stones, и Deep Purple, и The Beateles… Много всего. «Я всю эту беду отслушал в каникулы, недели две слушал, и у меня крышу снесло»

(Нифантьев). Только обертки у катушек были перепутаны, и Антон спустя годы узнавал, что его Sparks — это на самом деле Slade, и наоборот. На слух знал, по имени — нет.

Дальше все, как положено: выпросил у старших ребят во дворе гитару и через месяц так набил руку, что старшие взяли его в свой ансамбль, который репетировал тут же во дворе, в котельной. В 78-м, окончив 8 классов, уже играл в ансамбле института Уралгипротранс, где, кстати, позже работал проектировщиком Слава Бутусов. Музыканты в институте были лет на пять старше, и познал Антон все прелести музыкантской жизни: первые попойки, первые женщины, общаги… Кстати, басистом Нифантьев стал поневоле. «Играть я хотел на гитаре, а там не было басиста… Это беда всей моей жизни: куда бы я ни приходил, везде нужен был басист, и я везде становился басистом…» (Нифантьев).

«Так жизнь и проистекала: менялись составы, а я оставался, — рассказывает Антон, — ребята были на пять-десять лет старше, но держали за своего. Я бросил школу, потом меня раза три устраивали, поступал в девятый класс, где меня хватало месяца на полтора, уходил. Я не был хулиганом, хотя пил водку, курил, воровал слегка. Занимался только музыкой». И когда стали пачками приходить повестки из военкомата, Антон не обращал на них внимания. А зря. Повязали его прямо на дому, сказали:

— Ты что, дурак, что ли? Мы же тебя в психушку сдадим.

— Ну и сдавайте, — сказал Нифантьев.

И сдали его в психушку. В «военном» отделении на Агафуровских дачах Антон вполне безрезультатно изображал то депрессию, то какой-нибудь психоз, в остальном вел жизнь размеренную, не без приятности. «Пока однажды черт меня не дернул пошутить. Там в коридорах репродукции висели, картины всякие, и я их перевесил вверх ногами. Пошутил. Прибегают санитары в столовую, надевают смирительную рубашку, тянут к главврачу связанного, он говорит: «Ну что, Антон, ты так видишь мир?» Я кричу: «Я пошутил!» Он мне: «Ладно рассказывать, ты так видишь мир»… Короче говоря, они признали, что я не зря в военкомат не ходил, и стали меня усердно лечить, месяц кололи всякой бедой, оттуда я вышел с печатью в военном билете и вообще никакой. Полгода в себя приходил». А через полгода один приятель пригласил Антона на сейшн в ДК Воровского…

«Я смутно его помню: после обколки мне перепала пара ящиков портвейна, они там наложились друг на друга… Но я со всеми познакомился. Пусть в беспамятстве, но познакомился. В какой-то степени»…

В рок-н-ролле Антон оказался одновременно с чайфами, а через год оказался одним из них. Попадание было во всех отношениях точное. Во-первых, Нифантьев был лишен эстетского флера, весьма распространенного среди свердловских рокеров, но чуждого чайфам. Во-вторых, он был профессионалом, но не из тусовки, у которой, при всей доброжелательности, отношение к «Чайфу» было противоречивое. А в-третьих… Слово Решетникову: «Нифантьев по-человечески? Очень хороший человек. Появился он абсолютно естественно: когда мы поехали в Челябинск, у нас не возникло вопроса, кого приглашать на бас».

Гастроль

В Челябинске играли 21 декабря 1985 года. Еще на записи «Субботнего вечера» появились ребята из Челябинска, где они уже провели один концерт «Нау» и приехали договариваться о втором, а тут «Чайф»…

Бегунов с «Нау» выехали на день раньше «для осмотра аппарата». Утром проспал Решетников, Шахрин бросился к нему домой, вытряхнул из постели, на автобус успели, но с криками. В Челябинске на квартире лежали на полу серо-зеленые Бегунов и «Наутилус». После продолжительных криков: «Подъем!» — долго вставали, долго искали, чем похмелиться, нашли кубик растворимого бульона, развели в трехлитровой банке и долго пили. Что было, говорить отказались.

Шел сильный снег, целый час пробирались по занесенным трамвайным путям, пролезли через дыру в бетонном заборе на территорию какого-то завода… «Там все очень подпольно было, — вспоминает Нифантьев. — Для меня это было дико, я привык: приехали на свадьбу, там стол, угостили, денег дали. А тут все подпольно, бесплатно, спать на полу»… «Подходит пьяный мужик, говорит: «Вам дым нужен?» — рассказывает Решетников. — Я его за наркомана принял, но выяснилось, что он — пиротехник, спрашивал, пускать дым на сцену или нет». От дыма отказались.

Вел концерт Андрей Матвеев, первым выступал челябинский «Тролль», публика, настроенная на «Наутилус», встретила его сдержанно. Вторым шел «Чайф». «В первом ряду сидел известный в Челябинске Вова Синий, — рассказывает Шахрин, — который время от времени вяло кричал: «Г…но! Г…но!». Потом выскочили наусы, которые успели крепко опохмелиться, стало весело, публика бросилась танцевать, чайфы тоже. Посреди выступления задымилась аппаратура, звукари запаниковали, выяснилось, это

пиротехник дым пустил…

Концерт снимали на кинопленку какие-то дружелюбные операторы, во время танца одного из них толкнули, он рванулся ловить камеру, и Шахрин заметил, как из-под лацкана выскочил значок «Пятьдесят лет ВЧК-КГБ»… Так что в архивах челябинского КГБ должна лежать очень интересная кинопленка…

«В общем, пьяные и довольные мы уехали домой» (Шахрин). Следом приехала статья неизвестного челябинского автора, в которой было вот что: «Чайф» — свердловская акустическая группа. Главное, что хотелось бы отметить: они выступали дольше всех. Хотя после пяти песен можно было бы и завязывать». Там же, кстати, сообщалось, что Вову Синего после концерта побили. За выкрики из зала.

Чайфы о статье не знали, они думали, что все идет хорошо…

С треском!..

(Уралтехэнерго)

> «Мы заборзели тогда, это точно».
> В. Бегунов

Вместе с новым 86-м пришла весть о том, что на 11 января назначен крупный концерт. В институте Уралтехэнерго. Официально посвященный дню рождения Пантыкина, о чем не знал никто, кроме самого Пантыкина и пары организаторов. К выступлению были намечены «Ур-фин Джюс», «Наутилус», «Флаг» и «Чайф» — почти фестиваль. По всему городу собирали аппарат, готовились всяк по-своему.

«Мы долго придумывали, кто во что будет одет, какие-то шапочки дурацкие искали, пиджаки перекраивали… Было ощущение победы, когда все классно, когда всех можно на арапа взять» (Бегунов). «На арапа» они взяли еще одного музыканта: «Когда появился Антон, мы поняли, что нужен барабанщик, — рассказывает Шахрин. — Договорились с Маликовым, имени его не помню, перед концертом на лестничной площадке на коленках с ним побарабанили, он сказал, что все понял. Выпили по стакану портвейна, надели дурацкие шляпы и еще более идиотские штаны, вышли на сцену и обосрались по полной схеме».

«Флаг» выступил хорошо, «Наутилус» — очень хорошо, «Урфин Джюс» — отлично. Дело было в институтском красном уголке, у окна стоял завернутый в штору гипсовый Ленин, в зале сидела вся свердловская богема. Такая история.

«И мы поняли, что надо
еще и башкой думать».
В. Шахрин

И пришло похмелье.

«Кошмар, просто кошмар, — до сих пор вздыхает Бегунов. — Я недели две дома лежал, никого не пускал, жена всем говорила, что меня нет. Было ощущение, что все кончилось, все пропало и жизни нет. Ощущение полного краха»… У Шахрина те же ощущения отягчались местом работы жены: «Ленка работала в Институте эстетики и дизайна, на следующий день пришла на работу — все обсуждают концерт и говорят, что все классно, только «эти» — полное фуфло, работяги, и вообще непонятно, куда они лезут… Ленка призналась, что Бога молила, чтобы никто не вспомнил, что ее фамилия — Шахрина. Ей было стыдно».

«Но музыканты приняли нас прямо противоположным образом, для меня это до сих пор загадка. Белкин, у которого в то время все было «г. но» — и то «г. но», и се «г. но» — сказал массу приятных слов; и Саша Пантыкин сказал, и те же наусы, которые по сравнению с нами были просто эстеты… Может, просто все мы были не такие уж дураки?..» (Шахрин).

Очухивались примерно месяц. А жизнь вокруг ускорялась, двигалась уже крупными скачками. 15 марта открылся Свердловский рок-клуб, полным ходом шла подготовка к вожделенному рок-фестивалю, и рок- клубовские официальные лица (они очень быстро стали официальными) уже вели разговоры о том, что нельзя на фестивале позориться, т. е. «Чайф» после провала в Уралтехэнерго на сцену выпускать. Группа имела все шансы на фестиваль не попасть, это было бы поражение, пусть не смертельное, но очень серьезное.

Хотя необходимость перемен витала над группой давно (см. выше), отсюда провальная солянка «Субботним вечером», весьма удачное появление Нифантьева и возникновение барабанщика Маликова, которое доказало, что барабанщик, конечно, нужен, но не в барабанщике дело, дело не во внешних перестановках, которыми Шахрин с Бегуновым пытались исправить ситуацию.

Согласно всем законам человеческой натуры, они искали ущерб вовне, а он сидел внутри. В их собственном отношении к делу. Если музыканты тех же УД с «Наутилусом» вели жизнь откровенно партизанскую и ни о чем, кроме музыки, думать не думали, чайфы все еще делали вид, что, мол, «чуточку поиграем и

пойдем на стройке работать». Когда Антон Нифантьев стал водить разговоры о профессиональной деятельности, Шахрин ему сразу сказал, что разговоры эти пустые: семью кормить надо, и со стройки он никуда не уйдет. Бегунов думал нечто подобное, хотя и не так уверенно. Эта убежденность имела под собой крепкое основание: в то время бытие периферийных рокеров мало чем отличалось от жизни каких-нибудь эльфов, которых никто не видел, если даже что-то о них слышал, а на самом деле все это сказка. Жить в сказке затруднительно, Шахрин с Бегуновым определенно веровали, что музыка музыкой, а жить надо, вера эта переносилась и на музыку, выражаясь в том, что они никак не могли избавиться от подъезднотанцплощадочной привычки играть «как получится».

А ведь «Чайф» играл традиционный rock-n-roll. Эта музыка при всей своей кажущейся простоте «абы как» не играется, rock-n-roll — дело тонкое, сугубо профессиональное. Но наши герои на тот момент от уровня былых техникумовских танцев ушли не так далеко и с какой-то странной упертостью за этот уровень держались. Оказалось, демократия демократией, а репетировать тоже надо. Все изменилось после Уралтехэнерго.

«Я благодарен судьбе за такой провальный концерт, — признается Шахрин. — После него стало, наконец, ясно, что материал материалом, энергия энергией, но есть вступление, есть кода, есть гармонические рамки, за которые так или иначе надо держаться. Мы в первый раз поняли, что это и есть конек уральской школы, когда «все сделано». И начали делать». Но не это главное.

После Уралтехэнерго сменилось их отношение к музыке и к себе в музыке, настало время выбирать, что главное — стройка (ментовка) или музыка. Шахрин с Бегуновым выбрали последнее. Они продолжали работать — жить-то надо! — но где-то внутри сделали главный шаг к тому состоянию, которое именуется профессионализмом. И, как в плохом кино, тут же произошло событие, очертившее грань между прошлым и будущим: гикнулась ВИА «Песенка».

Конец ВИА «Песенки»

У концерта в Уралтехэнерго последствия были разные. Стоял январь 86-го, ветры перемен веяли, но вяло и в каком-то другом месте. На инструктора райкома комсомола Андрея Глухих, который дал добро на проведение концерта, завели персональное дело, что касается «Чайфа», о его соучастии в данном

мероприятии стало известно «где надо», гражданка Алокина в своей тугой голове совместила воедино депутата Шахрина, Шахрина — музыканта и группу «Чайф», и ВИА «Песенке» пришел конец. В ДК Горького Шахрину предложили освободить помещение. «Я сказал, что я — строитель, после работы культурно провожу досуг, и если другой строитель будет претендовать на комнату, чтобы культурно проводить досуг, я ее освобожу. А до этого — «Вот вам!..» — показал дулю. Тогда я не знал, что у властей много средств, но самое надежное — это пожарный. Меня нашли на работе: «Срочно в ДК Горького!». Там сообщают: «Приходил пожарный, комната находится в крайне антипожарном состоянии, будем делать ремонт, менять проводку, дверь вскрыта, забирайте ваши шмотки, пока их не растащили». Мы остались без комнаты». А по соседству продолжала репетировать группа «Группа», она в Уралтехэнерго не играла, а потому с противопожарной безопасностью у нее было все в порядке.

Стали искать базу — репутация подмочена, базы на дороге не валяются, пришлось Шахрину, который как раз в январе получил-таки долгожданную квартиру на комиссарском этаже, опять проявлять общественное рвение, выступать в ДК МЖК, где ему и выделили в апреле крохотную комнатку в подвале. И даже что-то из аппарата дали.

Начали репетировать, тут проявились дарования Нифантьева. Антон знал ноты. Ему в юности попал учебник по гармонии, и через две недели он читал с листа и Баха, и Бетховена. «Антон — единственный музыкант, так гласило общественное мнение, и я думаю, что на тот период так оно и было, — свидетельствует Бегунов. — У нас, конечно, энергии было хоть отбавляй, а элементарных знаний не было». «Но я тоже профессионалом-то не был, — это уже Нифантьев, — тоже из подворотни, правда, у меня какая-то грамота была, хотя «от фонаря» грамота, меня же никто не учил… Мы были на равных, но опыта у меня было побольше».

Вместе с Нифантьевым в «Чайфе» появилась первая девушка (и последняя), Алина Матвеева (через пару месяцев стала Нифантьевой). До того Аля была вокалисткой в группе «Группе», как-то само собой получилось, что и в «Чайфе» она оказалась вокалисткой. Хотя тут была некоторая путаница: нельзя сказать, чтобы сами чайфы были уверены в том, что она полноправный член группы. Но и в обратном они уверены не были тоже, зависла с Алиной некая неопределенность, о которой позже, а пока она работала на подпевках. Но и это еще не все, появился звукооператор Леша Густов.

«Лешка был мифической личностью, он записал какой-то

успешный альбом «С-34», который никто не слышал, но молва ходила, что он сотворил чудо, из воздуха создал звук»

(Бегунов). «Интеллигент питерской закваски» (Решетников), Густов оставался мифической личностью, даже присутствуя во плоти, за которую его когда-то даже в армию не взяли: «Он очень высокий и очень худой, такой худой, что худее не бывает, — рассказывает Матвеев, который и познакомил чайфов с Лешей. — Когда на медкомиссии его поставили на весы, врач записал следующее: «Сорок девять килограммов в трусах, не годен». Леша был ярким представителем генерации звукарей-самодельщиков, которые творили звук из воздуха, чинили все — от пультов до кофемолок, добывали электричество трением… По исчезновении Кукушкина, который хоть что-то понимал в электричестве, появление Густова снимало массу технических проблем, не говоря уже о том, что группы без звукаря не бывает.

Такой компанией «Чайф» двигался к фестивалю, на который его не хотели пускать. Во всяком случае, на первое массовое рок-клубовское мероприятие, концерт в Историческом сквере 13 июня 1986 года, где выступали под фанеру «Нау», «Флаг», группа Белкина, УД и группа Скрипкаря (весь «основняк»), «Чайф» не попал — нехороший симптом.

14 июня на собрании рок-клуба президент Коля Грахов сообщил, что «Чайф» прошел литовку. Допустили… 19-го нужно было «идти в ночное» — аппарат ставили силами всего клуба, тяжелый был. Отмазывались по домам, кто как мог. Зная, что Лена у Шахрина — девушка строгая, Решетников с Густовым поехали отмазывать Вовку, для чего долго собирались с духом. Приехали. При виде нахохленной парочки Ленка рассмеялась и пошла, делать бутерброды.

Роды № 2

(20.06.86, вечер)

Первый день первого фестиваля Свердловского рок-клуба. «Р-клуб», «Тайм-аут», «Встречное движение», «Икс», «Чайф» шел последним.

Вышел Шахрин и сказал: «Мы будем петь подзаборные песни». И начали. Уже на третьей песне («Я правильный мальчик») в зале танцевали на сиденьях. Бегунов бегал сбоку от Шахрина и производил впечатление горбуна. Вышел с тромбоном Киса, сыграл что-то невнятное, которое всем понравилось. «Неаполитанская песня», Шахрин выпил из чайника воды и представил Зему, барабанщика УД. Зал взорвался

аплодисментами — Зему любили. «Как мы решились его пригласить, представить не могу» (Шахрин).

На «Рок-н-ролле этой ночи» танцевал уже почти весь зал. В «Скотине» Решетников играл на ксилофоне, его не было слышно, и все равно «в жилу». Совсем порвался зал, когда выскочил на сцену всеобщий любимец Умецкий и стал старательно выпевать рефрен… Следующей Шахрин объявил вещь, «посвященную Курехину и Летову: «Ты разбила мое китайское сердце, но оно крепче, чем кирпич в стене»… Появился каратист, замотал в воздухе ногами, Антон играл на пиано авангард, Алина на басу.

На ходу припасли «свеженькое» «Оранжевое настроение», Леня Баксанов в цилиндре вынес кефир, его выпили под стоны публики.

«Да! Я такого успеха в Свердловске еще не видел ни у одной группы!» — по свежим следам записал в дневнике Пантыкин.

После концерта на крыльце ДК им. Свердлова, где проходил фестиваль, курили рокеры и их друзья. Когда вышел Шахрин, ему устроили овацию. Да длинную еще… Вовка натужно покраснел и… стал извиняться. Ему было неловко, не привык к успеху.

Продолжение банкета

«Фестиваль нас и сделал».
В. Бегунов

И было еще два фестивальных дня. Рокеры фестиваль ждали, радовались, хотя радоваться было особенно нечему. На фестивале решалось, кому жить, а кому не очень. Этот фестиваль похоронил группы многие и не самые худшие; если бы «Чайф» еще раз облажался, ему бы, скорее всего, больше не жить. Но чайфы сделали маленькое чудо, и даже в рок-клубовских протоколах проявилась несколько недоуменная запись: «Чай-Ф: превзошли все ожидания, подача соответствовала жанру» (Протокол общего собрания от 25.06.86). Как много всего в этой фразе…

В истории всякого движения неминуемо случаются некие особые «объединительные» мероприятия, внутренний смысл которых сводится к тому, чтобы всех разъединить. В истории свердловского рока это был первый фестиваль. До него рокеры были вместе, дальше — поодиночке. Во всяком случае, знаменитое рокерское братство до фестиваля было, а потом его вспоминали.

Фестиваль окончился опять Шахриным, на сей раз в компании с Мишей Перовым, который на фестивале

присутствовал в качестве зрителя. «Я ни с кем не играл, из зала слушал, и мне захотелось поучаствовать. Я предложил: «Давай поиграем», — Шахрин согласился» (Перов). Полчасика порепетировали в тесной рок-клубовской конурке и вне всякой программы объявились на сцене в последний день последними.

Пантыкин записал в дневнике: «Молодец, Вовка! Это твой по праву фестиваль!». Сан Саныч оказался честнее своих коллег по рок-клубовскому жюри; подводя итоги фестиваля, они отнеслись к «Чайфу» довольно сдержанно, проигнорировав даже результаты зрительского опроса, который проводили университетские студенты-социологи, зрителям группа понравилась, жюри — не очень. Ну и шут с ним, все было ясно без бумажек.

Шахрин объявил отпуск и уехал на Балхаш. Остальные балдели, кто как мог. Из отпуска Шахрин привез несколько новых песен, среди которых были «Вольный ветер» и «Шаляй-валяй». И летом же было решено, наконец, Бегунова из ментовки вытягивать, тем более, что Вовка там к собственному удивлению уже второй срок «барабанил». Но у социалистического хозяйствования было правило: уйти из одной задницы можно было только в еще большую; в качестве таковой возник метрополитен. Его в свердловском варианте уже лет пятнадцать, как начинали строить, был там перманентный прорыв, закрывать который грудью и бросился Бегунов. В том смысле, что поступил в метростроевское профтехучилище, а потом от тоннелей отвильнул и скоро оказался в СУ-20, в одной бригаде с Шахриным.

Лето кончилось, открылся сезон в рок-клубе концертом, где выстрелил «Наутилус», впервые обрядившись в псевдовоенную амуницию, и весьма уверенно отработал «Чайф». Что скажешь о хорошем концерте кроме того, что он хороший? И все бы хорошо, но прозвучала на том концерте одна песенка, которой суждено было начать в истории «Чайфа» череду событий странных и неприятных. Песенка называлась «Акция».

Чужая песенка

Что именно эта песенка собой представляла, никто не помнит. Написал ее Антон для Алины, текст Шахрина. Сыграли, как сказано, на открытии сезона рок-клуба 5 октября 86-го, хорошо сыграли, публика порадовалась. После концерта к Шахрину подошел Илья Кормильцев и сказал: «Это не «Чайф». Пятнадцать дней спустя, 20 октября, было принято коллективное решение, согласно которому «основной состав группы состоит из

четырех человек: Шахрин, Бегунов, Нифантьев, Решетников». Т. е. без Алины. «И с этого начался мой десятилетний уход», — так считает Нифантьев.

Антон обиделся. И на Шахрина, и на Кормильцева, поскольку искренне не понимал, кто тянул маститого рок-поэта за язык. Хотя поэт был не одинок, вот запись в дневнике Пантыкина, сделанная прямо по ходу выступления: «Алина спела сольную вещь. Слабо. Сразу уводит в какую-то эстрадную манеру. Антон — молодцом! На нем многое стало держаться. Играет очень музыкально и вкусно, и, что самое главное, не мешает Шахрину, а дополняет его».

Но как бы там ни было, это была первая трещинка в «Чайфе», которая определенно указывала на то серьезное обстоятельство, что группа вступила на торную рок-н-ролльную дорогу, которой никому миновать не удалось, дорогу скандалов, взаимных претензий, увольнений, уходов по собственному желанию, возвратов без желания и т. д. В истории всякой группы это самая болезненная тема, чаще всего не только со стороны, но и самим участникам не слишком понятная. В истории «Чайфа» она тоже сыграет роль не последнюю, но подробнее об этом позже, пока просто констатируем факт: 20.10.86 из группы ушла Алина. Без собственного желания. Антон обиделся и, кроме всего, понял, что композиторские его способности в «Чайфе» востребованы не будут.

Кстати, примерно в тот же момент примерно то же самое понял Бегунов. Ему принадлежало уже несколько вещей, среди них известная «Зинаида» и безвестный «Легкомысленный вальс», но… «Я нахватался фраз, начитался книг, но понял, что мои экзерсисы — это полная фигня, и завязал окончательно» (Бегунов). И не обиделся, это важно.

А жизнь катила колесом. В середине октября чайфы успели приобщиться к таинству вкушения халявных комсомольских благ, которое называлось «рок-семинар» (пьянка, пьянка, пьянка). Всей толпой выехали на турбазу «Селен», долго пили, трезвым остался только «Чайф», да и тот только от ответственности — они должны были играть концерт, посвященный дню рождения Славы Бутусова. Сам именинник тоже был на сцене, пытался приплясывать и подпевать, что было сложно, слова Слава и свои-то никогда выучить не мог, а уж чужие… Орал, что ни попадя, — хорошо сыграли.

Так добрались до Нового года, отыграв между делом еще штук пять малозначительных акустических концертов вроде Дня первокурсника в Горном институте. Кончился 1986-й, год следующий обещал быть не менее веселым, все этого ждали и в

ожиданиях не ошиблись.

Казанско-пермская солянка

10-го января чайфы, группа Белкина и «Нау» были в Казани, но без Бегунова и Решетникова, не то на поезд опоздали, не то весь поезд опоздал. А концерт, первый платный концерт в их жизни, был назначен на 15.00. Выручили Зема с Пантыкиным.

Сашка Пантыкин и Вова Назимов, два несгибаемых урфинджюса, были «профи» очень высокого класса, но не это главное, им программа понравилась. И чем дальше разбирались, тем больше нравилась. «Ух, интересно с шахринским репертуаром, — записал в дневнике Пантыкин, — такое море возможностей!». За полтора часа до концерта уселись в ужасно холодной комнате № 48, «Пантыкин достал свою знаменитую амбарную тетрадь, сказал: «Тональность!» — рассказывает Назимов, — гармонии выписал, мы так и отлупасили весь концерт. Там два аккорда, соло играть, кроме Сашки, некому, ну он и лепил горбатого… Я страшно перся!». «И отыграли — полный класс, так что Пантыкин хоть чуть-чуть, но имеет отношение к группе «Чайф» (Шахрин).

Бегунов с Решетниковым подъехали к вечернему концерту, он вышел средним, но на следующий день сыграли два очень боевых, в последнем к ним на пару вещей присоединился Пантыкин, которому в тот день исполнилось 30, о чем Шахрин объявил в микрофон… По окончании концерта взялись это дело отмечать: ходили по коридорам голые, друг на друга орали, философствовали, умудрились напоить Шахрина, который не пил и пить не умел. Вовка сидел в семейных трусах, в короне из фольги и смеялся. Остальные смеялись над ним. Концерты были платные, ставка — 3 рубля 96 копеек за концерт на брата. Что заработали, пропили, а что не хватило, от себя добавили.

6 февраля — «Чайф» и «Нау» в Перми. Пили. Она веселила поначалу, добрая рокерская пьянка. В поезде Могилевский с Умецким ходили босиком в тамбур курить. Февраль, пол железный, промерзший, снаружи снег заметает; стояли ребята, разговаривали, с ноги на ногу переминались… Забыли в вагоне сапоги Бутусова, а какой концерт без сапог?.. Побежали искать поезд, он на сортировке, нашли вагон, привезли сапоги, публика в зале сорок минут хлопает…

И пришла из Перми газета, где в статье «Не повторять ошибок» было вот что: «Две группы — «Наутилус» и «Чайф» — это два разных по мастерству коллектива. И если к «Наутилусу»

можно присмотреться и что-то взять для городского рок-клуба, то «Чайф» — это то, от чего, по-моему, нужно отказываться. И. Конюшевская, методист МДСТ»… («Вечерняя Пермь», 4.03.87). Взял пермский рок-клуб, если такой был, что-то у «Нау» или нет, неизвестно, а «Чайф» обиделся.

Барабанная рокировка

В конце марта Шахрин с Решетниковым ехали в троллейбусе на задней площадке, и Олег сказал приблизительно следующее: «Вова, давно хочу тебе сказать, что я не хочу этим заниматься, это не мое». Шахрин растерялся. Приехали к Шахрину, долго говорили, подъехал Бегунов, уговаривали… Никто такому обороту не удивился, назревало давно, как минимум с того момента, когда в группе появился Нифантьев.

«Пришел Антон, он очень агрессивно играл, бас добавил жизни, — рассказывает Бегунов, — тут и выяснилось, что Олег не тянет. Он сам начал это понимать. А после фестиваля было чувство, что «зря мы Зему взяли». Конечно, не зря, но стало ясно, что Олега нам мало».

Олега было мало, все это знали, отсюда Маликов, отсюда Зема на фестивале, да и братья-рокеры Шахрину с Бегуновым частенько об этом говаривали. Пантыкин, однажды с Олегом поиграв, записал в дневнике: «Менять перкуссиониста! Работает плохо, очень тяжело с ним играть и еще тяжелее слушать».

Олег был не столько барабанщик, сколько ксилофонист, он до сих пор любит этот нежный инструмент, но в рок-группе ксилофон в качестве основного инструмента — это даже для «Чайфа» было бы слишком смело.

Были и немузыкальные причины. Тихий, погруженный в себя Олег в том же рок-клубе производил впечатление чужака и, кажется, сам такой образ поддерживал. Не любил суеты, крика; выпивать выпивал, но без должного ухарства. Его раздражали гастроли: «Начали по гастролям ездить, что мне ужасно не понравилось — неустроенная жизнь, как выяснилось, утомляет. Работа эта — совсем не сахар, а пить столько НЕЛЬЗЯ!» (Решетников).

Олег совершил поступок уникальный, второй такой в истории русского рока отыскать, кажется, нельзя: он ушел из группы, которая уверенно набирала популярность. В таком положении люди чаще всего уходят без собственного желания, а Олег все сделал сам. С уходом Решетникова «Чайф» окончательно оторвался от патриархальной эпохи ВИА «Песенки». На очереди

была совсем другая эпоха, мечтать стало некогда, настала пора действовать.

Тем более, что время для развода было самое неподходящее, рок-общественность бурлила, натужно переваривая ужасное известие: в начале апреля состоится выездной пленум Союза композиторов СССР, на котором будут обсуждаться вопросы молодежной музыки. Мало того, для участия в пленуме в город Ленинград приглашаются свердловские рок-группы. Пришла весть — начался скандал. Как они боялись!.. Маститые требовали не допустить позора и никуда не ездить. Кто понаглей и поперспективней, вроде наусов, нервно матерился и заявлял: «А вот мы им поедем!». Медведи, да будет всем известно, в Свердловске по улицам не ходят, кедровые шишки на газонах не валяются, люди не совсем чтобы из тайги с дубиной вышли, но ехать в Питер, играть с «Аквариумом», с «Аукцыоном»…

Приглашались две группы: «Наутилус» и «Чайф». Разумеется, среди ответственных лиц немедленно начались разговоры на тему: «А достойны ли данные представители?». «Нау» был, судя по всему, достоин, с «Чайфом» началась непонятица, в которую с жаром включился Егор Белкин. Он ужасно хотел в Питер ехать, а его, как назло, не звали. Егор принялся Шахрина уговаривать добровольно от поездки отказаться, тот отказался отказываться, и пошла писать губерния!.. Эта байда всплыла даже на общем собрании рок-клуба (2.04.87), а тут беда — «Чайф» без барабанщика!

«Не помню, как у нас хватило наглости предложить поиграть Назимову Вовке, — рассказывает Шахрин, — на то время он было очень известный, очень профессиональный, в общем, лучший барабанщик в городе». Наглости хватило, предложили. Зема согласился.

Зема

(физиономия)

> *«С Земой был праздник».*
> *А. Нифантьев*

Володя «Зема» Назимов был Шахрина с Бегуновым моложе, но числился среди ветеранов. Играл еще в легендарном «Урфин Джюсе», который совсем недавно для того же Шахрина был не менее мифологичен, чем какой-нибудь Цветик-семицветик. То есть относился к старшему поколению свердловских рокеров, людей иной закваски, иного образования и музыкального уровня.

Он был из того десятка человек, которые и были знаменитый свердловский рок. Короче, Зема принадлежал поколению, которое уходило. Но уходить не собирался.

Невысокий, худой, жесткий, быстрый в мыслях и в движениях, по-рабочему категоричный, Вова Назимов, прозванный Земой, был выходцем из города Верхняя Пышма, ближнего подсвердловья, с восемнадцати лет вел жизнь исключительно рок-н-ролльную, музыка была его естественной средой обитания. «У Земы есть одно замечательнейшее свойство: он любит играть на барабанах и этого не скрывает. Всегда видно, что человек отвязывается, это так же, как женщину любить» (Бегунов).

Но в группе Зема был совсем не сахар, в группе он был строг. Выросший и возмужавший в жестких, плохо приспособленных для жизни условиях «Урфин Джюса», Назимов был профессионалом и чужой непрофессионализм прощать не умел. А на сей счет перед ним открывалось поле деятельности почти не возделанное: «Когда я их увидел, это был бардак полный. Принцип один: лупить по струнам и что-то там петь. Я говорю: «Ребята, это детский сад какой-то, надо двигаться, или вам самим неинтересно станет»… И мы стали говорить об аранжировках» (Назимов).

«Зема здорово нас подтянул, — рассказывает Шахрин. — Что касается музыки, он человек жесткий, где лажа, останавливается и говорит прямо: «Здесь лажа! И нужно сделать так, чтобы ее не было!». Спорить с ним было бесполезно, особенно таким интеллигентам, как Шахрин с Бегуновым, которые орать-то толком не умели, а в «Урфин Джюсе» музыканты иной раз часа по три друг на друга орали без передышки, и все из-за какого-нибудь бемоля…

«Он всегда был очень энергичен, — вторит Шахрину Антон, — он же бешеный, пышминская закалка… Предлагал свои идеи, аранжировочные моменты, мы с ним всю ритм-секцию перелопатили». Перелопатили почти моментально, две-три репетиции, и Зема знал все наизусть. И того же требовал от остальных. Пришлось строителям подтягиваться. «Мы уже тогда в принципе много чего могли, неплохо временами звучали, энергетически неплохо себя отдавали, но могло случиться что угодно. Аранжировки были — что-то среднее между костровой песней и роком, достаточно хлипкое построение. А Зема — он «супер», он столько дал, что мы вдруг поняли, что мы — группа. Это было именно с Земой» (Бегунов).

«Чайф» еще раз вроде как бы родился заново. И ничего удивительного, с ним это и впредь происходить будет постоянно.

Утренник

«А нас покатило! Вот катит и катит».
В. Шахрин

Третьего апреля выехали в Питер «Нау», «Чайф» и Белкин, который все-таки добился своего (и зря). Прямо с самолета автобус со свердловчанами прибыл на святое для каждого советского рокера место по адресу Рубинштейна, 13 — Питерский рок-клуб. Место их несколько разочаровало: «Ну, Рубинштейна… Ну, 13…» (Нифантьев). А все по серьезному, как у взрослых, с рок-клубовским начальством, тары-бары… Только Шахрин с Бегуновым чудили, чем портили дипломатический вид уральского посольства и вызывали легкое раздражение у официальных лиц. Чем, спрашивается, им Алиса Фрейндлих помешала? Идет женщина по улице, так нет, надо бросаться мордами на стекла автобуса, орать благим матом… Ноги им, видите ли, у актрисы не понравились…

Шахрина и Бегунова злило одно всем очевидное обстоятельство: в этой поездке, такой для всех важной, на «Чайф» никто ставки не делал, они шли вторым эшелоном. Более того, солидным людям было не очень понятно, с чего это питерцы, люди, очевидно, тоже солидные, эту группу позвали. Впрочем, солидным людям портил настроение еще и гвоздь программы, Бутусов с Умецким, которые тоже странно себя вели. Гвоздь был настроен так, что мог программу и сорвать, что чуть не вышло, но об этом позже.

Второстепенный «Чайф» поставили первой группой в дневной концерт. «Утренник», но не в детсаду, а в ЛДМе. Вторым должен был идти Белкин, но у него Могилевский с саксофоном не приехал, и Егора переставили на вечер. Получилось, что чайфы будут работать в одиночку. Да еще организаторы «утешили», сообщив, чтобы «ребята не очень волновались, все равно билеты и на ползала не проданы»… Как говаривал распорядитель на похоронах: «Пока все идет нормальненько»…

Суббота, 4 апреля, 12.30. Огромный зал Ленинградского дворца молодежи, в нем человек шестьсот. Так казалось из зала, со сцены все всегда выглядит иначе, Шахрин уверен, что там было человек триста. Хуже не придумаешь. И сидят тихо, хоть бы похлопал кто для приличия, но хлопать никто не стал, группа «Чайф» в тот момент была в Питере неизвестна.

Пантыкин сидел в зале с амбарной тетрадью, записывал, что видел: «Нет ничего хуже, чем выступать перед полупустым залом. Увидев чайфовцев, понял, что они вышли на подвиг. И они его

совершили».

Шахрин сообщил залу, что они будут играть подъездные песни, но вид ребята имели такой, будто собрались устроить подъездную драку: Бегунова за одно выражение лица бывшие коллеги по ментуре должны бы были повязать прямо на сцене; Нифантьев с бас-гитарой, в пальто и с носовым платочком на голове; Шахрин «на полусогнутых»… «Вмазали»… Зал поначалу не разобрал, что к чему, и напрягся. «И вдруг мы поняли, что людям в зале нравится! И тут какие-то злобные панки принялись с каждой песней через ряд перешагивать, садиться ближе, потом еще через ряд, еще ближе…» (Шахрин). У Земы упала стойка с тарелкой, из кулис вылетел Умецкий, поставил на место. «Шахрин работал с огромной отдачей, — записывает Пантыкин, — может быть, даже где-то перегибая палку». Скоро стало трудно по залу судить, полный он или нет… «На сцене просто какой-то беспредел стоял» (Бегунов).

«Вышел Коля Михайлов и сказал, что самолет не прилетел и вторая половина концерта не состоится. Но зал, похоже, не очень расстроился, «Чайф» явно отработал за две группы, а то и больше» (из дневника Пантыкина).

Постбит — недопанк

Еще во время концерта кто-то из своих сказал: «Это серьезная заявка на победу», но для чайфов это была победа в натуральном виде, куда более серьезная, чем могло показаться. Питер — кому город, а кому и больше. Не зря в Свердловске их частенько обвиняли в грехе «питерщины»… На том утреннике «Чайф» наконец встретился с Питером, Питер — с «Чайфом», они друг другу понравились.

После концерта «злобные панки», которые ряд через ряд пересаживались, пришли в гримерку. Шахрин: «Все в заклепках, с ирокезами, ну страсть, смотреть жутко. Мы стоим, такие деревенские, а меня пихает сбоку Бутусов, говорит: «Нормальные они парни!». Они говорят: «Мы — «Объект насмешек», поехали пивка попьем!». Мы думаем: «Сейчас зароют»… А меня тычет Бутусов, говорит: «Езжайте, все нормально! Нормальные парни».

Панки эти были питерские интеллигентные ребята, которые упорно пытались хоть кого-нибудь напугать. С чайфами им пофартило. «Приезжаем к Рикошету, там полуразрушенная квартира, — вспоминает Бегунов, — сидим и думаем: «Бляха-муха, живыми-то выйдем отсюда или нет?» Оказалось, ничего, выйдем».

«Это так себе были панки, — смеется Нифантьев, — это были мажоры». Натуральной атаке подвергся только Леха Густов: «Сидели, выпивали, а Скандал большую часть банкета с ненавистью смотрел на Леху Густова: сидит человек правильный, в пиджаке, в галстуке — у Лехи всегда была внешность обкомовского работника со сломанной судьбой» (Бегунов). Но кончилось мирно. При том, что музыка панкам действительно понравилась, хотя о «Чайфе» они слыхом не слыхивали: «Рикошет рассказывал, что они ничего не знали — какая-то урла из Свердловска, посидим, похихикаем…».

Огорошила панковская уверенность в том, будто чайфы — тоже панки. Приличные уральские парни как-то даже растерялись, а им еще и тексты в качестве подтверждения цитировали и утверждали, что это чистый панковский стеб. Но Шахрин-то писал это все искренне… Даже сами чайфы не знали, что тут они попали в истинно свердловское русло, та же история произошла некогда с «Урфин Джюсом», а частично и с «Треком». Тексты песен, особенно урфиновские, на человека неподготовленного действовали сильно: поздне-социалистическая агитка с элементами тоталитарного примитивизма. Агитка настолько откровенная, что на людей более испорченных, чем уральские рокеры, производила впечатление тонкого стеба «а ля постпанк». Прошли годы, и вполне невинные тексты Шахрина панки прочитали «с точностью до наоборот». Шахрин, кстати, к такому прочтению отнесся вполне внимательно, с учетом на будущее…

И тем не менее панковские интонации присутствовали. «Мы тогда начали панковать помаленьку» (Нифантьев). Слушали Stranglers, Sex Pistols песни у Шахрина писались быстро, одно в другое перекачивалось. Но и панками себя объявить они не могли, ибо таковыми не являлись. Но определяться со стилем было пора, а то можно было черт знает кем оказаться. Название пришло. Когда после ночи с панками чайфам задавали вопрос, какую музыку они играют, ребята выдавали формулу доморощенную, но по-своему точную: «Постбит — недопанк».

А Нифантьев остался без бороды. «Я тогда отрастил почему-то бороду. А Рикошет ходил и говорил: «Тоха, все клево, но бороду ты должен сбрить! Какой панк с бородой?!». И в течение всей этой попойки он ходил и говорил: «Он должен сбрить, а то у нас будут серьезные разборки»…» (Нифантьев). Антон посреди ночи заперся в ванной и в антисанитарных условиях сам себя лишил бороды. Когда утром чайфы со следами припухлости на лице прибыли в ЛДМ, свердловчане ахнули:

— Вчера с бородой был!..

— Какой панк с бородой?! — гордо отвечал Нифантьев.

Пленум тем временем шел, интересный был пленум Союза советских композиторов, но не в нем наш интерес, потому что с «Чайфом» все стало ясно. «Чайф» был новинкой, остальные выглядели бледнее. «Наутилус» (с учетом пред концертной подготовки — пьянка, нервы, пьянка) сыграл очень средне, чем вызвал восторженную истерику среди публики и журналистов. Для «Нау» наступал сложный период, их переставали слушать, на концертах просто орали. Но это другая история.

Белкин провалился. С таким оглушительным треском, что впоследствии в себя не пришел и затевать собственные проекты больше не решался.

Шахрин бунтующий

Скандал пришел, откуда не ждали. 21 июня 1987 года бывший депутат Кировского райсовета Владимир Шахрин отказался участвовать в выборах следующего состава того же райсовета.

Сам Шахрин никакого скандала поначалу не предполагал, «достали» его депутатские штуки, взял и не пошел голосовать. Ну, достали, что поделаешь?

Для тех, кто помоложе или запамятовал: коммунисты старались быть демократами и стопроцентной явки на выборы не требовали. Норма была — 98,9 %. Но уж тут — чтоб, сволочи, все до единого! Списки избирателей сверялись нерегулярно, в списках значились умершие и недееспособные, по факту на выборы являлось избирателей даже больше, чем было в живых. А тут Шахрин…

Избирательный участок был в соседнем доме, послали к нему женщину-агитатора. Шахрин не сагитировался и опять не пошел. Послали другую, она сообщила: все в районе проголосовали, а вы — нет. Спросила: «У вас что, крыша протекает?». Шахрин вопросу несколько удивился, жил в шестнадцатиэтажке на пятом этаже и был не в курсе, текла крыша одиннадцатью этажами выше или нет. Женщина ушла, вернулась, взмолилась: «Меня так и будут гонять, вы бы пошли, написали отказную, если такой смелый»… «И меня заело, — рассказывает Шахрин, — пошел вниз, там сидят мент и инструктор из райкома, больше никого… Говорят: «О! Вы голосовать?». Я говорю: «Нет, мне сказали написать какой-то отказной лист»… «А что у вас, крыша протекает?»…

Шахрин объяснил, что крыша у него в порядке, а голосовать он не хочет, потому что не хочет. И началось… Инструктор

сказал: «Владимир, вы дурака не валяйте, показатели нам не портите. У нас есть, конечно, две бабушки, которые отказались, но у их объективные причины: у одной крышу снесло, у другой водопроводчик не приходит вторую неделю. А вы поступаете неправильно!». К инструктору присоединился мент с сигаретой, вдвоем стали тонко намекать на какие-то очень толстые обстоятельства, которых Шахрин не понял, но разозлился и написал-таки отказной лист.

На следующий день, а был это день Володиного рождения, 22 июня, появился еще один инструктор райкома, некто Кузнецов, и стал строить намеки, что отказной лист не поздно еще забрать. Пугал Шахрина тем, что быть Володе всю жизнь землекопом. А он не испугался, потому что и так был землекопом. Кузнецов не сразу, но сообразил, что толку не будет, и перед уходом «вызвал» Шахрина в райком КПСС к третьему секретарю. «Я надел шинель старую, сапоги монтажные, принял максимально панковский вид и пошел, — рассказывает Шахрин. — В приемной секретарша бутербродом поперхнулась, когда меня увидела: «Вы к кому?..» Думаю: сейчас я вам устрою шоу»…

Секретарь Е. Порунов оказался не слишком оригинален, тоже пугал, но с вариациями: обещал, что история «аукнется» не только Вове, но и детям его. А возможно, и внукам. И не будет у них ни телефона, ни автомобиля… Но в качестве основного пункта обвинения на сей раз выступал огромный фанерный стенд с орденами ВЛКСМ, стоявший на въезде в город, кто-то на стенде написал: «Чайф»… «Видите? — взывал товарищ Порунов, — ваша музыка и ваши поступки оказывают на молодых людей такое влияние, что они на орденах комсомола пишут что ни попадя!».

«Он говорил, но как-то неубедительно, пугал, а не страшно. Это как со зверем: ты испугаешься, он давит, нет — уже зверь начинает приседать. Я понимал, что он меня боится гораздо больше, чем я его, что я ему показатели какие-то испортил, что за эту мою бумажку ему по башне дают».

Тем бы дело и кончилось, но коммунисты еще надеялись хоть как-то Шахрину кровь попортить и предприняли жалкую попытку хотя бы из комсомола его выгнать. И тут облажались. Володю известили, что комсомольским собранием ДСК он исключен из доблестных рядов ВЛКСМ. Шахрина заело, он явился на следующее собрание и произнес речь, в которой указал на нарушение устава ВЛКСМ, согласно которому исключить заочно нельзя, на собрании-то его не было. И вообще, пора его выводить из комсомола по возрасту. Выяснилось, что собрание и исключение — обычная комсомольская липа — не было ни того, ни сего. Нормальные ребята-работяги возмутились и

проголосовали: «Считать решение комитета ВЛКСМ ДСК недействительным, восстановить Шахрина в рядах ВЛКСМ и отчислить по возрасту с почетным сохранением комсомольского билета на память». В середине 87-го коммунисты власть еще имели, а уверенность уже потеряли. И пролетели. Хотя еще год назад Шахрину могло крепко нагореть… Но все опять случилось вовремя.

«В политику я с тех пор не лез, понял — мне в политике делать нечего» (Шахрин).

Лето

В остальном лето было звонкое. «Я до сих пор считаю, и никто меня в том не переубедит, что наивысший энергетический выплеск раннего «Чайфа» — это группа с Земой, — свидетельствует Андрей Матвеев, свидетельствует сущую правду. Быть может, это был единственный период в судьбе «Чайфа», когда все получалось само собой, не требуя усилий, когда не настало еще время проблем, когда все были молоды, относительно мало пили и т. д. Играли не часто, но метко. Конец мая — второй фестиваль свердловского рок-клуба, опять утренник — 12.00, концерт несколько путаный, но более чем энергичный. По итогам фестиваля «Чайф» оказался на первом месте, обогнав прославленный питерский «Телевизор». Правда, чуть позже оказалось, что на первом месте почему-то уже «Наутилус», но это не важно. Чайфам дали приз «за актуальность»…

Конец июня, Белоярская АЭС, большой праздник маленького атомного городка Заречный. Впоследствии это выступление называли «концерт в пользу Назимова», Вовка в тот момент записывал первый проект Насти Полевой «Тацу», записывал всю ночь, освободился в шесть утра и на такси еле поспел в Заречный. На такси и ушли все деньги, там заработанные. И вся поездка состояла исключительно из маленьких забавных недоразумений. Впервые взяли с собой жен, поселили их в местной гостинице, в номерах «люкс». Обычно на гастролях койки в общагах, а тут не номер — стадион. И сколько бы потом ни жаловались на жутковатые гастрольные ситуации, жены им больше не верили.

Бегунов с Густовым решили порыбачить. Взяли удочки, пошли червей копать. Копнули раз — нет червей. В другом месте — тоже нет. «Когда мы метра на полтора углубились в почву, я понял: что-то тут не так! Канаву выкопали — нет червей на экологически чистой Белоярской атомной»… (Бегунов). Что до

концерта, концерт вышел боевой: стадион, аппарата горы, все самопал, ревет ужасно, ничего не слышно… Но лихо.

Июль, Рига. Началось с того, что Бегунов пошутил неудачно. «Шереметьево, идем, рожи помятые, небритые, а на контроле вопрос: «Что в кофре?». Бегунов: «Пулемет». Ему быстро объяснили, что еще одна такая шутка, он останется в Шереметьеве, навсегда к перилам прикованный. Но Шахрин тоже «ситуацию расслабил»… В кофры заглянули, там гитары, какая-то баба: «А кто вы такие?». Шахрин совершенно спокойно: «Седьмой состав «Песня-ров»… Мы-то ржанули и прошли, а они там крепко озадачились…» (Назимов).

Прилетели в Ригу, Антон удалился с «Телевизором», на репетиции его нет, возникла угроза и на концерте не увидеть. Шахрин добрался до Светы Данилишиной («Шина», директор «Телевизора») и сказал: «У меня в кармане двести рублей, если в пять Антон не будет в форме, я эти двести рублей положу, но Борзыкина напою, он завтра точно на сцену не выйдет!». «А у Шахрина есть одно преимущество, — рассказывает Назимов, — когда он подобные вещи прямо в шары говорит, я ему верю, так оно точно и будет. Шина тут же бросилась, нашла Антона, и на сцену он вышел».

Выступать начали в полной тишине, в зале просто никто ничего не понял. «Но Шахрин их дожал. У него есть какая-то странная энергетика, у Вовки, я замечал, — это Назимов, — ему «пополам», он на амбразуру бросается, человек такой, по-другому не умеет. Как-то мы их раскачали, они стали на сцену прыгать, у Антона микрофон отгребать, а Антон и сам-то еле отгребался, его хмель душил, его поставили на ноги, но не привели в сознание. Веселый был концерт…»

После концерта Шахрин удостоился похвалы, которую до сих пор вспоминает. Был там отличный звук, делал его тормозной латыш-оператор, серьезный дядя, Шахрин решил его поблагодарить. Но оператор благодарность отвел. «И сказал легендарную фразу: «Кто как играет, тот так и звучит» (Шахрин). В Риге получили какой-то приз, какой, никто не помнит. Их волновала другая проблема: впервые за два года, т. е. после диковатого «Субботнего вечера», они решились сесть на запись.

«Дерьмонтин»

(«Дуля с маком»)

«Что нас тогда проперло?..»

Писать сели один альбом, а записали два за 13 дней (10–23.09.87). В поту. Пот был натуральный: «Там было очень жарко! Там трубы какие-то проходили… И я одного не могу понять: как мы наворотили столько за такой промежуток времени?..» (Назимов).

Незадолго до того появился молодой человек, имя его тоже никто не помнит, и предложил в качестве базы оркестровую комнату в ДК «Уралобувь». Большая комната, обитая тканью, на стенах инструменты для духового оркестра, а оркестра нет, есть два восточнонемецких комбика Vermona, барабаны Amati, пульт какой-то — просто роскошь! Остальной аппарат собирали по всему городу, как говорит Бегунов, «по кускам». Для соло-гитары выпросили у кого-то роскошную на вид педаль, с трудом ее притащили, весила как холодильник, хоть и с надписью «Гитарный микропроцессор». И ни разу не включили — дерьмовый оказался процессор…

«Больше всего времени потратили на то, чтобы замаскировать барабаны, тряпками завесить, всю мануфактуру в ДК собрали, сделали шатер, как-то потом Зема туда залезал…» (Бегунов). «И ура! Вперед! Погнали!.. — смеется Назимов. — Дубль писался так: все готовы? — Сыграли! — Послушали… — Никто не ошибся?! — Никто не ошибся… — Ошибся — вместе переписываем».

Привлекали к работе граждан, которые в гости заходили, следы чего в альбоме остались: «Криво нам напел Леня Баксанов, старый друг, зашел посидеть, предложили попеть… Спели, а поскольку тогда не очень точно слушали, прозевали, что там кто напел. Сверху кривой такой голос торчит, так это Леня…» (Бегунов). Пел Зема, пел Леха Густов…

«Работалось здорово, само катилось. А в конце выяснилось, что песен очень много, и они сами собой делятся на два разных альбома. Мы страшно удивились. Писали один альбом, а выяснилось, что два, они разные даже по звуку» (Бегунов). Первый сам собой назвался «Дуля с маком», второй получился диковатый, почти панковский, но никак не назывался, пока не пришел Бегунов и не заявил: «Дерматин». Ему сразу сказали, куда забить такое название, но Бегунов закричал: «Ты не слушай, ты читай!». И написал название по буквам, после чего оно было принято немедленно. Слово «Дерьмонтин» придумал словотворец Бегунов. В стиле «недопанк».

Альбомы вышли такие, какие писались: лихие, сумбурные, состоявшие наперечет из вещей, которые все «без пяти минут хит». Написанные быстро, а тогда Шахрин чуть ли ни на каждую

репетицию по новой песне приносил, отрепетированные быстро и очень быстро записанные, они несли в себе непосредственность, легкость и недоделанность. На первый план сама собой выдвинулась спайка Назимов — Нифантьев, мощный бас и напористые барабаны оттеснили в звуковой фактуре на второй план все, даже голос Шахрина, а бегуновское гитарное творчество оказалось и вовсе на периферии.

Хотя именно Бегунов предпринял на этой записи эксперимент, для Свердловска почти революционный: отказался играть сольные куски в традиционной манере. Соло-гитарист, полностью переключившийся на риф, — это была измена профессии. Но это был еще один шаг на пути самоопределения «Чайфа», шаг в сторону индивидуальности.

Запись вышла бодрая, агрессивная, почти злая, что «Чайфу» в общем-то не свойственно, но очень точно отражавшая тот насыщенный, короткий и веселый период в жизни группы. Короткий, потому что он уже кончался.

Вторая барабанная рокировка

> «Когда меня пригласили в «Наутилус», я в первый момент не понял: а что с «Чайфом» — то делать?..» — В. Назимов.

Пригласили Зему в начале осени. Алика Потапкина забрали в армию, наусы остались без барабанщика и позвали Зему. Спорить с этим фактом было бесполезно, «Наутилус» за одно лето взлетел почти до небес, перспективы имел почти космические, выбора у Земы не было. «Мы даже не уговаривали, — рассказывает Бегунов. — Как бы мы ни кокетничали, все равно понимали, что это человек другого уровня». «По тем временам это было очень выгодное предложение» (Шахрин). «Чайф» тогда был группой областного уровня» (Назимов). Вовка хотел быть профессионалом, в «Чайфе» играли два строителя и Нифантьев, грузчик из булочной.

«Но Земе у нас нравилось. Мы разрешали ему петь, а представь себе Зему, поющего в «Урфин Джюсе»… В группе тогда очень хорошая была обстановка, да и просто ему рок-н-ролл нравился. Зема вообще всегда очень правильные вещи делал в жизни», — свидетельствует Бегунов. Но на сей раз промахнулся, он пришел в «Наутилус» в мутный момент, когда группа судорожно набирала высоту, чтобы развалиться, как печально знаменитый Челленджер. Хотя до развала оставался еще год.

«Потом я думал, — усмехается Назимов, — играл бы в «Чайфе» — до сих пор бы играл».

Но ребят Зема постарался в трудное положение не ставить: он привел себе смену, нового барабанщика. Сам с ним репетировал, учил материал, потом репетировал с «новым» составом. И остался доволен. Барабанщиком стал Игорь Злобин. Старый назимовский приятель, человек опытный, непьющий, потому что зашитый, и вообще славный малый… Приняли его в свои тесные ряды просто и без разговоров. Да и выбора не было.

18 октября проходило 'закрытие первого (и последнего) семинара рок-клубов Страны Советов. Чайфы играли акустику, играли впятером, Зема передавал эстафету Злобину. «Чайф» просто порадовал, здорово! — записал в дневнике Пантыкин. — Новые песни, новый саунд, возврат к акустике, Зема подпевал, Злобин играл доп. перкуссию. Они собираются работать со Злобиным, т. к. Зема занят у «Нау».

Но это история иных времен.

Глава 3
Бестолковщина. Новые времена

(приходят незаметно)

«И начался странный период -
самое бестолковое
в истории группы время».
В. Шахрин.

Бог знает, что творится с временами. Как они приходят и уходят. И откуда берутся времена новые, если все время были старые?..

Мало кому дано распознать миг, когда времена меняются, потому-то мы обыкновенно думаем, что времена идут еще старые, ан гляди ж ты, они уже провернулись. Пока дойдет, что времена иные, они уже заново вывернулись и стали какие-нибудь сверхновые, другие. Из чего следует, что живем мы не там, где нам кажется. В смысле времени.

Осенью 87-го «Чайф» был на взлете. Группа, еще весной в плане перспектив более чем сомнительная, осенью сама в себе уверилась и в общественном мнении утвердилась вполне. «С ходу взяли» Питер, прокатились по фестивалям, записали два альбома… Иначе говоря, добились всего, о чем раньше только мечтали. Мечтать стало не о чем. Добиваться тоже нечего. Делать стало нечего. Тем более, что музыка делом не считалась, не была работой, она просто была. Иногда играли концерты, в остальное время работали на стройке. Бегунов и Шахрин в одной бригаде. Но сближались друг с другом Бегунов и Нифантьев — пили вместе. Шахрин оказался на отшибе. И вот что странно: летом из него песни перли, как из форточки, осенью форточка закрылась, ни одной песни. В общем, симптоматика вырисовывалась тревожная, но об этом не думали, потому что все шло демонстративно хорошо.

И на рок-н-ролльном фронте в целом все шло хорошо. Как на железнодорожном плакате «Счастливого пути, товарищи!..» — где ехидно ухмыляющийся Ильич Ленин машет проезжающим коротенькой детской ручонкой. Год 87-й в истории русского рока был странным. Год всеобщего рокерского возбуждения, радостного и нервного. Год долгожданного триумфа, когда общество востребовало-таки рок-н-ролл, чему все рокеры много радовались, хотя радоваться следовало далеко не всем, ибо

востребовало общество не тот рок-н-ролл, который был, а какой-то другой, которого в реальности как раз и не было. Общество востребовало миф о русском роке. Подлянку не заметили, радовались. В Свердловске идея мифологизации рока воплотилась в «Наутилусе», который стремительно уходил за облака; остальным досталось почетное право наблюдать за взлетом доселе подводного судна. Но не всем, а некоторым. Полноводная река свердловского рока вдруг обмелела: если в 86-м в городе и окрестностях насчитывалось более-менее заметных групп штук около пятидесяти, то к концу 87-го их осталось десятка полтора, но и у оставшихся дела шли странно. На выезды, на фестивали приглашали тех немногих, кто успел «засветиться», остальных никто не знал и узнавать не собирался. Местная публика местного рока перекушала и на концерты ходить перестала. Внимание к магнитофонным альбомам упало резко и повсеместно, чайфы, к примеру, скоро выяснили, что записать они два альбома записали, но никто эти альбомы не слышал и слушать не рвался. Рок-культура перемещалась из магнитофонов и клубов в телевизоры и на стадионы; из этого, казалось бы, отрадного факта подспудно вытекало, что музыку теперь заказывают не слушатели и подпольные критики, а теле ведущие и новейшие кооператоры. Этим персонажам нужна была совсем другая музыка.

И что замечательно: перемены лежали на поверхности, но никто их не видел и видеть не хотел. Газеты писали о рок-н-ролле, чудесно процветающем на пажитях ново обретенной демократии, в газетах рокеры клялись друг другу в вечной любви. Они искренне верили, что все идет хорошо.

Но и в их нестройных рядах происходили перемены настораживающие. В году 87-м, как раз к осени, в свердловском роке случилась новация, с медицинской точки зрения как бы даже полезная — кончились коллективные рокерские пьянки. На это событие внимания не обратили — пили-то не меньше, просто врозь. Не хотелось друг с другом встречаться, так что с того?.. Перестали встречаться, перестали друг другу помогать, новым песням больше не радовались, новые песни всем действовали на нервы. Всем — значит поголовно. Рокерское братство, которому год назад ни преград не было, ни предела, перерастало в глухое раздражение, а там и в плохо скрываемую злобу.

Чайфы от общих веяний в стороне не остались, группа обособлялась, отходила в сторону, замыкалась в себе. Хотя Шахрин еще появлялся на собраниях рок-клуба, где бывшие товарищи по цеху дружно ругали президента Колю Грахова за то, что никак не может организовать планомерное посещение

концертов вконец распустившейся публикой. А Коля Грахов убеждал собрание в том, что клуб, при всеобщем ликовании открытый полтора года назад, роль свою выполнил, пора обратно закрывать… Тогда много ругались и мало играли. При общей уверенности, что дела обстоят очень хорошо.

Когда приходят новые времена? Да хрен их разберет, приходят — и все.

Барабанщик Злобин

(физиономия)

Так вот, Зема привел Злобина, Злобин всем понравился. «Я навел справки, — рассказывает Шахрин, — мне сказали, что Игорь играл в группе «Тайм-аут», музыкант очень хороший, была проблема — запивал, но зашился. Хороший парень, надежный барабанщик, и прямолинейный человек, который всегда называет вещи своими именами».

В Свердловске Игорь Злобин, парень видный, модный, с некоторой примесью оригинального пижонства, был человек известный, хотя играл в группах, скажем так, странноватых. Было такое «Метро», давно и заслуженно забытое, была группа «Тайм-аут», которая никак не могла вступить в рок-клуб, потому что никто не мог понять, что за музыку она играет, а перед самым пришествием в «Чайф» Злобин играл в «Апрельском марше» — странности этого коллектива, во всех отношениях примечательного, получили известность широкую и заслуженную… Короче говоря, с приходом Злобина в группе появился, во-первых, довольно опытный барабанщик. Но со странностями, это, во-вторых.

Происходил Игорь из хорошей семьи, папа — большой начальник, о котором даже рокеры до сих пор говорят с уважением, что им по причине врожденного демократизма не свойственно. Барабанить Игорь начал в школе и всю юность, как почти все герои этой истории, провел на танцах и халтурах. «У меня учет велся, — рассказывает Злобин, — за два года триста сорок четыре свадьбы, не считая банкетов, вечеров отдыха и просто танцулек»… Барабанил Игорь много, но барабанную репутацию имел странную. «У Злобина есть одно преимущество, — свидетельствует Зема Назимов, — ему от Бога дано играть на барабанах. И один большой недостаток — он не хотел на них заниматься».

На самом деле заниматься он хотел, собирался даже в прославленный Чайник поступать, но родители запретили,

оказался Игорь в Лесотехническом институте, более известном в городе под названием «Дровяной колледж», а потом на заводе «Пневмостроймашина». «Четыре года на заводе из моей жизни можно выбросить, — рассказывает Игорь, — пьянка, без которой человек там не выживал. Тогда повстречался мне Илья Кормильцев: «Ты где пропал?». Я говорю, что работаю на заводе, а он: «Дурак, что ли? Рок-н-ролл-то где?»… Я и подумал на трезвую голову: можно же что-то придумать и на заводе».

После встречи с энтузиастическим поэтом Игорь организовал трудившихся рядом братьев Устюговых, Славу и Пашку, цех купил аппарат, сели играть на заводе. «Мне не нравилось, что мы играли, но на безрыбье… Писал Слава, такой Юрий Антонов, но с социальной подачей. Славка был хороший человек, смелый, честный работяга, верил в рок-н-ролл, но видение у него было свое» (Злобин). В этом коллективе Игорь выступил на первом фестивале Свердловского рок-клуба, где барабанил и почему-то пел, хотя никогда этого не делал и делать не умел. Ни в одном из протоколов заседаний рок-клуба, посвященных итогам фестиваля, «Тайм-аут» не упоминается ни ругательно, ни хвалительно, никак. Рокеры много ругались, много хвалились, а про группу Злобина и Устюговых — ни слова. Странно.

Потом братья Устюговы продолжили покорение рок-вершин: «Они горели, эти два человека, а я не горел, я спивался, бутылку из горла выпить в гаражах в обеденный перерыв для меня было — раз плюнуть» (Злобин). Игорь из жизни выпал. Выпал в прямом смысле — лечился от алкоголизма на бывших дачах купца Агафурова, там свердловская психушка, там же побывал в свое время Нифантьев. Лечился по своей воле — ему надоело пить.

На агафуровских дачах познакомился с Женей Кормильцевым, который там «лечился» от армии, и по выходе оказался в группе «Апрельский марш». «Этот коллектив мне очень нравился. Хотя я мог не понимать ассоциации в текстах Жени Кормильцева, доходило до того, что я говорил: «Женя, о чем эта песня?». Иногда он объяснял, но чаще говорил: «Знаешь, тот период я плохо помню, так что сам не могу сказать, что в этой песне за ассоциации»… С маршами, а были они люди намеренно сумасшедшие и исключительно талантливые, Злобин записал один из лучших альбомов группы «Музыка для детей и инвалидов» (название очень точно отражает содержание), который до сих пор любит.

Тут и увел его Зема за ручку в «Чайф». О «Чайфе» Злобин понятия не имел. «Это не моя музыка, — признается Игорь, — был я на первом фестивале, их слушал, но не услышал». Но почему-то оставил «маршей» и пришел в «Чайф». На вопрос

«почему?» пожимает плечами. Однако в группе появился новый барабанщик. «Игорь сразу пришелся на место. Он играл внешне очень ярко, с ним мне стало даже больше нравиться играть, чем с Земой» (Бегунов).

Город горький

Дальше было вот что: жизнь с новым барабанщиком от жизни с барабанщиком старым отличалась кардинально, но дело не в представителях самой ударной из всех профессий, а в наступившей общей и полной неопределенности самой жизни. Смысла в ней не наблюдалось, и никто из членов группы ничего внятного об этом времени сказать не может.

Одним из самых ярких моментов стала первая съемка «Чайфа» на телевидении. Момент яркий, но никто, кроме самих чайфов, его не заметил. Т. е. не увидел. В ноябре 87-го «Чайф» пригласили выступить в Уральском политехническом институте. В «красном уголке» на химфаке. Публики было мало, концерт получился, скажем, так, негромкий, и не стоило бы обращать на него внимание, если бы не студенческое телевидение, которое этот концерт решило снимать. Для тамошнего телевидения съемка была очередной, для «Чайфа» первой, парни волновались, суетились, более всего беспокоились на предмет звучания. Которого не было. Т. е. звучать-то оно звучало, но отвратительно. Шахрин нервничал, обещал разбомбить учебный телецентр.

Показывали видео на большой перемене в фойе Главного учебного корпуса, огромном, сталинском, с памятником Орджоникидзе, возле которого курили студенты. Телевизоры висели под потолком, под ними длинные железные колонки, неслось из них нечто сдавленное, более всего напоминавшее звук полиэтиленового мешка, если его мять. Музыканты стояли за колоннами, краснели, бледнели, Шахрин сжимал кулаки. Не от качества звука — студенты курили, болтали, на телевизор внимания не обращали; с «Чайфом» студенческие массы знакомы не были.

«Чайф» был группой, известной в Свердловском рок-клубе. И в Питере немножко. И все. Альбом (два) выпустили, он как-то не шел. Концерты тоже не очень игрались, а которые игрались, были настораживающе случайны и унизительно бесплатны. Концертами, продвижением альбома должен был кто-то заниматься, и возник, как черт из табакерки, первый директор Хабиров.

«Тогда появился Анвар в качестве директора, — рассказывает

Шахрин, — а откуда он появился, я так и не знаю». «Оказалось, что нужно иметь человека, который бы все организовывал, подвернулся Анвар — взяли Анвара» (Густов). «Он всегда шел в ногу со временем, слушал современную музыку» (Нифантьев). «Анвар всегда был рядом, всегда в тусовке, всегда веселился. Не помню, откуда взялась эта идея. Он всегда был раздолбаем» (Бегунов).

Вот такая характеристика… Анвар был мил, юн, всегда в костюме, манер обходительных, достаточно подкован, а что на роль директора не слишком годился, так не его вина — никто его с этой точки зрения не рассматривал, все шло само собой. Тоже примета времени, директор — фигура не последняя, в чем-то даже первая. Так неуклонно снижался уровень осознанности жизни. Или осмысленности? Короче, думать стали меньше, что поделаешь — бестолковщина…

28 ноября — фестиваль в Горьком. Перед концертом покупали портвейн — разминка в духе Дикого Запада. Катилась по стране горба-чевщина, спиртное продавалось еще не по талонам, но уже с явным душком смертоубийства. К прилавку шел Густов, почти дошел — всколыхнулось людское море, вынесло Леху из магазина — перехватить не успели. Пихнули Нифантьева, он передавал бутылки назад, складируя их на плечи сограждан, откуда бутылки не падали, ибо сограждане стояли, стиснутые насмерть. С плеч бутылки снимал Бегунов, он был ближе к выходу.

Играть вышли в три ночи и устроили «шоу»: развесили на сцене веревки с собственными трусами, выставили трюмо, Нифантьев намылил физиономию и сел бриться. Публика парилась в зале с шести вечера и к виду бреющегося Антона отнеслась без понимания, орала, Нифантьеву с намыленным подбородком деваться некуда, брился. К утру отыграли.

В общаге взялись за портвейн, в бою добытый. Там прибился к ним паренек, который недавно металляк пел, и сказал, что песни пишет. Спел, чайфы порадовались — песни оказались очень приличные. Стали уговаривать с металлом кончать, петь свое. Советом паренек воспользовался, но позже, теперь его зовут Чиж.

Антон нарезался. «Я снимал тогда избушку посреди Свердловска, сказал, что у меня печь не топлена, надо топить, и пошел. Мне говорят: «У тебя денег на поезд нет!». А я сказал, что пешком дойду». Собрал вещички, натянул тулупчик, валенки с калошами, ушел. Началась ловля блудного Антона, который был вполне способен в последних числах ноября отправиться сквозь снега из Горького в Свердловск самоходом, подобные штуки он уже вытворял, хоть и на меньших дистанциях. И летом. Но

голый…

Дальше слово Бегунову: «Спускаемся вниз и видим: сидит зеленая вахтерша, Антон с ней за жизнь базарит. Ситуация у него в голове пограничная, мы начинаем его оттаскивать, он орать: «Вы что лезете, когда я с девушкой за жизнь разговариваю?». А девушке лет шестьдесят, ее колбасит, она визжит: «Уберите его! Уберите»… Она его отговорила уезжать».

С новым счастьем…

Год кончался, пропитан недоумением.

Последним аккордом стала статья в газете Свердловского обкома КПСС «Уральский рабочий» «Этот бунтовщик Шахрин». Странное эхо ушедшего, если смотреть назад. А если вперед, то статья все равно странная, с ее появлением докатилась и до «Чайфа» волна мифологизации советского рока, вот только сам «Чайф» в статье не упомянут ни разу.

Ни с того ни с сего (т. е. по указке свыше) статья живописала историю начала лета, когда Шахрин отказался в выборах участвовать. Только теперь его не ругали, а хвалили за принципиальность в отстаивании многомандатных выборов, хотя и указывали на некоторую в этом деле запальчивость. Для читателей помоложе следует пояснить, что в те стародавние времена вся страна с кристально искренней тупостью обсуждала вопрос «а следует ли выбирать одного депутата из одного кандидата, или можно выбирать одного из целых двух?»… А то — чем черт не шутит?! — даже из трех? Светлейшие умы эпохи рассуждали перед телевизором о том, что' с филологической точки зрения «выборы из одного» именовать выборами как бы даже не совсем правильно. Тут Шахрин подвернулся…

«Внешт. корр.» Л. Денисенко взяла у Вовы интервью, взяла консультацию у академика Вонсовского и на второй (!) официальной (!!) странице областной (!!!) газеты разразилась статьей, в которой почти ругательно упоминались секретарь райкома Порунов, инструктор райкома Кузнецов, почти хвалительно — Шахрин, а венчалось все так: «Сейчас вопрос можно считать закрытым. Кировский райком партии налаживает отношения со своим недавним оппонентом. Общественное мнение, которое создалось о Шахрине, меняется в лучшую сторону».

Ощутил ли Вова благотворность перемен от налаживания отношений с райкомом КПСС, он не помнит. И никто не помнит. Рок-клуб, который еще год назад посвятил бы знаменательной

статье, как минимум, пару заседаний, статью проигнорировал. Однако из всей этой петрушки явственно следовало, что времена-таки наступили новые.

88-й стал годом перелома. В том году решалось, кому из рокеров дальше жить, а кому на работу ходить. То есть существовать. Большинство предпочло ходить на работу. Не от любви к процессу социалистического производства, а ради сохранения status quo.

В Свердловске рвался вверх один «Наутилус», за что его не любили. Наусы уволились с работы и в январе в полном составе отбыли в Москву. Рокерская общественность загудела, из ушей в уши передавались новейшие сведения о разнообразном счастье, свалившемся среди столицы на их головы, сведения процентов на девяносто были полным враньем, что неважно. Резон во всей суматохе был простой: в Свердловске делать стало нечего.

Рок-н-ролл — музыка не провинциальная и существовать в таком виде мог только в условиях СССР, когда всякий свободолюбец имел вес вне зависимости от меры таланта; каналы передачи литературного и музыкального самиздата налажены были, как правительственная связь; любое подпольное слово ценилось как высшая духовная ценность, даже если к духовности отношения не имело. Ослабление запретительной роли КГБ, МВД и всякого прочего райкома нанесло сокрушительный удар по культуре подполья, по шестидесятникам, бардам, рокерам и бульдозерным художникам. Художники, не обремененные русским языком, рванули продаваться на Запад, шестидесятники — продаваться новым властям, барды замешкались и стали перемещаться на исконные кухни; рокеры, по большей части юнцы, к жизни не приспособленные, распускали группы. Магнитофонная культура лопнула в одночасье, бесплатные концерты превратились в анахронизм; все хотели денег и виниловых пластинок, все рвались в телевизор. Но телевидение было только в столице, пластинки в Москве, а денег в том же Свердловске никто рокерам платить не хотел. Их там и слушать не хотели, хотя об этом уже сказано. Оставалась Москва, где «процветал» «Нау».

Уезжать не хотелось: квартиры, дети, жены… Время от времени ездить не получалось — работа. Бегунов с Шахриным срывались со стройки на концерты, ребята в бригаде их покрывали, бесконечно так продолжаться не могло. Трудно было думать о регулярной концертной деятельности, поскольку деятельность эта происходила теперь исключительно «на выезде». А деятельности хотелось, она начинала приносить мало-мальские деньги.

Шахрин уволился первым, за ним остальные. Сами себе они объясняли поступок появившейся возможностью зарабатывать хоть какие-то деньги, но это слишком просто. В реальности, которая всегда богаче наших о ней соображений, этот поступок означал куда больше, чем просто увольнение ради свободного времени. В тот момент решалось, быть дальше группе или нет, готов «Чайф» идти дальше или суждено ему остаться в привычных рамках рок самодеятельности, срок жизни которой был отмерен. Выбор по тем временам совсем не легкий, но наши герои решили рвануть дальше.

Чем вызвали недоумение среди друзей и знакомых. Отъезд «Нау» воспринимался злобно, но с пониманием — альбом «Разлука» крутился в каждой второй квартире Советского Союза. «А вы-то куда?» — спрашивали чайфов. «В Москву», — отвечали те. Но не очень уверенно.

Покорять Москву отправились в марте. Покорялась она неохотно. Плохо покорялась, прямо скажем. Жили в общаге МЭИ, той самой, где месяц назад бедствовали голодные музыканты «Наутилуса», играли концерты перед студентами… Устали, денег не заработали, перенервничали. Концерты кто-то должен организовывать, Анвар Хабиров — замечательный парень, «но как директора его хватало только на то, чтобы сбегать за бухлом, а точнее, найти того, кто бы сбегал за бухлом» (Густов).

«И как-то после концерта появился обаятельный человек бурятской внешности, Костя Ханхалаев, который как раз был отставлен из «Наутилуса», — вспоминает Шахрин. — Сказал, что ему нравятся песни, и если мы захотим, он мог бы заниматься группой как продюсер. Мы легко согласились».

Эпоха Ханхалаева

Согласились без размышлений, хотя поразмыслить было над чем. Представил чайфам Ханхалаева Саша Калужский, поэт, бывший «спикер» рок-клуба, а затем вместе с Костей директор «Нау». Откуда обоих выставили дней за десять до судьбоносной встречи с «Чайфом», выставили со скандалом, суть которого сводилась к тому, что на протяжении нескольких месяцев Бутусов сотоварищи интенсивно играли концерты, почти никаких денег за них не получая. Эти деньги искали долго и безуспешно, но к Ханхалаеву претензии предъявлены не были, поскольку и у него их не оказалось. Костя был отставлен, заодно уволили Калужского, который не столько директорствовал, сколько разговоры разговаривал. И оба появились в гримерке «Чайфа».

Поразмыслить было о чем, но чайфы настолько устали от неопределенности, что отдались в руки Ханхалаева, как дети малые. Костя, человек умный, тертый, исполненный восточной изощренности, постарался произвести впечатление, и первое его появление в роли директора ребята до сих пор вспоминают «с причмоком». «Когда появился Ханхалаев, он первым делом стал нас покупать: ресторан, бутерброды с красной икрой, виски, которое мы первый раз в глаза видели» (Нифантьев). «Пили в столовке, которая называлась ресторан, — это уже Бегунов, — и он нам расписывал будущую нашу жизнь, после

Хабирова его деловая хватка показалась изумительной: бизнес-план, все ходы расписаны»…

Густов: «Деловой человек, солидный, по-восточному хитрый, чувствовалось: что-то он может. Поначалу так оно и было: никаких проблем с деньгами, машина, не стало проблем жратвы купить, струны… При Анваре билеты появлялись по принципу: «Кто-нибудь в кассу беги,» — сам он не купит или купит не туда, а тут не стало проблем с билетами. Была машина, хотя ни у Кости, ни у его помощника прав не было, водил Злобин. Я водил машину по Москве, хотя и у меня прав не было. Но и в кармане денег больше не стало». Еще произвела впечатление видеозапись, Ханхалаев был видео пиратом, в квартире — магнитофон на магнитофоне сутками трудятся.

Воспоминания о дальнейшем смутны, все происходило быстро и невразумительно. «Мы играли какие-то безумные концерты, необходимость которых была крайне сомнительна: надо играть, не надо играть?.. Костя пытался заработать деньги» (Шахрин). Пытался искренне, но странно. Он, как сказано, умел покупать билеты на самолет хотя бы за день до вылета, но решительно не умел приезжать в аэропорт вовремя; в последний момент что-то на видеомагнитофон дописывал, кому-то звонил, дотягивал до того момента, когда нужно бежать, ловить тачку за тройную цену, лететь на скорости 120 км/ч, а нужно заехать куда-то за билетами, но не успевали, ехали в порт, Костя совал в кассу взятку, и чайфы летели втридорога.

Шахрин, допустим, в жизни взятки не давал, прекрасно понимая, что у него не возьмут. То же с Бегуновым: «Я пойду давать взятку — меня тут же посадят, я не умею это делать, у меня лицо не то. Костя обладал неоспоримым качеством — он умел давать деньги, он мог дать любому, и у него брали. Главный лозунг: «Убить человека деньгами», — так все дела и делались» (Бегунов).

Подолгу жили в Москве, то в общаге Баумановки с полузатопленными сортирами, с тараканами, то в Костиной

квартире. Спали на полу вповалку. А то в какой-то однокомнатной на Кантемировской, опять вповалку… Нервозность накапливалась, вечером ее снимали — ехали в таксопарк, из канистр сливали водку непонятного качества за непонятные деньги, в трехлитровых банках везли ее к Косте и там трескали… А времена были — ни закусить, ни выпить, в магазинах все по талонам… Однажды Костя их поселил на окраине и сказал: что в холодильнике найдете, можете есть. Приехали, открыли холодильник — забит красной икрой доверху. «Мы на нее смотрим — я в жизни не видел такого! — стоят рядами банки красной икры! А есть хотим — сил нет! Съели…» (Шахрин). В чем Косте признались. Костя стерпел.

Концерты играли помногу. Денег стало будто бы больше, но вокруг, а не в карманах. «Я не думаю, что Костя много воровал, — рассказывает Шахрин, — он человек незлобный и по-восточному щедрый, он мог бы на нас заработать, но настолько бестолково организовывал дело, что вместо заработка у него получались какие-то сплошные траты. Мы видели: деньги ходят где-то рядом, но ни к нам, ни к Косте не попадают. Мы осуществляли оборот денег вокруг себя, на нас зарабатывали все, но не мы и, я уверен, не Костя. Конечно, некоторую нервозность это создавало».

Некоторую нервозность создавало и то обстоятельство, что Костя перенес на «Чайф» обычай особого отношения к лидеру группы, отработанный некогда в «Наутилусе», он всячески изолировал Шахрина от остальных музыкантов, как перед тем изолировал Бутусова. До люксов и отдельных гриме-рок дело, слава Богу, не дошло, но музыканты новацию замечали. Шахрин делал вид, что ничего не замечает. Это очень не просто, когда тебя выделяют, и нужно это пережить. Шахрин до сих пор сидит перед концертами в общей со всеми гримерке. Пережил.

Большая суета

И тем не менее, Ханхалаев был настоящий директор. Или умел таковым казаться. В чем бы его потом ни обвиняли, за группу он взялся всерьез: «заряжал» все концерты одновременно, лез в аранжировки, привлекал все средства информации масс скопом, деньги добывал и свои дела делал.

«У Кости были хоть какие-то знакомые в средствах массовой информации, — рассказывает Шахрин, — и мы бывали на радио «Юность» у Марины Салминой, Ханхалаев познакомил нас с Мариной Лозовой, которая делала тогда музыкальные программы. Эта фамилия совсем незаслуженно забыта, все

группы тогда появлялись на телевидении благодаря ей — и «Кино», и «Телевизор», и «Наутилус». Мы познакомились с суперпопулярным «Взглядом», и друг другу понравились.

Они были молодые, обаятельные — Влад Листьев, Саша Любимов; они к нам очень хорошо отнеслись».

Взглядовцы взялись снять первый в истории группы клип. «Это религия завтрашних дней». Разбаш снимал картинку типа «Маркс, Энгельс, Ленин» — три лица всмятку, как их при большевиках рисовали на пунцовых плакатах. Снимали восемь часов подряд, напустили дыма, съемочный павильон превратился в газовую камеру, в дыму кромешном чайфы пародировали классиков марксизма. К финалу прибыл Ханхалаев и заявил, что нужно ехать на фестиваль «Интершанс». Одуревшие музыканты о мероприятии слышали впервые и пытались сопротивляться, но Костя заявил, что «концерт заряжен», против оружейного аргумента сопротивляться было бесполезно. Приехали на Интершанс, где перед «Чайфом» выступило групп пятнадцать, играли, стараясь не рухнуть — сцена покрыта скользким слоем конденсата, напоминавшего глицерин — пот публики и пот музыкантов, выпавший в осадок. Скользили по сцене ноги, у Злобина разъезжались барабаны…

Играли в домах культуры, в общежитиях, где угодно. Был концерт в Министерстве иностранных дел СССР. Для детей мидовских работников — очень интересно было посмотреть. В официальном зале ребятишки лет по пятнадцать, которые не понимали, что происходит. Люди другого склада, другой жизни; они вообще с другой планеты приехали — с ведомственной дачи папин шофер привез на служебной машине. А тут концерт какой-то группы «Чайф»… Детки слушали, недоуменно хлопали в ладоши. После чайфов работали аккуратные мальчики лет по семнадцать, свои, играли близко к оригиналу Dire sTraits, Rolling Stones все на английском языке. Этих в МИДе приняли «на ура».

Чайфам эта судорожная концертная деятельность шла на пользу, они учились. Учились, например, «брать» публику до начала концерта. Происходило это так: конферансье у рампы выговаривает что-то вроде: «Уважаемая публика, для вас играет группа «Чайф», — а у него за спиной ползут по-пластунски на сцену музыканты. И все, уважаемая публика готова. Ползали вместе и поодиночке, зрители гадали, кто, откуда и каким манером покажется. А то строились в «лесенку дураков», выгибали груди и выходили строевым маршем…

Мотались по Москве в Костиной машине, водил Злобин, один раз даже Густов, который отродясь машиной не управлял и до сих пор делать этого не умеет. Но опаздывали, Леха вел «жигуленок»

от Орехово-Борисово через весь центр в Останкино. Без прав и без умения. Доехали.

В Свердловск наезжали изредка, в Свердловске «Чайф» проходил по документам рок-клуба (обкома комсомола), в этот обком поступила разнарядка отправить одну рок-группу в Чехословакию. Ехать за рубеж хотели все, но выбрали почему-то «Чайф». Почему, одному Ханхалаеву известно.

Гастрольный гуртожиток

Город Пльзень — побратим Свердловска по соцлагерю. Ехали в смущении — Европа как-никак. Смущение прошло быстро, Европа в чешском исполнении оказалась довольно провинциальной: «По сравнению с чешскими группами мы играли очень прогрессивную музыку — они выходили в трико, в полосатых лосинах в обтяжку и дурными голосами орали тупой европейский хэви-метал» (Шахрин). Концерт в Карловых Варах, курорт, народ отдыхает, никакой рок-н-ролл не нужен, тем более русский. Принимали «Чайф» прохладно. Вот было удивления, когда после концерта пришли местные музыканты, стали поздравлять. Удивление рассеялось, когда на сцену вышла чешская группа, завела ненужный металляк… Два концерта в Пльзене прошли хорошо.

Из Чехословакии Шахрин привез домой две баночки кока-колы. «Смешно, но я привез детям показать, что кока-кола в баночках бывает. Банки лежали до Нового года и ночью их торжественно выпили, все по глоточку» (Шахрин). Это лирика. Менее лирично выглядело другое обстоятельство: «в за рубеж» не взяли Леху Густова, звукооператором поехал Володя Елизаров. А Густов был человек изначальный, стоял у истоков, так сказать. Звук негромкий, но многообещающий.

Киев, май, каштаны цветут, фестиваль типа «что-то за мир и против войны, киевский и комсомольский — бардак, помноженный на бардак» (Густов). Ребята с висюльками «ЧЛЕН ОРГКОМИТЕТА» бродили где угодно, но не там, где им бродить положено. Если обещали, что аппарат будут ставить в два часа, это значило, что раньше пяти его не привезут, а в пять привезут только половину.

Жили в общаге на окраине, она называлась «Гуртожиток».

Интереснее всего был не фестиваль, а полная невозможность от него отделаться. Организаторы сразу по приезде объявили, что денег нет и не будет, и настоятельно просили по подобным пустякам не беспокоить. Потом вообще пропали. В гуртожитке

поляки, австрийцы, которые хотели за мир бороться, голландцы по двое на одной койке, хотя голландцам было легче, у них в команде два парня и две девицы, одна на басу, другая на барабанах, мускулистая такая. Голландцы сносно устроились, остальные бродили у республиканского комитета комсомола, хотели какую-то акцию устроить, да так и не устроли.

Спасло чайфов и голландцев то обстоятельство, что параллельно происходил в киевском Дворце спорта фестиваль «для тех, кто покруче», этот был не за мир, а за деньги, и «Чайф» впихнули в один концерт с «Алисой», потому что «Телевизор» не приехал. И голландцев за компанию.

На вырученные деньги выехали в Вильнюс на «Rock Forum». На вокзале Анвара послали за жратвой, он где-то проходил, ничего не купил, на первой остановке вылезли из поезда — бабушки пирожки продают, чайфы к бабушкам, им проводница тихо так: «Ребята, на горизонте лесок видите? За ним Чернобыль. Вы здесь огурчики не покупайте, через полчаса будет остановка, там купите».

Вильнюс с Киевом контрастировал резко. Никакого комсомола, никаких «пятнадцать минут опоздания», все расписано, пунктуально, организованно, все работает… Не сработал Густов. Бегунов: «Группа заиграла — полный швах, три песни играли без звукаря — Леха просто ушел. Что-то у него, видать, в голове сдвинулось, он вскочил и ушел». Музыканты группы «Чайф» до сих пор уверены, что Густов испугался «навороченного» пульта и убежал. А какой-то местный звукарь обнаружил, что группа усиленно играет без звукаря, подсел из благородных побуждений к пульту и кое-как звук настроил. Все это, правда, только в той части, что звука действительно не было.

Густов: «Я при хорошем аппарате «не попал»: все работало, но звук был — полная гадость; я кручу, а не попадает. Я стоял и не знал, что делать. Местный звукарь начал что-то подкручивать, но все равно шло дерьмо. Ребята меня долго искали после концерта, я упилил на балкон, где никого не было, трубы какие-то валялись, там сидел. А они меня часа полтора искали, поэтому и решили, что я ушел. Я не справился с аппаратом. И после Вильнюса появилось у меня ощущение, что я тормозом становлюсь».

Но время Густова еще не пришло, пришло время Анвара, который все еще директорствовал наравне с Ханхалаевым. Его уволили после гастролей во Владивостоке, куда съездили, деньги получили, а играть не играли.

Немузыкальный Владик

«Заряжено» было десять концертов, прилетели, а там конкурс «Мисс Владивосток», который проводила та же организация, крайком комсомола. Какие-то ушлые ребята напечатали липовые билеты и продали их быстрей, чем комсомольцы. А еще украли главный приз, колье для королевы. В результате у комсомольцев арестовали счет, концерты «Чайфа» отменили. Но чайфы-то приехали!.. По договору полагалась неустойка, Анвар сутки сидел в крайкоме комсомола, после чего в дело вступил Андрей Матвеев, свердловский прозаик, некогда приложивший руку к появлению «Чайфа» на свет Божий (см. главу 1).

Матвеев во Владике появился случайно: некогда провел там юные годы, а тут узнал, что чайфы едут, и попросился с ними. «Вовка сказал: «Нет проблем,» — рассказывает Матвеев. — Кем я был в этом туре? А никем. Но тогда и «Чайф» был никем. Я был без денег, они сказали, что еще и кормить меня будут». После безуспешных Анваровых попыток выбить из комсомольцев неустойку Матвеев надел клубный пиджак, шейный платок, положил в карман удостоверение Союза журналистов и поехал в крайком. Зашел в огромный сталинский кабинет, поставил стул на середину, сел, закинул ногу на ногу и закурил. Это в храме комсомола… Сказал спокойно:

— Ребята, если вы не хотите, чтобы завтра во всех центральных газетах ославили ваш крайком, платите неустойку.

— У нас все арестовано! — кричит комсомолец.

— Это ваши проблемы, — отвечает Матвеев, — или вы до вечера приносите деньги, или я сажусь за статью.

К вечеру появились деньги. Впереди десять дней беззаботной, оплаченной комсомольцами жизни.

«Десять дней мы там ни черта не делали, оттянулись за всю мазуту» (Злобин). Жили в дикой гостинице в районе Второй речки, где был пересыльный лагерь, где умер Мандельштам. Владивосток начала лета, погода мерзкая, муссоны, море холодное, купаться нельзя. Но канистра с пивом, водка поверх пива, купайся… «Мы пили, курили, играли в футбол на берегу океана… Потом случайно приехал «Объект насмешек» — такое началось в этом Владике»… (Нифантьев).

Началось. Во Владике «Чайф» напоролся на две хронические болезни рок-н-ролла. Он и раньше ими болел, но на фоне концертов, которые заставляют держаться в каких-то рамках, незаметно. Тут концертов не было, свободного времени уйма, все вылезло наружу. Первая болезнь называется пьянка.

«Пьянка была не в «Чайфе», она была везде, — рассказывает Нифантьев. — Не пили единицы, Шахрин не пил, из-за этого были разборки. Мы с Бегуновым пили по крупному, из-за этого тоже

были разборки. Мы бились за право пить водку всегда и везде».

Болезнь вторая — разделение. Группа — это музыканты, администратор и звукарь. Они толкутся вместе всю жизнь. Космонавтов перед полетом проверяют на психологическую совместимость, и ежели ее не окажется, их в космос не шлют. Большинство рокеров о психологической совместимости не знают решительно ничего, но «летают» вместе годы напролет. При виде друг друга их довольно скоро начинает поташнивать, но деваться друг от друга некуда; начинается деление группы по интересам. Деление по принципу не «за», а «против». Не за пьянку, как в данном случае, а против. Против Шахрина, например.

Бегунов: «У нас составился костячок: Нифантьев, я и Анвар. Вместе пили, вместе тусовались, вместе вставали в оппозицию Шахрину. А с кем пьешь, с тем и идеи рожаешь. Была куча проблем, куча идиотских ситуаций». «Мы стенгазету по ночам выпускали — Бегунов, Анвар и я. Рисовали, писали статьи какие-то и утром вывешивали Шахрину на дверь номера. Какие-то «боевые листки» ему под дверь подсовывали. Шахрин утром просыпался и в ужасе читал эту беду пьяную!..» (Нифантьев). Но были у «костячка» темы для бесед и посерьезней борьбы за свободу пьянки: администрация — Ханхалаев — деньги. В стенгазету они не попадали, но до Шахрина отзвуками докатывались…

К концу дальневосточной десятидневки чайфы в буквальном смысле «разбрелись по берегу». Бегунов, Нифантьев и Анвар; Злобина атаковали дальневосточные девушки; Шахрин, Матвеев и Густов ходили на яхте. Матвеевский родственник, капитан 1 ранга, устроил прогулку на океанской яхте «Плутон», четвертьтоннике с командой из трех капитанов, один 1 ранга, второй — 2-го, третий, соответственно, 3-го. «Мы пошли на яхте, — рассказывает Матвеев, — а на яхте, чтоб ты понял, не плавают, а ходят. Там каюта есть, но нет гальюна, и первые два часа нас учили мочиться так, чтобы не попасть себе на пальцы — это главное искусство при ходьбе на четвертьтоннике. Пошли на остров Русский рыбачить, там с царских времен арсеналы и дачи командующих — божественное место»…

Пришли на остров Русский, порыбачили, стали уху варить. Между делом выяснилось, что пришли без пропуска, яхта хоть и под вымпелом ВМФ, но если поймают, будет скандал. Матвеев с Шахриным на берегу морских ежей деткам на сувениры собирали, Густов пошел погулять. Подходит время, когда по острову патрули идут, сверхзакрытая территория — с одной стороны артиллерийские склады, с другой дисбат спецназа… Где Густов? Нет Густова. Густов залез на утесик, окрикнул своих. Капитаны

замахали руками, шепотом закричали, чтобы Леха спускался, как хочет, только быстрей и прямо. Густов спустился, ему сказали, что жить он будет долго: за поворотом противопехотные мины, а патруль стреляет без предупреждения.

По возвращении Шахрин пришел к выводу, что проблема назрела. Десять дней демонстративного безделья слишком явно показали, что дела в «Чайфе» идут не должным образом. Нужно было что-то решать, но что именно и каким образом, было решительно непонятно. Ханхалаев хотел быть директором в единственном числе — Анвара уволили. Легче не стало. Бегунов с Нифантьевым только сблизились; и вообще, это были еще только отзвуки будущих неприятностей.

Кадры решают

Дело было не в Анваре, дело было в бестолковщине. Она нарастала стремительно, подтверждением чему стало появление в группе случайного гитариста, Пашки Устюгова. Именно Пашки, иначе никто и никогда его в «Чайфе» не называл. История появления проста, малопонятна и весьма характерна для того сумбурного момента. Пашку взяли благодаря дару убеждения Ханхалаева, шахринской растерянности и бегуновско-нифантьевской пьянке; никаких иных оснований для появления гитариста не было. Но по порядку.

После первого концерта по утверждении Ханхалаева в роли директора чайфы выскочили со сцены слегка напряженные, ждали, что новый директор скажет. Он сказал: «Г…но». Чайфы растерялись, а Костя пояснил, что музыка хороша, тексты хороши, но звучит неубедительно. Сказать по чести, звучало и впрямь странновато: при уверенной ритм-секции создать сколько-нибудь полновесную мелодическую конструкцию у Шахрина с Бегуновым тогда не получалось даже с использованием двух гитар и глотки. Ханхалаев завел разговор о том, что нужен еще один профессиональный музыкант.

Здесь следует заметить, что Ханхалаев был директором, который в отличие от большинства директоров в шоу-бизнесе в музыке разбирался довольно серьезно, но проблемы музыкальные решал по наитию. А до «Чайфа» работал с «Наутилусом», который звучал для слуха приятно. Для слуха публики. «Чайф» звучал неподобающе, даже диковато. Аранжировки со времен «Дерьмонтина» не изменились, исполнительское мастерство не росло, «и Костя предложил взять еще одного музыканта, профессионально владеющего инструментом» (Шахрин).

По отношению к уже действующему гитаристу это выглядело не совсем корректно, но в дело вступили Нифантьев и алкоголь: «Мы с Бегуновым пришли к мнению, что в принципе он не музыкант. Я его убедил, и он довольно безболезненно согласился с тем, что нужно взять нормального гитариста». Т. е. гитариста убедили в том, что он не совсем гитарист…

«Мы эту идею обсудили за бутылочкой, переговорили со Злобиным, он сказал, что есть у него гитарист» (Нифантьев). Пашка Устюгов, с которым некогда играли в «Тайм-ауте». Дальше история совсем непонятная, чайфы в показаниях путаются, стараются друг на друга ответственность перевалить. Шахрин: «Я скептично к этой затее отнесся, сказал: «Давайте несколько репетиций без меня попробуйте». Самоустранился. Нифантьев утверждает, что Шахрин о грядущем гитаристе и вовсе не знал: «Шахрина мы не поставили в известность, он пришел на репетицию, а там Пашка».

«Что Вовку в известность не поставили? — с трудом вспоминает Бегунов. — Могло такое случиться». Могло случиться, чтобы в группу взяли гитариста, а лидер о том не знал? Могло, могло — бестолковщина…

«Пашка мне дико понравился, — рассказывает Бегунов, — «Тайм-аут» как раз писал на киностудии какую-то дикую песню, там были слова: «Фендер-стратокастер непременно принесет успех»… Пашку пригласили на репетицию «Чайфа», о которой (по свидетельству некоторых участников) Шахрин понятия не имел. Опоздал на полчаса и увидел, что на гитаре играет пьяный Устюгов, а поет Леха Густов. «Леха в совершенстве знал все слова и Шахрину их подсказывал, — рассказывает Бегунов, — в тот раз он сидел в углу в шапке-ушанке с микрофоном в руке, пел картавя: «Это 'гелигия завт'гашних дней»…

«Мы сказали: «Вова, это наш новый гитарист»… — хохочет Нифантьев. — Лицо у Шахрина было»… Но Шахрин «согласился с Ханхалаевым, который давил очень сильно» (Злобин). А во-вторых, Володе Пашка понравился: «Он действительно классный парень и играл очень хорошо, на первом этапе мне понравилось, группа зазвучала мощнее. Так появился в «Чайфе» Пашка Устюгов. Но самое удивительное заключалось в том, что гитарист был не нужен. Слегка переаранжировать гитару, Бегунову порепетировать, и все бы ладом. Но нет…

Пашка всем понравился, да и вообще личность незаурядная. «Он был бухарь-весельчак, — рассказывает Нифантьев, — пил больше нас с Бегуновым вместе взятых, работал техником в Кольцове, они там двигатели самолетов осматривали после полета, сливали из них спирт и пили. Пашка рассказал, как они

самолеты обслуживают, и у меня развилась безумная боязнь самолетов. А все равно летали, мы в полете пили, он сидел, говорил: «Да нормально, упадет и упадет, а вообще-то техника советская, надежная»…

Пашка был гитарист хороший и человек правильный. Но много пьющий. Склонный ко всяким штукам, которые «выкидывал». Самой знаменитой стала история о том, как Пашка ходил в кабак на Кантемировской.

Пашкины штуки

Жили в Москве, в квартире на Кантемировской, три дня просидели, Пашка не выдержал, решил культурно досуг провести: «Я иду в кабак!». Какой-то там кабак на окраине… Стали отговаривать, не вышло, Пашка джинсовый костюмчик надел и пошел. При выходе Шахрин говорит: «Пашка, ты хоть знаешь, куда возвращаться?». Оказалось, не знает, но это его не волнует. Шахрин выдал ему записку следующего содержания: «Я — Паша Устюгов, меня ждут по адресу такому-то, телефон такой-то»… Пашка взял записку и удалился, сообщив на прощание: «Сейчас девочек приведу. Пойду в ресторан и приведу».

Прошло два часа, звонок, открывают дверь, стоит Пашка, за косяк держится. Пол-лица — синяк типа «бланш». Нифантьев спрашивает:

— Паша, а где же девочки?

— Пидарасы там, а не девочки… — отвечает Пашка. — Но я одного мордой в унитаз засунул.

Классическая история: пригласил девушку — местные позвали «в туалет поговорить». «Пашка боец, — рассказывает Шахрин, — я полагаю, он там пролил кровищи на Кантемировской… Он начал отбивать девушку у местного, а их человек десять, но Пашка умудрился кому-то морду начистить и уйти оттуда живым. У него печатка на пальце серебряная, она была сплющена напрочь».

На следующий день концерт по поводу создания общества «Мемориал»… Пашка не был жертвой сталинских репрессий, но с синяком в половину физиономии даже под этим соусом выпускать его на сцену было слишком смело. Рванули по Москве искать темные очки, но трудное, оказалось, это дело, Пашкин синяк мог скрыть разве что шлем мотоциклетный… В какой-то галантерее купили огромные квадратные очки, приехали в Театр Советской армии.

Тогда Шахрин впервые увидел карту страны, усеянную

значками — лагеря. Во втором ряду сидел Зиновий Гердт, улыбался, аплодировал, ему нравилось. «Тогда, быть может, я в первый раз почувствовал, что мы выходим за рамки «игры для друзей» (Шахрин).

С Пашкиным приходом лучше не стало. «Привели Пашку, и после этого начались разборки вообще непонятные какие-то, — рассказывает Нифантьев. — Поехали в Пермь, играли в кинотеатрах перед сеансами… Вообще непонятные концерты, за деньги, но непонятные. Шахрин говорил, что мы плохо играем, что его «не качает»… А мы играли нормально. Играли и играли, не лучше, не хуже, нормально играли. Началась какая-то война внутри».

Шахрин злился от того, что группа становилась неуправляемой. Хотя на самом деле никто и не пытался ею управлять. «Чайф» все еще существовал по старому совково-рокерскому принципу «все друганы, все братья», братьями не шибко поуправляешь, могут и в лоб дать. По совместному труду в «Тайм-ауте» дружили Злобин и Устюгов, парни с характером. Нифантьев: «Злобин — человек самолюбивый, умный и резкий, он Шахрина мог послать куда угодно. А Пашка Устюгов был еще круче, он из кольцовских».

Бегунов с Нифантьевым составили «костячок», в котором и костенели при помощи пьянства. Им тоже было сильно не по себе; раздражение направлялось на Шахрина: «Раздражало, что Вовка всегда правильный, — свидетельствует Бегунов. — В любом случае, это был ужасный период, когда все идет накатом, репетиции становятся обузой… Какая-то бацилла нас поразила. Ханхалаев шептался с Вовкой… Но в конечном итоге даже я стал понимать, что половине людей вообще похер, что происходит».

Каждый с кем-нибудь шептался, каждый кого-нибудь обвинял, хотя на самом деле виноватых не было. Лучше всех этот период охарактеризовал Леша Густов: «Отношения в группе ухудшались, потому что никто не знал, что делать. Пошел поток, стало скучно. Никакого развития, Костя катал концерты туда-сюда… Дальше-то что?». Непонятно.

«Лучший город (сбоку от) Европы»

Единственным человеком, который пытался что-то изменить, был Костя Ханхалаев. Он повышал музыкально-образовательный уровень группы, с каковой целью пригласил стороннего профессионала, на эту роль был выбран Володя «Петрович» Елизаров, аранжировщик и мультиинструменталист, в будущем

звукорежиссер «Чайфа». Елизаров был знаком с Ханхалаевым по совместному труду в «Наутилусе». «И несколько репетиций прошли в странном заведении под названием «Дамская лавка», там мы узнали, — рассказывает Шахрин, — что, оказывается, у песни бывает развитие, что необязательно всем от начала до конца играть одно и то же…».

Узнали, и ладно, ничего дельного из этой истории тоже не получилось. Не более эффективной оказалась съемка рекламного ролика для фирмы электромузыкальных инструментов «Форманта», представители которой появились в начале осени и заявили, что собираются выпускать «клавишу» (синтезатор т. е.). Самой клавиши у них не было, выпустить ее впоследствии так и не удалось, но был деревянный макет, раскрашенный весьма натурально, который и предстояло рекламировать.

Что такое рекламный ролик, ни они, ни чайфы не знали, формат определили в четыре минуты, такой маленький фильм про «Чайф» и деревянную «Форманту». При том, что в «Чайфе» клавиша сроду не жила. Оплатили запись песни «Я видел металл», ее Шахрину очень хотелось записать. Писали на телевидении, у «Апрельского марша» взяли клавишу Korg, Антон на ней играл. «Клавишное это пиликанье было «не ахти» — рассказывает Шахрин, — а втихую записали песню «Лучший город Европы». Я до сих пор не понимаю, куда делась фонограмма. «Лучший город» остался, а «Металл» мы, очевидно, честно отдали этим людям, он там и ухнул».

Съемки проходили с голливудским размахом: на МЖК в лесу есть каменная арена, там был якобы концерт, публики понагнали… Потом вывезли всех на берег реки Чусовой, на утесе стояли чайфы, над ними целый день летал вертолет. И с вертолета группу снимали на камеру формата УНЗ — полный бред!.. Но нет, худа без добра — день на природе, потом Шахрин с Бегуновым летели в Свердловск над осенним лесом…

Клавиша осталась деревянной мечтой создателей, ролик потерялся, с ним фонограмма песни про «Металл». А фонограмма «Лучший город Европы» вошла в одноименный альбом, который, как и клавиша, остался «деревянным» — это единственный альбом группы, не считая самых ранних, который не вышел и не выйдет никогда.

Под лучшим городом подразумевался Свердловск. Город в Азии, до границы Европы — 42 км. Но патриотично.

Альбом-зальник предложил записать Костя. Шахрин предложил, чтобы концерты были благотворительные, вся прибыль должна была пойти в детские дома. «Это был мой первый урок благотворительности, и я понял, что дело это не

простое, — рассказывает Шахрин. — Слова «вся прибыль» звучат красиво, если ты не знаешь, что это за прибыль и кто ее будет делить. А мы еще связались с Детским фондом имени Ленина… Конечно, ни в какие детские дома ничего не пошло». Но шума было много. Везли зачем-то из Москвы аппаратуру Костиного друга, она была немногим лучше свердловской, но стоила огромных денег… Аппаратуру арестовали на вокзале, пришлось выкупать…

Альбом писал Елизаров. Сводили Бегунов и Нифантьев. «У них был период глубокого пьянства, и появился лишний повод выйти из дома — они сводили альбом» (Шахрин). «Мы почему-то с Нифантьевым стали какими-то продюсерами, — вспоминает Бегунов, — прослушивание было в Калининграде, оно добавило гари: ты месяц живешь какими-то переживаниями и вдруг понимаешь, что это никому не интересно… И все твои усилия — коту под хвост, о чем нам недвусмысленно дали понять».

«Лучший город Европы» — нечайфовский альбом «Чайфа». Все как надо, и Шахрин своим голосом поет… Не Чайф. Шахрин: «Тогда мне перестало нравиться звучание группы». «Это был период ужесточения «Чайфа», жести у нас добавилось» — Бегунов.

Альбом продавали, Костя сделал фотоальбом для магнитофонной катушки (кому в начале 89-го нужна была катушка?!), некто Пчелкин написал короткие эссе к каждой песне, Костя сделал тираж, катушек триста, которые где-то до сих пор лежат. Продавали по паре катушек перед концертом…

Цой

(Мемориал Александра Башлачева)

Примерно в те же дни приключилась одна история.

К «Чайфу» она прямого отношения не имеет. Хотя «Чайф» выступал на концерте памяти Башлачева.

Хороший был концерт. В конце неувязка вышла. Конец был запланирован так: последним — после всех — выходит Цой и один под гитару поет песню. Потом включается фонограмма Башлачева.

Цой вышел, начал петь, какой-то умник скомандовал завязывать, звук вырубили, включили фонограмму.

Цой понял, что уже все, конец. Но со сцены не ушел, сел на ступеньки под экраном, на котором горела в лучах прожекторов огромная фотография Башлачова. Шла фонограмма, пел мертвый Саша Башлачев, под фотографией сидел одинокий Цой.

На абсолютно пустой сцене под портретом Башлачева

потеряный, грустный Цой.

Время Густова

«Я даже с облегчением воспринял,
что все кончилось — не видел
просвета впереди».
А. Густов

Время Лехи Густова пришло в апреле 89-го.

Почему апрель? Потому что январь, февраль и март из коллективной чайфовской памяти выпали, сказать о них что-то определенное не представляется возможным.

В апреле уволили Густова. Событие, как говорится, знаковое, но знак был уже не в том, что Леха в группе с самого начала, и даже не в том, что Леша перестал устраивать группу с точки зрения профессиональной, хотя такова официальная причина увольнения: «Он хороший парень, но в группе он выполнял работу звукооператора, нам нужен был хороший оператор, а Леха им не был» (Шахрин). Или Бегунов: «Лешка был в состоянии записать звук бочки из картонной коробки, но при виде настоящего пульта терялся. Лешку начали проверять и выяснили, что он не тянет».

Фокус в том, что на это первое в истории группы увольнение всем было наплевать. Включая самого уволенного. «Тут взаимное было желание, — рассказывает Густов, — мне стало скучно, я начал откровенно сачковать: звук как-то поставил, ну и ладно, идет же… Сел на стул, давай курить, а они что-то играют. Дальше было невозможно, я откровенно погано стал работать». Чайфы это чувствовали: «Я даже думаю, что Леха в тот момент начал из вредности делать что-то не так» (Бегунов).

Лешка был готов к увольнению и со всей интеллигентской нервичностью свою готовность демонстрировал. А «Чайф» был готов с одним из первых участников расстаться без сожаления. Расстались со скандалом: Леха попросил свою долю из общей кассы. Шахрин: «Занимался деньгами Игорь Злобин, он показал мне бумаги и сказал: «Извини, денег нет. Хочешь, отдай свои»… Я сказал Лешке: «Можешь обижаться, но денег нет».

Густов обиделся и ушел. Никто этого не заметил. Речь шла уже не о Лехе Густове, речь шла о группе. Которой к маю 1989-го на самом деле не было. При взгляде снаружи она как бы еще была, а изнутри — пусто. Как сказано несколько выше, группу постигло разделение. А как сказано в одной старой книжке: «…

всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет, и дом, разделившийся сам в себе, падет» (Лука. 11, 17). Мало кто из рокеров эту книжку читал, но это уже вопрос отвлеченный. Важнее вот что: «Чайф» разделился сам в себе и был обречен. И все это знали.

Шахрин: «Пустое было время. «Чайф» уже единства не представлял собой. Мне перестала нравиться собственная группа. Я чувствовал себя дискомфортно в группе, дискомфортно в быту, но самое страшное — дискомфортно на сцене».

Шахрин как прирожденный позитивист пытался что-то сделать.

Во-первых, ему, да и всем остальным, было очевидно, что Злобин и Устюгов — ломоть отрезанный. Пашка пил, выкидывал штуки… Были в Уфе, ушел куда-то, появился за пятнадцать минут до концерта абсолютно невменяемый, перед выходом на концерт снял с Шахрина его «фирменную» фуражку, надел, сел на авансцену и весь концерт играл одно сплошное соло для двух девушек, с собой приведенных. Сам по себе.

Злобин: «Я Шахрина уже не переваривал. Мне Елизаров перед концертом в монитор говорил: «Игорь, соберись, сыграй этот концерт для меня», — и я собирался. Но выкинет Шахрин какую-нибудь штуку, и опять не могу»…

«Они были люди другой музыкальной, а может, и человеческой формации, — говорит Шахрин. — Кризис на самом деле был не музыкальный, а человеческий, «Чайф» — это всегда веселая компания, а тот состав был из людей очень разных, и дело не в том, что одни лучше, другие хуже; просто разные». К разряду «разные» теперь относились не только Злобин и Устюгов, но и Бегунов, и Нифантьев, оба были готовы уйти.

Нифантьев: «Началась война внутри, все шло к тому, что «Чайф» разваливается. И я сказал Бегунову: если Шахрин Пашку со Злобиным уберет, я ухожу тоже. Шахрин был недоволен. Если я сейчас ставлю себя на его место, я его прекрасно понимаю. Понимаю во многих вещах: и по поводу меня, и по поводу алкоголя, по поводу привода посторонних гитаристов. Сейчас я его понимаю, а тогда не понимал категорически, не хотел понимать».

Бегунов: «Я не видел вообще будущего. Опять «с ноля» начинать? Это всегда страшно. Живешь и вдруг понимаешь, что вот шаг, после которого, возможно, вообще ничего не будет. Это было страшно». Бегунов разрывался между двумя страстями: к пьянке и к музицированию. С пьянкой все ясно: «У меня тогда одно средство было — чуть какая проблема — друзей, как грязи, в какой угодно бар завалился, тут же духовник найдется, который

расскажет, как ты крут». Но играть хотелось. Играть он собирался без «Чайфа». Густов: «Бегунов очень серьезно говорил, что собирается писать свой сольник. Материал мне играл, песни очень хорошо можно было сделать. Бегунов же очень интересный человек. Но потом, мне кажется, он побоялся рискнуть».

Все были готовы разойтись по мирному. Все, кроме Шахрина, который не знал, что делать. В Володиной жизни это был момент печальный. «Я себя представляю на месте Шахрина, когда вдруг видишь, что ты в стане… не врагов, но и не друзей» (Бегунов).

Оставался последний шаг, который и делать-то, не нужно было, он бы сам собой произошел, неминуемо.

«Чайф» умер

В то время снимался в Свердловске фильм «Сон в красном тереме». Про свердловский рок. Но не «pro» рок, а «contra» «Наутилус» — сценаристом был один из изгнанных директоров «Нау» Саша Калужский, режиссером — Кирилл Котельников, он рассказывает: «У Калужского обида сквозила во всем, довольно провинциальная, кстати говоря. «Наутилус» ему хотелось преподнести исключительно в иронической форме».

В результате «Нау» в фильм попал в кабацком исполнении: под «Я хочу быть с тобой» танцуют подвыпившие дяденьки и тетеньки. А для контраста понадобился положительный пример, в качестве которого выступали Настя Полева, «Апрельский марш» и «Чайф». На первую съемку они пришли втроем: Шахрин, Бегунов и Нифантьев. На озеро Шарташ, в двух шагах от дома Шахрина. И была на озере буря!

Нет, не чайфы ее устроили, Шахрин мирно сидел в лодке и философствовал, Бегунов с Ни-фантьевым, аки наяды, плавали вокруг, вдруг небо стало черным, волны, как на море… «Мы едва успели убраться из лодки, — рассказывает Котельников, — но я попросил ребят сесть обратно, хоть что-то снять, потому что такой натуры я в жизни не видел. Сняли два или три плана с ощущением, что снято на море, а это был наш родной Шарташ».

Вторая съемка на Белоярской атомной. «Решение тогда еще не созрело, — говорит Шахрин, — но я почему-то сказал Кириллу, что в кадре мы будем втроем — Бегунов, Антон и я». Котельников, который с «Чайфом» был знаком слабо, решил, что «это не родные их музыканты, а приглашенные». Приглашенных в составе группы снимать он не стал. Вот и все.

Деньги за Белоярку дали через пару дней, Шахрин поехал их развозить по музыкантам, последним приехал к Бегунову, сказал:

«Все, конец. Им всем на все наплевать». Увы, Бегунову было тоже наплевать.

«Тогда я понял, что группы нет, она почти распалась» — говорит Шахрин.

Он остался один. Ничего не происходило. «Мы не встречались, ни репетиций не было, ничего» (Шахрин). «Не было концертов, не было репетиций, и мы не встречались» (Нифантьев). «И было видно, что группы нет» (Бегунов).

«Чайф» умер.

Две песни

В июне Шахрин написал песню: «Поплачь обо мне, пока я живой, Люби меня таким, какой я есть. «Потом я понял, что, во-первых, поется плохо, во-вторых, высокопарно» (Шахрин). И первое лицо поменял на третье. Но это не важно.

В этом тексте мир Шахрина, недавно такой цельный и чуть ограниченный, разъялся на части, и обнаружились связи, о которых Вова, кажется, не подозревал доселе.

«В космос совместно — валютный полет…
Ночью толпа — крестный ход…
Она уже видит себя в роли
вдовы…»

«Заплачка» — это самый древний песенный жанр. Песня-плач о покойнике. Народная песня, она была у всех народов. Шахриным написана в соль-мажоре, а не в миноре.

«Холодный мрамор, твои цветы,
Все опускается вниз, и в горле
комок.
Эти морщины так портят твое
лицо…»

Песня обо всем, что может не случиться. Песня о том, на чем все держится. А держится оно на тебе, вот какая штука. Она называется «космос».

Это был первый настоящий хит «Чайфа». Которого не было. В смысле, хит был, группа — нет. И Шахрин взялся собирать ее «с нуля».

Что было не так просто. Начал с Бегунова. «Они с Ханхалаевым приходили, сидели у меня в маленькой кухне и мне расписывали, что делать. Они, видимо, понимали, что надо делать, больше меня понимали. А я не видел будущего» (Бегунов).

Нифантьев: «Прошло два месяца, ко мне домой приехал Шахрин, мы сели в лоджии, был чудный вечер… Короче говоря, он меня уговорил остаться. Говорил, что Злобина с Пашкой выгоняет, понимает, что я тоже могу уйти»…

Они не понимали, куда возвращаться, если возвращаться некуда. Но у Шахрина был аргумент: «Поплачь о нем, пока он живой». Он пел эту песню Бегунову, пел Нифантьеву. Они были как бы уже и не против…

«И однажды ко мне в гости пришел старый армейский приятель, Валера Северин» (Шахрин). Валера был приятель еще по армии. И барабанщик, что важнее всего. И вообще, Шахрин его сам в гости позвал. На день рождения, но странный это был праздник… Рассказывает Северин:

«В июне меня встретил Игорь Захаров и сказал, что меня Шахрин ищет. Я прихожу без всякой задней мысли, у Шахрина сидят Бегунов и Нифантьев. День рождения у Вовки, а я и не знал. Я с Бегуновым поздоровался, с Нифантьевым познакомился, Вовка отвел меня на балкон и говорит: «Есть предложение: нам нужен барабанщик». Мне идея понравилась. Поговорили, а в комнате что-то вроде застолья… Я со всеми попрощался и ушел».

Устроил Шахрин смотрины, Бегунову с Нифантьевым показал Северина. Они с кандидатурой согласились. Во всяком случае, не возражали. Получился комплект. «И мы решили попробовать, — рассказывает Шахрин, — первую репетицию сыграли втроем, без баса, потом попробовали с Антоном и поняли, что, в общем, идет. Тем более, что другого варианта у нас не было».

В июле Шахрин уехал с отцом на Балхаш, на рыбалку. «Степь, озеро, — рассказывает Володя. — Там всего два цвета: песочная степь и изумрудное озеро. Днем солнце, ночью ветер, шторм. И днем опять все спокойно. Мужская компания, там мало женщин, одни мужики ходят полупьяные. Есть в этом какая-то атмосфера воли…».

Не то атмосфера Вову прокачала, не то навалилось все, за последнее время пережитое, но на Балхаше вырвалось из него степное, нечленораздельное: «Ой-йо… Ой-йо… Ой-йо…»:

«От старых друзей весточки нет, грустно.
А на душе от свежих газет пусто.
И от несвежих невелика потеха,
Правда, вот был армейский
дружок, уехал…
Запил сосед,
у них на фабрике стачка,
С чаем, беда осталась всего одна
пачка.
На кухне записка: «Не жди,
останусь у Гали»,
По телику рядятся:
«Как дальше жить?» — достали…
Скорей бы лед встал,
пошел бы тогда на рыбалку,
Чего бы поймал,
знакомым раздал, не жалко.
Луна появилась и лезет настырно
все выше и выше.
Сейчас со всей мочи завою
с тоски — никто не услышит…
Ой-йо…»

Пушкин Александр Сергеевич говаривал: у русских, что ни песня — то вой… Завыл Шахрин — обрусел — «достали»… Но песня опять в мажоре.

Володин мир, разорванный недавно и в таком виде выкричанный в «Поплачь о нем», вновь собрался воедино, стал цельным. И был это уже другой мир. И «Чайф» был уже другой «Чайф». Хотя, казалось бы, что такого: разошлись, сошлись — что? Сошлись, да не так, сложились, а по-другому.

Об инициации

Инициация — это обряд посвящения. У древних. Коротко и без занудства: заключается он в том, что молодой человек (как бы) умирает, попадает на тот свет, там пытается не ударить в грязь лицом, отыскивает потустороннюю силу себе в помощники и возвращается обратно на этот свет. Вот, собственно, и все. Фокус в том, что отправляется (согласно древним верованиям) на тот свет один человек, то есть даже не человек, а ребенок. А

возвращается другой, взрослый. Ему даже имя меняли.

Было, было в «Чайфе» что-то мальчишеское, бестолковое. Он и на свет появился как-то самоходом, и рос, как ковыль. Приходили люди, играли… Если присмотреться внимательнее, эту компанию и группой-то назвать было трудно. Начинали Кукушкин с Решетниковым, потом

Бегунов с Шахриным, старые приятели, решили «поиграть»… Сидел в соседней комнате Нифантьев — будь басистом. Единственный человек, появившийся в группе целенаправленно, — это Зема, но Зема привел Злобина — пусть будет Злобин. Про осмысленность появления гитариста Устюгова говорить нечего…

Заново группу собрал Вова Шахрин. Вполне осознанно. Теперь он был лидером, пусть это не всем нравилось. Он взял на себя ответственность за группу. И каждый взял на себя свое. «Чайф» прошел обряд инициации: умер, побывал (в некотором смысле) на том свете и вернулся обратно другим. И, кстати, нашел барабанщика.

Северин

(физиономия)

Валера Северин — славный малый. И для Шахрина «свой» с дружили еще в армии, потом встречались время от времени. Вова знал, что на Северина можно положиться, а в тот момент это было очень важно. К тому же Северин был опытный музыкант. Со стажем.

Происхождение свое ведет Валера из шахтерского поселка 3-й Северный, бокситовые рудники недалеко от городка Североуральска. Поселок — тысяч пять населения, рабочие на шахте и «обоз» при ней. Горы, лес, красиво… В местном клубе лет в пятнадцать Валера в первый раз исполнил на танцах «Шизгару» на «сингапурском языке» (это очень похоже на английский, но самодельное). Что простительно, поскольку занимался Валера не музыкой или иностранными языками, а боксом. Потом учился в Североуральске в ГПТУ-31 по специальности шофер авто слесарь, а в родном 3-м Северном был, естественно, руководителем ансамбля. На ритм-гитаре играл.

В 76-м забрали в армию, тут все и началось. Во-первых, Валера не стал получать диплом с шоферской специальностью, потому что оказался бы с дипломом в автобате, а хотел играть в ансамбле. Только нот не знал. «И поехал я на Дальний Восток, ехали до Благовещенска суток шесть, за это время я сам для себя

на листочках расчертил нотный стан и стал учить ноты» (Северин). Так в поезде ноты выучил. И с некоторыми приключениями попал-таки в оркестр.

«Мне дали валторну, — рассказывает Валера с недоумением, — это такой странный инструмент: три клавиши и совсем мало позиций, играешь не пальцами, а передуванием. Не пошло, пересадили на корнет, на котором я выучил четыре марша и гимн Советского Союза. Потом губы в кровь пошли — зубы неровные — для духовика полная лажа, как их ни напрягай, нота не держится». Пришлось три месяца осваивать кларнет, а тут барабанщик на дембель ушел, оказался Северин барабанщиком.

Худо-бедно до дембеля добарабанил, и возникла перспектива вернуться обратно на 3-й Северный. «А там одна стезя: идти работать по стопам родителей, танцы бы поиграл года два — женился — шахта — все. А в Благовещенске было музу-чилище с оркестровым отделением, и мы с друзьями решили остаться в оркестре на сверхсрочную и поступить в училище. Осенью решили, подписали контракт на два года, тут заочное отделение в музучилище закрылось за неимением студентов» (Северин). Влип.

Деваться некуда, и через год Валера оказался старшиной в Ансамбле песни и пляски Краснознаменного Дальневосточного пограничного округа. А там Шахрин, молодой и худенький. Подружились. Правда, Северин был старшиной, т. е. начальником, но «я человек невоенный, старшина из меня был хреновый, сразу дал панибрата, стал общаться с подчиненными, за что от начальников получал в устном и в письменном виде… Бегунова помню эпизодически, он заходил, ко мне обращался: «Товарищ старшина, можно пройти?» — «К кому?» — «К рядовому Шахрину» — «Проходи!». Я ему проходить разрешал, но особо мы не контачили. А Вовка уже тогда песни свои показывал, но я ни одной не помню».

На дембель с Шахриным ушли вместе и разошлись. В 1981 году Северин поступил в училище им. Чайковского. На барабаны. И в ресторан «Старая крепость», тоже на барабаны. «В училище я поступил, но педагога по специальности не было, уволился, — рассказывает Валера, — все предметы были, а специальностью я занимался в кабаке. Проучился я в Чайнике года полтора — затянула жизнь кабацкая».

При том что кабацкий состав, в котором играл Валера, позднее получил изрядную известность под названием «Флаг» — одна из первых свердловских рок-групп, в первом ее альбоме играл на барабанах Северин. Потом уехал в Якутию за длинным рублем, вернулся весной 86-го без рубля, во «Флаге» место занято, в кабаке тоже, перебивался подменками. С трудом

устроился в цирк вторым барабанщиком, который на акцентах работает, и в оркестр милиции…

Иногда к Шахрину наведывался. «Моей жене он нравился тем, что всегда был галантен, приходил с коробкой конфет, с бутылкой «Шампанского»… В отличие от друзей, которые приходили с водкой» (Шахрин). «В конце 86-го я был у Вовки в гостях, и он мне предложил поиграть в «Чайфе» барабанщиком, но я только-только нашел работу в цирке, а они работали на стройке, в ментовке; репетировать не получалось, они вечером свободны — я занят, и наоборот. Проработал я в цирке с 86-го по 89-й. В 88-ом Егор Белкин звал меня в «Насте» играть, но не договорились» (Северин). Летом 89-го позвали в «Чайф».

Конец эпохи Ханхалаева

Группа родилась заново и была вполне боеспособна. Единственным звеном, все еще связующим ее с прошлой жизнью, был Ханхалаев. Который, кстати, принимал активное участие в ее возрождении, но Бегунов с Нифантьевым питали к нему чувства настолько сильные, что даже дипломатический дар Шахрина не мог сберечь директора. Последней Костиной гастролью стал Экибастуз.

Август 89-го, в стране голод, магазины пустые, в Экибастузе День строителя, две строительные фирмы празднуют — одна улица, одна сцена, фирмы по очереди устраивают гуляние. Привезли «Чайф» и «Апрельский марш», у которых сразу возникло ощущение, что они, как минимум, народные артисты. В стране голодно, в гостинице холодильник, морозильник полный, торцами бутылки водки торчат; вторая полка — ноги куриные, нижняя копченой колбасой забита… «Первый день мы держались, — рассказывает Шахрин, — выпили, но на сцену вышли кое-как».

Нифантьев: «Привозят в сауну, стоят ящики с водкой, с шампанским. Нам говорят: «Это водка, это шампанское, это наши жены»… Там какие-то девушки сидят, мы не поняли. Приводят человека: «Это наш Герой Социалистического Труда». Он в орденах, старый такой. Говорят: «Сейчас прилетит из Таджикистана человек, будет делать шашлыки». Прилетает человек в тюбетейке, в халате, мясо привозит, начинает делать шашлыки. В этой бане мы так ухайдакались»…

На следующий день их парила конкурирующая фирма… «На завтрак — сто грамм, на обед — сто грамм, а у нас еще в холодильниках стояло, на сцену выползли, — рассказывает

Шахрин. — Играем концерт и ждем, что будет, потому что нам сказали: «Вчера баня — это херня, сегодня будет баня!». В бане три теннисных стола сдвинуты, на них курицы стаями, вино, водка… Из казахской глубинки выписан Тофик шашлыки делать: «Вчера были шашлыки — фигня; сегодня будут шашлыки!»… Народ до такой степени упился, что Антон в какой-то момент подозвал Бегунова и сказал: «Пойдем, в кустах тяпнем». И показал бутылку водки за пазухой».

В кустах произошло событие, в котором был отдаленный отзвук грядущих тревог: «Я вывел Бегунова из сауны и впервые сказал, что буду делать свой проект. Мое первое официальное заявление» (Нифантьев).

На следующий день нужно было продержаться до вечера, весь день прятались от устроителей, которые требовали продолжения. А местные жители разъяснили, что «под артистов» вскрыты обкомовские склады, «для артистов» выписаны видеомагнитофоны, шубы… Весь рок-н-ролл устроен, чтобы разграбить уцелевшие обкомовские запасы. Это был первый концерт Северина. «Он мне и говорит: «Это вот такая вот работа? Так оно и будет?!» Но мы его успокоили. А в коллективе долго бытовало выражение «Экибастуз твою мать!..», что означало гораздо больше, чем просто «твою мать…» (Шахрин).

Отчего именно это гульбище переполнило чашу терпения Нифантьева и Бегунова, сказать трудно, но когда Ханхалаев прилетел в Свердловск, Шахрин ему долго все объяснял, Костя обиделся. Поклялся, что со свердловскими группами работать заречется, второй раз такая история… Шахрин: «Костя на нас не нажился, никогда у меня не было подозрений, что он на нас заработал, он не мог этого сделать. И дальнейшая его судьба показала, что так оно и есть, хотя это все грустно».

Последним Костиным делом в «Чайфе» были съемки клипа. Из которых тоже ничего не получилось. Снимали взглядовцы. Шахрин на рельсах спиной к поезду. Поезд идет, машинист гудит, как угорелый, Шахрин стоит. Он должен был стоять, играть и не оборачиваться. Ему сказали, что в последний момент помашут, он сделает два шага вбок, и все.

Помахали, сделал, сизый машинист пронесся мимо.

Прибежали люди с пистолетами — машинист вызвал, всех с железной дороги убрали. Клип так и не сделали. Кончилась эпоха Ханхалаева.

Глава 4
Наука выныривания. Новорожденные беспризорники

Осенью 1989-го года «Чайф» был нов и свеж, как из бани. И никому не нужен. Два года «ухнули», как в колодец, никакого отзвука не раздалось.

Хотя кое-что эти годы дали: чайфы научились ползать по сцене, набили руку концерты играть, пусть даже и перед киносеансами, раз пять засветились на телевидении, заработали какие-то деньги, но так и не узнали, куда эти деньги подевались. И три слабораспространенных альбома в запасе, вот, кажется, и все.

И опять оказались в Свердловске без московского директора. Свердловский рок переживал трудные времена — он усиленно «давал дуба»: летающий «Наутилус» уже год как рухнул и разлетелся сперва на части, потом на частички, осенью 89-го он сам с собой ругался через газеты. Держались «Агата Кристи», «Настя» и «Апрельский марш», у остальных диагноз один: «рвота — кома — смерть». На таком фоне все еще живой «Чайф» имел на родине статус почти звездный. Где-нибудь в Твери его знать не знали. В питерской тусовке был мало-мальски известен, в московской — нет. То есть перспективы грядущей деятельности простирались необозримые. И нелегкие. Начать с того, что на Шахрина с высоты восемнадцатого этажа кидали машину «Жигули».

Это дело устроил Кирилл Котельников, который все еще снимал кино «Сон в красном тереме». Фильм про рок, а Кирилл любил бить в кадре автомобили. Первое со вторым совместилось на Шахрине. Но с накладочкой, как и положено.

«Жигуленок» был не настоящий, а деревянный, его Кирилл на пару с ассистентом сколотили в гараже за четыре дня, но фары горели, и весило это чудо килограмм триста. «Была безумная идея уронить машину с многоэтажного здания, — рассказывает Кирилл, — и только потом придумали, что это попадет в чайфовскую песню. Уронить машину было полдела, но кто в то время мог поверить, что мы это не вырезали откуда-то? И я придумал, что машина падает, взрывается, на первый план выскакивает Шахрин, поет, а там все горит, появляются пожарные, начинают заливать, а камера поднимается на высоту, откуда машина упала»…

Машину затащили на здание строящейся (до сих пор) гостиницы «Азия», пиротехники рассчитали, куда она упадет, заложили заряд, залили чудовищное количество солярки с бензином, чтобы гриб получился… На всякий случай перекрыли улицу Свердлова. Одна камера на подъемнике, вторая сбоку, а третья в том месте, куда должна машина упасть. К ней приставили сценариста Калужского, чтобы он ее по сигналу включил и сматывался — машина рухнет, убьет камеру — и шут с ней, лишь бы Калужский жив остался.

Машину пустили с крыши, когда никто этого не ждал — один умник скомандовал. Котельников: «Я краем глаза замечаю шевеление на крыше, судорожно камеру включаю и в кадре вижу, что машина падает.

Я матом ору по этому поводу, а Калужский стоит и смотрит, когда я ему ручкой махну. По счастью, он был не один, с каким-то приятелем, тот случайно заметил, что она уже летит. Они включили и рванули оттуда. Она не на их место приземлилась, но рядом. Машина падает, взрыва нет, матерящиеся пиротехники ползком лезут протягивать кабель, а все отрепетировано, Шахрин выпрыгивает, начинает петь: «Эта игра не доведет до добра»… Тут пиротехник дополз — взрыв. Камеры работали, но я не смотрел, я орал матом. Громко, говорят…».

На экране все вышло скромней, чем в пересказе, но Шахрин пел, при взрыве не дрогнул. Начался новый период.

Финансист товарищ Русин

«Новый этап — с появлением Валеры Северина мы сразу стали готовить новые песни в альбом «Не беда» (Шахрин). Готовить альбом — дело одно, записывать — совсем другое, тут нужны деньги, а денег с увольнением Ханхалаева не стало совсем. Но катилась по стране эпоха диковатого капитализма, она являла людей масштаба не то былинного, не то анекдотического; с одним из них свела судьба группу «Чайф». Его звали Вова Русин. Шахрин: «В то время стали появляться кооперативы, какие-то молодежные организации, и появился непонятный центр «Метро», полуклуб, где была студия, и был бешеный человек по фамилии Русин, который строил невероятные планы, нес ерунду и тут же брался воплощать ее в жизнь». «Полубандит — полупролетарий» (Нифантьев). Вова Русин чайфов полюбил и решил для начала выпустить «фирменный» календарь «Чайф» на 1989 год. А шел сентябрь 89-го, календарь получался на год уходящий. Тираж — 20 тыс. экз. «Мы еще говорили, что, наверное, многовато будет, —

рассказывает Бегунов, а он: «Парни вы известные, нормально разойдется». Плакаты кончились году в 97-м. Вышло, как обычно выходит: пока выбрали фотографии, пока определились, пока прошло утверждение, пока напечатали, пока привезли — месяц до нового года… Цифры отрезали, получился плакат, который лежал в «Метро» мертвым грузом, место занимал. «Мы не раз поднимали разговор о том, чтобы их выкупить, но он какие-то нереальные цифры выставлял, почему-то он уже считал, что мы его кинули, хотя только идиот мог все это придумать» (Бегунов). Лежали плакаты, лежали, пока кому-то не пришла светлая идея о том, что сторож есть. Обратились, парень быстро прокалькулировал и за какие-то ничтожные деньги весь тираж отдал.

А пока афера с плакатами была в самом разгаре, Шахрин вызнал, что есть в Питере недорогая студия в ЛДМ, шестнадцать дорожек, ленточный магнитофон «Штудер», гостиница, и если сделать пару концертов, можно договориться недорого. Русин пообещал, что все оплатит по безналичному расчету. Посчитали — нужна тысяча долларов, Русин взялся перевести, но с условием: на запись едет вместе с группой. И поехал.

«Не беда»

«Что про этот альбом сказать?
Странный он, конечно»
В. Бегунов

«Финансист Русин приехал налаживать контакты с питерским роком и с акулами шоу-бизнеса, но на второй день заглянул в кабак и, как все нормальные русские люди, вошел в штопор; больше мы его не видели, — рассказывает Бегунов. — Он впал в состояние анабиоза и только в краткие минуты просветления говорил: «Ребята, вы никому в Свердловске не говорите, что у меня беда такая». Альбом записали за неделю, с третьего по десятое октября. Магнитофон замечательный, Александр Казбеков, звукооператор, отнесся к чайфам хорошо, но с некоторой учительской интонацией: «Я знаю, как вас записать»… Первым делом были забракованы самопальные чайфовские гитары с примочками, бегали по питерским музыкантам, собирали приличные инструменты, кто что даст. А в студии все хорошо, но нет помещения — одна комната, тут же оборудование, тут же музыканты.

«Запись происходила смешно, — Шахрин, — всем в студии

находиться одновременно было невозможно, писались по одному; Казбеков предлагал какие-то бредовые вещи типа того, что «не будем бочку писать, пусть Валера по полу топает, я потом «нарулю»… Тут мы воспротивились». Бегунов: «По-своему это было интересно, была иллюзия профессиональности, Казбеков производил впечатление всезнающего человека и активно лез в творческий процесс… На нас всегда производили впечатление люди, которые умели пустить пыль в глаза».

«Здесь были первые попытки продюсирования звука — Казбеков крутил ручки, он полностью делал весь звук, включая гитарный, что впоследствии мы никому не позволяли делать» (Шахрин). Здесь в последний раз появилась Алина Нифантьева. Идею опять ввести в «Чайф» Алину, которая пела в группе еще в 87-м, активно, но непонятно зачем, отстаивал Саша Калужский. «Не помню, как он нас убедил, но Алина с нами поехала» (Бегунов). А дальше Нифантьев: «Алина записала бэк-вокалы в нескольких песнях, но когда вышел альбом, в титрах ее не было. Я устроил Шахрину скандал, они перевели стрелки на Зиганшина, который оформление делал, тот сказал, что ничего не знает». Нифантьев опять обиделся. И Северин огорчался: «Валерка все горевал, ему казалось, что там какие-то барабаны не такие…» (Бегунов).

Так или иначе, альбом за неделю записали, отыграли концерт в ЛДМ, второй концерт Валеры; очевидцы говорили, что на барабанах сидел человек с совершенно сумасшедшими глазами, он не понимал, что происходит.

Сделали сведение, пошли искать Русина — пришло время платить. Шахрин: «Нашли мы его на верхнем этаже гостиницы, где он собрал уборщиц с дежурными по этажу и «давал Хлестакова»: «Я тут «Чайф» привез! Кого еще знаешь? «Наутилус»? Мои!.. «Агату» знаешь? Тоже мои, потому что я главный!». Рассказывал, что внизу сейчас записывается песня «Поплачь о нем, пока он живой», — «Так это про меня». Он сам это придумал, сам в том уверился и впоследствии уже в Свердловске часто эту историю рассказывал».

Над группой зависла неловкая тишина; нужно уезжать, деньги на гостиницу кончились, работа сделана, забирать ее без денег неудобно. Спасибо питерцам, уговорили студию ЛДМ чайфам поверить. В конечном счете деньги фирма «Метро» переслала. «А это была осень 1989 года, и мы поимели запись, которая по тем временам звучала очень неплохо, хотя сейчас у меня к ней вопросов масса, — говорит Шахрин. — Но там появилась «совсем другая музыка», как сказал один великий, другие интонации, другие песни, новое звучание… И все это нам

придало какие-то силы, помог Питер. Этот город несколько раз расставлял в нашей жизни исторические вехи».

Помогли Питер и Русин. Как бы то ни было, альбом «Не беда» записан исключительно благодаря Вове Русину. Спасибо ему.

Бремя винила

«А мы тогда считались
питерской группой».
В. Бегунов

Так оно и было. Шахрин: «С Питером у нас, начиная с 87-го, были очень хорошие отношения». Не просто отношения — Бегунов: «Тогда мир делился на регионы, либо ты дружишь с Питером и нормальным считаешься, либо дружишь с Москвой и не являешься для всего остального мира нормальным, но зато включаются какие-то рычаги, и идешь как бы другой дорогой. Мы считались питерской группой, по воле судеб родившейся и игравшей в Свердловске. Нас в Питере считали своими». Там записали альбом, там произошла следующая подвижка. Шахрин: «Дружили с Андреем Бурлакой, в это время он стал главным редактором питерского отделения фирмы «Мелодия» и какими-то правдами-неправдами пробил нашу пластинку. Без денег, но все равно это была фантастика — сольная пластинка на «Мелодии»!..».

Пластинка вышла в конце 89-го, выпустили ее сразу четыре завода — Таллинский, Ташкентский, Московский и Питерский, каждый тиражом порядка 200 тысяч, то есть вышла она невероятным, почти миллионным тиражом! «Это был кайф! До того мы были бандой шаровиков, а тут — виниловая пластинка на «Мелодии»… — до сих пор горделиво выговаривает Бегунов. Шахрин: «Когда она вышла, Бегунов сказал: «Наконец-то, если теща спросит, кто я такой, могу сказать: «На! Вот кто я!». До этого, конечно, никто из наших родственников за артистов нас не держал, а тут виниловая пластинка на фирме «Мелодия»! Сейчас любой может выпустить компакт-диск, да и чуть позже на свободных лейблах пластинки выпускали многие, но на «Мелодии» есть пластинка далеко не у каждой группы!».

Чайфы воспрянули духом, да и промоушн был мощный: пластинки стояли, чуть ли ни в каждом магазине по всей стране. В Свердловске они продавались моментально, а в городе Чайковском их было завались, друзья возили оттуда коробками. Пластинка пошла, пошли предложения, «Чайф» стал ездить по

стране, опять встала проблема директора. Шахрин: «Опять появился Анвар Хабиров в роли директора, откуда он появился, я так и не знаю. Музыканты хотели расстаться с Ханхалаевым, и мы расстались с Костей, но лучше не стало, нервозность только усилилась, Анвар был абсолютно зелен как директор и ничего сверх Костиного предложить не мог».

Нервозность усиливалась и по другому поводу, алкогольному. По которому часть группы могла на время вообще выходить из-под контроля. Нифантьев: «В 89-м я отмечал двадцать пять, и мы с Бегуновым остались в Ленинграде отмечать день рождения аж недели на три! Шахрин открыл рот и уехал с Севериным, а мы остались. Познакомились с Федькой Чистяковым, у него тогда крыша еще не так сильно дымилась, она у него всегда дымилась, но не так сильно. У нас было развлечение — петь песню «Я хочу быть с тобой» одних известных авторов. Часов по восемь без перерыва с вариациями… Безумные были оргии. Однажды в четыре утра раздался звонок, а мы уже часа три с особым цинизмом орали «Я хочу быть с тобой». Федька открывает дверь — три мента — Федька дверь захлопывает, и мы продолжаем петь. Они звонили, звонили, так и ушли. То есть мы с Бегуновым тогда очень сильно дружили. А с Шахриным я, наверное, никогда не дружил»…

Так что Шахрину, как и группе в целом, было, чего от жизни ждать, ожидания реализовались с лихвой, но позже. А пока кончался год, пластинка вышла, тогда же фотограф и дизайнер Ильдар Зиганшин изобрел логотип «Чайф», «за что мы ему очень благодарны» (Шахрин).

К вопросу об экологии

Вопрос экологии стоял перед страной давно. Но собственно к «Чайфу» отношение имел косвенное. «Чайф» тоже об экологии не очень задумывался, а задумывался он об иных материях: к весне 90-го с группой опять творилась непонятица: пластинка вышла, концерты поиграли, волна пошла на спад — а дальше что? Схема одна: всплеск — какое-то время ты на поверхности, потом медленно погружаешься обратно вниз. Нужно выныривать. Оставалось понять, как именно.

Помогли Костя Ханхалаев и Саша Калужский, они заговорили об экологии. Костя время от времени появлялся в Свердловске, останавливался у Шахрина, они после развода не поссорились. Подтягивался Калужский, потом подтянули экологию, но первоначально речь шла не о самой борьбе за чистоту

окружающей среды, а о прикладных ее аспектах: «Калужский вспомнил, что в свое время кто-то из западных музыкантов проплыл по Миссисипи на корабле с экологическим агитпоходом, — рассказывает Шахрин, — и возникла идея об экологии. У Саши мама в научных кругах крутилась, он подкидывал информацию о том, что ситуация страшная, с экологией у нас полная задница, и хотя об этом все молчат, но еще через несколько лет это будет самая серьезная проблема. А у нас в стране опыт был, все эти си-неблузники, которые за всеобщую грамотность агитировали, за здоровый образ жизни, чтобы со вшами бороться… Это было в нашей стране, здесь эта форма естественна».

Втроем придумали акцию под названием «Рок чистой воды». Ехать решили по Волге, по матушке-реке, вышли на Нижний Новгород, на какой-то молодежный центр, Костя туда поехал, нашел единомышленника, Игоря Крупина, выяснил, что пароходство в жутком состоянии, неизвестно, кому принадлежит, а потому неизвестно, что со всеми пароходами делать. Время, когда не понятно, кому принадлежит власть в стране — делать можно было все. Какая-то бывшая комсомольская организация договорилась с пароходством, под экологию дали теплоход с гордым именем «Капитан Рачков», который шел от Нижнего до Москвы, а от Москвы до Астрахани. Мало того, оказалось, что во всех городах есть люди, которые согласны взяться за организацию концертов, встретить, подготовить площадку, сделать рекламу, а чайфы бы с компанией приехали и отыграли.

Через первый поход «Рок чистой воды» прошло больше двадцати групп. Основной костяк состоял из «Чайфа», «Телевизора», «Аукцыона», «Насти», плюс ротация: в каждом городе на борт брали по две группы из местных, они плыли до следующего города, там играли и ехали домой, на их место грузились новые, получился эдакий микротур для малоизвестных поволжских групп. Путешествие длилось три недели, а на какие деньги и как оно вообще могло организоваться, непонятно. Шахрин: «Выглядело это фантастически: куча неизвестных, непризнанных музыкантов, по большому счету — полусумасшедших алкоголиков, загрузилась на теплоход и пошла по Волге»…

Пьяный пароход

«Сели люди на пароход и в первый же вечер так нарезались!.. — повествует Бегунов. — Три дня пили, потом

вышли в мир, посмотрели и поняли, что он нам в принципе неинтересен, мы никому не нужны; обратно в трюмы вернулись и продолжали бухать. Красота, Волга… И постоянно зудящий Шахрин, что мы пьем много. Мы его искренне не понимали. Я казался сам себе свежим, нежным и обаятельным».

Нифантьев: «Я пришел в каюту с бутылкой шампанского, ее о тумбочку разбил, лег и уснул. Наутро проснулся, чувствую — как-то мне некомфортно. Представляешь, как йоги на стекле лежат? А пьяный — он, как йог, все эти осколки сидели у меня в спине, и ни одного пореза! А глубоко воткнулись… И Алина целый час куски стекла у меня из спины доставала».

Пили все, кроме Шахрина. «Он никогда много не пил, а тут, глядя на нас, стал пить еще меньше» (Бегунов). Мрачный Шахрин бродил по теплоходу «Капитан Рачков», теплоход представлялся ему мрачной пародией на весь мир: «Наверху рубка, там капитан, который единственный знает, куда мы плывем и где по фарватеру повернуть. Была верхняя палуба с люксами, где жили академик Яблоков, Костя Ханхалаев и начальник из комсомольцев… Они спускались в ресторан, видели, что все в порядке, и исчезали. Дальше музыканты гуляли… Были журналисты, экологи, были студентки, которые королевами ходили — женихов вокруг!..

Но оказалось, существует еще трюм, где не видно воды, солнца, где идет иная жизнь. Там жил экипаж. Как двигается машина, никому в голову не приходило, а внизу колбасились эти люди, белье на веревках растянуто, дети на велосипедиках по коридорам катаются… Я спустился однажды».

Не приходя в сознание, пьяный пароход проследовал с 14-го по 30-е мая через Горький, Казань, Тольятти, Куйбышев, Саратов, Волгоград до Астрахани и обратно через Ярославль и Углич в Москву. В среднем каждый второй день давали интервью «про экологию», играли концерты, хотя получалось и то, и другое неважно, что и не странно — попей столько… «Некоторые концерты на «Чистой воде» были для нас просто провальными — публика реагирует, но мы-то знаем, что можно и нужно играть по-другому. Помню, как Шахрин с лютой ненавистью смотрел на ритм-секциюс (Бегунов).

Апофеозом стала попытка угнать всю эту пьяную банду вместе с теплоходом «Капитан Рачков» в Турцию. Предпринял ее Глеб Вильнянский, интеллигентнейший клавишник «Насти», который был зашит и непьющ, но от общего угара развязал. Однажды утром выяснилось: была попытка захвата корабля с привлечением матросов для борьбы с террористом… Бегунов: «Мы говорим: «Да кто?» — «Ваш какой-то»… Оказалось, это Глеб нажрался, пошел всех на уши ставить, его попытались остановить,

он смел преграды, и пришла идея, что надо ехать в Турцию. Поднялся на мостик, хотел поднять «Веселого Роджера»: «Всех козлов — за борт, идем в Турцию!» Капитан вызвал матросов, его вязали… Ладно, мы-то знали, как Глеб выглядит, но люди со стороны, когда увидели этого «террориста», они же валились от хохота!».

«Если такие тихие люди начинали с ума сходить, представляешь, что с остальными было?..» — Нифантьев. Уж как не представить… «На теплоходе Антон дико пил, запой у него явно прогрессировал, — свидетельствует Шахрин. — Поход был замечательный, только к концу мы все немножко устали, все было на три раза выпито, переедено, переговорено… Это был май 90-го».

Урай

«Кризис это был или не кризис?..
В моем понимании, вся жизнь — кризис».
А. Нифантьев

20-го июня 1990 года «Чайф» должен был выехать на гастроли в северный город Урай — не то День нефтяника, не то еще какое гульбище, но «зарядили по серьезному»: три концерта по две тысячи рублей — деньги по тем временам огромные. С билетами на поезд проблема, Анвар купил в общий вагон, Антон заявил, что никуда в таком вагоне не поедет: «Я сказал, что не хочу ехать на этот концерт; напряги давно существовали, накопились, и я сказал, что мне неинтересно». Его вроде бы уговорили.

А у Шахрина день рождения на носу — 22-го числа. С алкоголем трудно, «у Антона грузчики знакомые в магазине, он вино покупал в больших количествах» (Бегунов). Антон достал на день рождения два ящика алжирского сухого красного вина, у него дома стояли. Нифантьев: «Ко мне заехал Северин, я говорю: «Давай-ка, друг мой Валера, пару бутылочек-то выпьем». Чтобы, значит, я смирился и решил ехать. Мы выпили, и не парочку, и поехали на вокзал».

В поезде Антону не понравилось, что он высказал собратьям по группе. «Ему шутливо посоветовали: «Кончай стонать» — рассказывает Шахрин, — он хватает гитару, плащ и, ни слова не говоря, бежит по коридору. Мы посылаем Анвара узнать, куда он, Анвар возвращается, говорит, что Антон вышел из поезда и ушел. До отправления две минуты, мы в недоумении выскакиваем из

вагона». «Я взял гитару и вышел,» — Нифантьев. Остальные стояли у ресторана «Старая крепость», поезд без них шел в неведомый город Урай. Поехали к Шахрину, «и у него так мы глухо забухали — просто кошмар» (Бегунов). Главное, непонятно было, что делать. Несколько раз посылали гонца Анвара к Антону, он возвращался, говорил, что Антон дома, но не открывает. Так прошло двое суток, пока не позвонили в дверь Шахрину.

«Входит человек, полу бык такой, явно связанный с бандитами, и говорит: «Вы что, козлы, творите?» — рассказывает Бегунов. — Был жесткий разговор, и мы поняли, что нас плющить будут, если не поедем».

Урай — насыпной город на песке, туда самолетом завезли аппаратуру, приехали люди с буровых, руководство, пафосное мероприятие, которое из-за чайфов оказалось на грани срыва. И людей послали на самолете в Свердловск, чтобы они, во что бы то ни стало, притащили группу. «Чайф» погрузили в самолет, там они стали думать: что же делать?.. «Решили с Вовкой: никаких соляков, две гитары с драйвом втыкаем, я — по низким, ты — повыше, играем без баса, — говорит Шахрин. — Барабаны в середину выдвинули, вдвоем встали по боками и с дикой злобой лупили с мыслью: пусть побьют, но мы вышли»..:

«Более дебильного и странного выступления я не припомню, — это уже Бегунов, — мы как на паровоз бросились, все мыслимые и немыслимые педали врубили, создали шум; в общем, выкрутились». Самое странное, что публика аплодировала и даже танцевала… В финале подошел Женя Горенбург, который играл в том же мероприятии со своей группой «Топ», и сказал: «Слушайте, это настолько необычно!.. Мне понравилось».

Шахрин: «И нам сказали эти люди уголовной наружности, что два несостоявшихся концерта они нам прощают. Объяснились, и с нами уже довольно мило разговаривали, единственное, что по тем временам нам предлагали сумасшедшие деньги, по две тысячи за концерт, и мы их не заработали. Естественно, Антона по приезде видеть не хотели. Но и он нас видеть не хотел».

Пополнение рядов

«Мы звучали в Урае необычно,
но шутка была одноразовая»…
В. Шахрин

По дороге обратно разговорились с Володей Приваловым,

свердловчанином, который в Урае оказался по делам мелкого бизнеса. Оказалось, он басист, и не прочь поиграть в «Чайфе»… «А у Володьки свой инструмент, что в то время было немаловажно, — Шахрин, — и мы предложили попробовать. Он пришел, всегда с улыбкой, про деньги вопросы не задавал, что приятно… Одна беда, он не мог придумать басовые партии. Предыдущие песни он с Нифантьева снял, на новые песни придумывать партии пришлось нам с Бегуновым. Может, поэтому в альбоме «Давай вернемся» они слушаются необычно — это вышло не из головы басиста».

Басист появился сходу по принципу «подвернулся — взяли». Парень, впрочем, хороший, с некоторой внутренней монстрозностью, благодаря которой быстро приобрел кличку «Арнольд». Ну и выпить любил, это как повелось… Хотя в большей мере дело дальнейшей алкоголизации «Чайфа» легло на плечи не Арнольда, а Володи Желтовских — еще одно приобретение лета 90-го. По поводу Володи — кличка «Малой» — Шахрин до сих пор испытывает некий комплекс вины, считает, что в «Чайфе» Желтовских споили. Бегунов не согласен: «Споили мы Малого? Споишь его… Он нас споить мог». Малому на момент прихода в «Чайф» было семнадцать лет, он был альтист.

«В это время единственным человеком в городе, кто действительно работал с молодежью, — рассказывает Шахрин, — был старик Б.У.Кашкин (художник-примитивист, также известный как К.А.Кашкин). Он собирал самых отпетых, давал им какие-то дудки, балалайки, они в них дудели, играли, и это было весело. И появилось такое место, бывшее здание Станции вольных почт на Ленина. Оно было заброшено, хотя за несколько месяцев до того в этом здании жил Нифантьев. Там собиралась молодежь, я несколько раз попадал в эту компанию и видел мальчонку, который играл на альте».

В мае 90-го Шахрина пригласили поучаствовать в Первом фестивале акустической музыки. Пригласили одного, организаторы почему-то побоялись, что группа остальных участников фестиваля своей значительностью задавит. Ну и денег заплатить не могли. И пришла Володе мысль пригласить мальчишку с альтом, который играл в Станции вольных почт, Володю Желтовских. Он учился в школе при консерватории, пацан семнадцати лет, но очень раскованный скрипач, который всюду таскал альт, и его не надо было упрашивать, в любой момент доставал и играл.

«.Мне понравилось, как мы с ним отыграли, мне всегда нравилось звучание альта, звучание виолончели и не нравилось звучание скрипки. И показалось, что этот инструмент может лечь

на нашу музыку. Я понимал, что Привалов — басист послабее Антона, от замены мы получали минус, который надо было чем-то компенсировать, неким музыкальным наполнением. И я предложил Бегунову взять Желтовских. Он скептично к идее отнесся, но отыграли первую репетицию, Вовка сказал: «Меня не тошнит, если тебе хочется, путь будет».

И еще одного участника нельзя не помянуть — звукооператора Алексея Жданова. Привел его еще Нифантьев, ему и слово: «Леха Жданов — уникальная личность, слов нет. Он в свое время при аппарате грузчиком был. Когда с Густовым возникли проблемы, я познакомился со Ждановым. И я его притащил. А Леха, человек весьма хитрый, когда понял, что я его хочу привлечь, сразу за это схватился. Было такое кафе «Восточное», там собирались рокеры, бухали пиво. Туда мы ходили вдвоем, а с деньгами проблемы, и он быстренько обегал пустые столы, собирал пустые бутылки, шел их сдавал и покупал мне пиво. После этого я сказал: «Леха, ты будешь звукооператором в «Чайфе». Я его научил азам звука, и потом его называли лучшим звукооператором в стране, он на концертах делал очень хороший звук. Но года три вплоть до мордобоя его воспитывали, у него с крышей был полный улет. Он алкоголик… Все звукооператоры в «Чайфе» были монстры» (Нифантьев).

Конец лета — 90

(свидетельство очевидца)

Ближе к осени произошло событие, возможно, не слишком заметное, но в некотором роде знаковое: «Чайф» потрудился разогревающей командой у «Бригады С». Событие, очень точно отражающее положение дел. Чайф, записавший несколько альбомов, на родине, в Свердловске, имевший статус почти звездный, объездивший половину страны, известен был стране слабо. И перед туром по Казахстану «Бригада С» решала, кого брать на разогрев.

Дальше рассказывает Дима Гройсман, в то время директор «Бригады»: «Мне несколько раз предлагали «Чайф» в качестве разогревающей команды, а Гарик очень серьезно относился к тому, с кем играть. Я группу «Чайф» не знал и у него спросил, не против ли он, чтобы играл «Чайф».

Звукооператор Жданов за работой, а к нему прокрался некто Дмитрий Гройсман, он и делает фотографу «ручкой».

Гарик согласился. Концерты были в Казахстане, мы едем на рынок, сели в автобус, нас спрашивают, не возражаем ли мы, если

с нами чайфы поедут, они тоже хотят на рынок. Мы не возражали, они вошли, встреча получилась открытой, потому что все давно хотели с ними познакомиться».

«Оказалось, прикольные пацаны, легко с ними разговаривать, хорошие рожи, не спившиеся, не обрюзгшие… Какие-то они светлые были. А вечером концерт, я вышел посмотреть и услышал: «Поплачь о нем» и «Не спеши». И я понял: вот они, хиты-то! Почему их никто не знает?.. Они были известны среди музыкантов, среди специалистов, критиков каких-то, а народу — не очень. Мы стоили пять или шесть тысяч рублей, они — восемьсот, большая разница».

«Но мы познакомились, и с этого момента началась дружба двух групп, «Бригады С» и «Чай-фа». И если нужен был кто-то на разогрев, я предлагал: «Давайте чайфов возьмем». Коллектив маленький, стоили они мало. Но дело не в этом, мне были приятны эти люди, я с ними дружил, насколько тогда можно было дружить»…

В середине тура по Казахстану пришло известие о гибели Цоя.

«Давай вернемся»

«А время в стране было самое мутное,
на грани бунта, а бунт весь в Кремле.
Мне кажется, альбом очень
точно отражает 91-й год»
В. Шахрин

Альбом «Давай вернемся» записан благодаря Андрею Бурлаке, но с последствиями, прямо противоположными предыдущему. Бурлака сообщил, что «Мелодия» открывает в Питере свою студию, оборудование не до конца готово, но писать можно. Решили ехать в Питер, собрались в сентябре 90-го. Записывал Андрей Муратов, Мурзик, клавишник «ДДТ», опять питерские музыканты помогали инструментами. Писались в лютеранской церкви, отсюда некоторый пафос звучания, особенно голосов.

Новаций в альбоме было много. Магнитофон — 24 дорожки — «совсем как у взрослых», от магнитофона легкий звукозаписывательный угар: «писали «Псов с городских окраин», начали 24 дорожки осваивать и забыли записать гитарную партию» (Шахрин).

В песне «С войны» Малой написал пять партий, выжал из

альта симфонизм, которому чайфы страшно радовались. «Сбросили» песню на кассету, подсунули одной питерской знакомой послушать. Шахрин: «Она дослушала и говорит: «Классно!». Мы: «И как тебе скрипки?». Она: «Какие скрипки?»… А там, кроме скрипок, ничего нет! Вроде ледяной воды на голову. Там гитара и пять альтов!.. С тех пор я четко понимаю, что все наши мелочи — это для узкого круга, на публику они если и действуют, то, может быть, на подсознательном уровне. Да и то вряд ли».

За эту песню Шахрина много хвалили в газетах. За «обращение к военной тематике», хотя песня про музыканта, про Славу Задерия. «Мы сидели в квартире на Петроградке, самый загадочный район, — рассказывает Шахрин, — пришел Задерий, после рюмки говорит: «Да, конечно, «бойцы рок-н-ролла»… Я приехал с гастролей, а меня дома не ждут, сказали, чтобы я шел…». Песня про мужчину, который занят своим делом, а когда хочет вернуться в нормальный мир «на побывку», ему говорят, что силы ждать кончились. В ней до сих пор двор питерский слышен».

Писали «Открытие», зашел в студию Саша Ляпин, ему: «Сыграешь нам соло?». Он взял гитару, даже не настраивал: «Махните, когда играть». Ему махнули, заиграл. «И видно было, что там, где гитара не строила, он просто «подтягивал», и все. Виртуоз!» (Шахрин). Второй раз махнули, он играть перестал, записано.

Здесь появилась, наконец, «Ой-йо».

Писали долго, долго жили в Питере, закончили, но повторить виниловый триумф «Ну беды» не вышло — мастер остался в Питере, чайфы только переписали себе несколько кассет. Запись принадлежала фирме «Мелодия», фирма «Мелодия» распалась, стало непонятно, кому что принадлежит, кто что выпускает, все стало непонятно. Альбом два года пролежал на полке, и только в 92-м фирма «Фили» выкупила альбом у «Мелодии» и выпустила.

А пока кончался девяностый, ребята ждали выхода пластинки, ее не было, время уходило в ожидании… И под Новый год появился человек по фамилии Огнев, предложил тур по Дальнему Востоку, 25 концертов в 15 городах. «Деньги небольшие, но концертов много, да и просто интересно,» — Шахрин. Это было интересно…

Дальний Восток — 2

(криминальное турне)

«С Дальнего Востока мы вернулись,
хотя, по идее, не должны были».
В. Бегунов

Прошлая поездка во Владик запомнилась прекрасно, и ожидать, что нынешняя превзойдет ее во всех отношениях, было трудно. Превзошла.

Памятуя трудности прошлого перелета, постановили: «Каждому подготовиться!» — в результате каждый взял по бутылке водки. На посадке в Новосибирске их в самолет запустили-таки, на второй посадке стюардессы поняли, что если чайфов выпустить, обратно их никто не пустит. На подлете к Владику кончилась последняя бутылка, но все бодры, и их долго уговаривали выйти. Чайфы говорили, что доиграют партию в карты и тут же выйдут.

Поселились в сюрреалистической гостинице «Якорь», с улицы будка чуть больше сортира, и все. Заходишь, а лестница идет вниз, ибо сама гостиница пристроена к скале. То есть заходишь на крышу, а чтобы выйти, нужно на лифте подниматься вверх, а не вниз. Понять это было трудно, парни путались, схемы рисовали, чтобы из гостиницы выбраться. Но и человеческий фактор в той гостинице был странен.

Бегунов: «А в гостинице, как скоро выясняется, происходит всероссийский бандитский сходняк… Я еще удивился: почему у гостей лица странные?.. И в ресторане странные сидят… А нам сообщают, что здесь делят регионы. Нас спасло, что девушка, которая помогала администратору, была вхожа в какие-то круги, и нас просто отмазали. Но ряд моментов был очень неприятных. В номер вваливаются люди, начинают ломать, как лохов».

Шесть концертов во Владивостоке, залы не то чтобы полные, но уверенные, потом начался сам тур, и чайфы поняли, что тура нет, есть города, в которые позвонили и сообщили, что «Чайф», наверное, приедет. Транспорта нет, ехали рейсовыми автобусами в Партизанск, в Артемьевск… «Играли в таких городах, названия которых я сейчас и вспомнить не смогу», — Бегунов. Январь на Дальнем Востоке, холодный, пыльный, бесснежный… Гостиницы без отопления. Боролись за то, у кого вечером собраться — придут люди, накурят, надышат, обогреют помещение…

Играли у военных, вместо звонков первые такты гимна Советского Союза, зав. сценой бывший полковник, заходил в гримерку строевым шагом и объявлял: «Товарищи артисты, второй звонок — готовность номер один! Товарищи артисты, третий звонок, прошу на выход!»… В половине городов концертов не было, администраторов огромное количество, никто не знает,

что он делает… «Веселые парни, с которыми весело выпивать, но работать они ни хрена не умели» (Бегунов).

А год 91-й, пик талонной системы, без прописки ни поесть, ни выпить, а еще случилась Павловская реформа… «Не скажу, что мы сильно заработали, но денег на кармане было изрядно, — рассказывает Бегунов. — И въезжаем часов в пять утра в очередной город, видим скопление людей у сберкасс. Мы думаем: больные какие-то… Оказалось, отменили полтинники, а у нас в карманах одни полтинники!.. А их просто так не обменяешь, нужно объяснить, откуда взял… Техники, которые с аппаратом ездили, собрали все полтинники и вечером в ресторане развели китайских бизнесменов, купили у них кожаные куртки, пуховики и расплатились исключительно полтинниками. А товар, когда попали в Комсомольск-на-Амуре, они пристроили»…

Конечный пункт — Хабаровск, там Шахрин с организаторами чуть ни подрался. Приехали — по городу ни одной афиши. Слава Богу, афиши с собой были, и ребята, понукаемые Володей, устряпали чайфовски-ми плакатами три хабаровские улицы через каждые двадцать метров…

«Но самое смешное — обещанных денег мы так и не получили!» — Шахрин.

Бертолуччи

(«Четвертый стул»)

«А время было, когда кино
мог снять даже я».
В. Бегунов

Время — январь 91-го. И возник молодой человек с книжкой под мышкой — «Бертолуччи о Бертолуччи». На следующий день книжка называлась «Феллини о Феллини», но кличка прилипла «Бертолуччи». А фамилия ему была Кылосов. «Он объявился режиссером Пермской киностудии, и я только много позже узнал, что такой не существует. Я живого кинематографиста тогда в глаза не видел и подумал: «Может, так они и выглядят?..» (Шахрин). Бертолуччи принес сценарий, авторами которого значились Бертолуччи (который Кылосов), Тонино Гуэрра (который настоящий) и еще какая-то Люсиль Лаке. Шахрин недостаточно разбирался в иерархии столпов итальянского неореализма, равно как и в международном авторском праве, и дал убедить себя в том, что Бертолуччи лично знаком с Гуэрра, что тот дал добро на съемки фильма, который потянет, как

минимум, на «Оскара», только музыка нужна. А Пермская киностудия (которой нет) оплачивает музыку, тексты, запись, все… «Я говорю: «Хорошо, я подумаю», — рассказывает Шахрин. — Через некоторое время он появляется снова. Я понимаю, если пришел псих, наговорил всего и ушел, но он появлялся регулярно и регулярно с новой книжкой!»…

А сценарий Шахрину понравился. «Вовка прибежал, говорит, приехал человек, привез обалденный сценарий, от которого он просто заторчал. Произведение-то чудесное» (Бегунов). Называлось оно «Четвертый стул». Одним словом, Шахрин влез в историю по уши. Записал несколько песен под гитару, Бертолуччи их одобрил, весной сели писать альбом на студии Новикова Александра Васильевича.

«Я понимал, что для фильма должно быть какое-то другое звучание, не просто рок-н-ролл. Работали в чистой акустике, если и были электрические гитары, то чистым звуком, барабаны щеточками… В нескольких песнях скрипки и виолончель, играли Малой, Оля Хоменко и некто Юфа. Первый опыт со струнным ансамблем. Оказалось, они играют гораздо фальшивее нас, неритмично, без нот вообще ничего не могут. Леха Могилевский на саксофоне; и вообще был очень нежный, нетипичный для нас звук» (Шахрин). Писал Алексей «Палыч» Хоменко, он же сыграл на рояле в «Что такое зима». И забыл, что играл. Потом как-то услышал, спрашивает: «А кто это у вас на рояле играет?» Ему говорят: «Ты». То-то Хоменко удивился…

«Всему свое время» была написана для Насти Полевой, Вова хотел подарить Егору и Насте песню, написал, дал послушать — ничего. Тогда записали фонограмму, Шахрин пригласил Настю в студию, уговорил. «Там очень низкая для нее тональность, и некоторые ноты Настя спеть просто не могла, — рассказывает Володя, — она их выговаривала, и они не выпадали из общего тона. В конце я решил дописать такой телефонный диалог, тут же набросал на бумажке, Егор посмотрел — заржал… Мы все-таки его наговорили, и потом я видел, как люди слушали запись, пытаясь понять, что же там говорится. Мы убедительно это сделали. По крайней мере, после этой записи я понял, что моя супруга стала испытывать некоторое чувство ревности… Хорошо сыграли диалог, если жена поверила… У Насти судьба такая, многие жены из рок-н-ролла екатеринбургского считают, что у их мужей что-то с Настей было, хотя вид у Насти абсолютно невинный. При том, что ничего не было…».

«Четвертый стул» — едва ли ни самый стилистически цельный альбом «Чайфа» и один из немногих ритм-н-блюзовых альбомов за всю историю русской рок-музыки. Каждый альбом

давал «Чайфу» в среднем по четыре вещи, которые оставались в репертуаре надолго, из «Четвертого стула» вышло целых шесть. «Ковбои» (это «Объект насмешек» себя ковбоями называли), «Я был солдатом» (очень старая, написана на стройке еще году в 83-м), «Мой блюз», «Всему свое время». «Шесть вещей мы играем постоянно, хотя, как ни странно, это самый непродаваемый альбом группы. Ни одного клипа, продается хуже всех, и в нем больше всего хитов»…

«Фильма, естественно, не было, — рассказывает Бегунов, — но спустя годы я увидел фильм этого человека! Я не очень верующий человек, но Тому, Кто Сверху, я очень благодарен за то, что мы не приняли участие в этом фильме». Об одном Бегунов сожалеет до сих пор — обговаривали они с Бертолуччи будущие роли, одна Вовке сильно приглянулась: «Я до сих пор влюблен в эту роль. Роль человека, который утром встает, приходит в Кремль, накладывает грим и ложится в гроб в мавзолее. Открывается мавзолей, идет толпа, а он спит на работе. Мавзолей закрывается — идет домой. Мне эта идея очень нравилась, мертвого Ленина играть — это круто». За обещанными деньгами Шахрин поехал в Пермь, пришел к человеку, которого Бертолуччи называл своим продюсером, к Юре "Горохову, тот от Шахрина о грядущих тратах услышал впервые, очень удивился, но заплатил. Прошел год, альбом выпустили. Оформление сделал Бегунов, рожицы на нотном стане нарисовал, а Лена, жена Шахрина, — дизайн. «И спустя время пришли два человека, — говорит Бегунов, — и сказали: «Мы обладаем правами на саундтрек не созданного фильма и хотим издать альбом»… На что им было сказано: пошли вы на хер! Бертолуччи потом появлялся на горизонте, но мы держали его на поводке, знали, что он стоит».

Пьяный паровоз

«Какая-то карма над нами висела,
витали флюиды нехорошие».
В. Бегунов

Иначе говоря, все было не то, чтобы плохо, но как-то странно. Дело было не в «Чайфе», тогда надо всей страной «флюиды витали нехорошие», это мягко говоря. Но и в группе жизнь шла неуверенно.

Пили. «В это время начал очень крепко попивать Малой, что меня пугало, он действительно был малой — нам по тридцать, ему семнадцать; проблема была подростковая — чтобы он школу

окончил. А у него стало башню сносить, с ним вместе попивал Привалов по кличке Арнольд. Но с ним было ясно, что вариант временный, почти год играл, а все временный» (Шахрин). «Попивали» ребята с такой силой, что Бегунов с Севериным, которые тоже греха зеленого не чуждались, отодвинулись на второй план, по контрасту у Шахрина с ними было на тему пьянки замирение.

Концерты играли, но нечасто. Играть часто в 91-м вообще ни у кого не получалось, рокеры перестали собирать стадионы, поп-музыка все больше выдвигалась на первый план, забирала под себя публику. Рокеры огрызались, сетовали в газетах на то, что люди устали от социальщины… Устали — не устали, вопрос другой, но жизнь рок-н-ролльная протекала во все более разжиженном пространстве. У «Чайфа» в том числе. К весне были записаны две пластинки, и обе не вышли; концертов маловато, от чего нервно. В такой обстановке произошел второй поход «Рок чистой воды» (19–26 апреля), на сей раз по Белоруссии, т. е. против радиации. Он оказался тоже жидковат.

«Езда по каким-то городам, которые с радиацией, какие-то экологи, какие-то драки в гостиницах… — с трудом вспоминает Бегунов. — Мы и всегда-то любили выпить, а тут выяснилось, что тяжелые металлы выводятся водкой. Я никогда так часто не мылся в душе и никогда с таким энтузиазмом не пил водку».

На самом деле единственным существенным моментом за всю белорусскую эпопею стало появление девушки по имени Галя. Существенность вскрылась несколькими годами позже, а в 91-м Шахрин эту Галю не запомнил. Запомнил Бегунов: «Галя — милая, обаятельная женщина, а что Шахрин ее не помнит, так это просто: он никогда не был тусовочным человеком, и когда все начиналось, он обычно уже спал. Так что половина жизни «Чайфа» ему не известна». В общем, Шахрин Галю проспал, мы же с видом на будущее ее запомним, ибо ей «Чайф» обязан одним из чудес, которые случались в его истории.

В начале лета — «пьяный паровоз», тур на бывшем агитпоезде ЦК ВЛКСМ из Питера в Сочи. Поезд, оказавшийся без дела, зафрахтовали какие-то люди из Питера, и поехала по городам и весям компания из групп «Нэп», «Чайф», «Аукцыон» и французской группы, название которой никто не помнит. В первый день, когда рассаживались по вагонам, начальник поезда всех собрал и провел инструктаж по технике безопасности. О том, что может случиться в этом поезде. Речь его встречали смешками, но начальник был человек опытный и говорил не напрасно, хотя выглядело сказанное абсурдно. За время поездки случилось все, что пророчил начальник: от поезда отставали, пожар устраивали,

вещи у музыкантов воровали, а кончилось все трагично, оторвало руку саксофонисту «Нэпа». «Поезд стоял в тупике, к морю идти через пути, пили, гуляли, обратно возвращались вечером, — рассказывает Шахрин. — Я пришел раньше, прибегают люди: «Оборвало руку!». И принесли руку отдельно»…

Еще одна авантюра чистой воды, половины концертов не было и походило все на советского времени «поезда выходного дня», когда люди набирали бутербродов, водки и ехали километров двадцать до лесочка с единственной целью — напиться. «В более пьяном состоянии я коллектив свой не видел, — это опять Шахрин. — У Валеры с Бегуновым были перегоны по четыре дня, которые у них из памяти просто выпадали: «Сегодня вторник?» — «Нет, уже пятница». — «Как? Вчера был понедельник, сели попить — и пятница?»…

Итальянцы в России

Год 91-й — время безумных денег и нелепых проектов. В 91-м питерская девушка Наташа Завальнева заявила, что хочет вывезти группу «Чайф» в Италию. Девушка работала гидом в Эрмитаже, водила итальянцев на концерты «Чайфа». В те времена рокеры считали, что Запад им поможет, к появлению любых буржуев относились, мягко говоря, пристрастно. Но дела с иностранцами делались в центре, чайфы жили в Свердловске, до Урала иностранцев не хватало, а если добирался кто, так совсем шушера. И вот эта Наташа говорит, что сделает «Чайфу» несколько концертов в Италии, если они сделают несколько концертов итальянской группы Rife в России. Чайфы спросили, принципиально ли для итальянцев, где именно концерты? Им сказали: нет. И решено было сделать итальянцам тур по Северному Уралу. Тут им будет экзотика, опять же дешевле и договариваться легче.

Прибыли итальянцы в середине августа 1991 года. «Группа Rife являла собой зрелище комичное, — Шахрин, — такой Guns'n'roses, но в итальянском понимании, волосатые, кудрявые, в прикидах, рубились насмерть, пытались играть очень агрессивную музыку, а она мягкая, как шелк. Хорошие ребята, молодые, славные»… «Итальянский рок-н-ролл — очень смешное явление, — Бегунов хихикает. — Волосатые, ухоженные, упакованные, техничные дети. Я в первый раз увидел, что у мужиков могут быть такие красивые волосы. Косметический набор любого из них мог бы, и сейчас потрясти сознание моей жены: бальзамы, баночки, скляночки… А это Свердловск 91-го, в

кране воды постоянно нет»…

К туру чайфы подготовились: «взяли несколько ящиков водки, несколько ящиков шампанского, закуси всякой, все составили в огромный ящик в автобусе и поехали» (Бегунов). Дикий уральский север — красота! Итальянцы в восторге, они никогда в жизни не видели, как стоит очередь в хлебный магазин. Бегунов: «А когда счеты в магазине увидели, у них чуть волосы ни выпали. Стали их на видео снимать и нам говорят: «Это то, что мы думаем?». Мы: «А что вы думаете?». Один говорит: «Я видел в музее в Египте, такая штука типа калькулятора»… Мы говорим: «Она и есть».

Шахрин: «Когда путч случился, мы были в Карпинске, в тайге, жили в пионерлагере. По черно-белому телевизору — танки в Москве… Итальянцы задергались: «Что делать? Куда бежать?». А мы им: «Это Россия, ничего мы не поделаем, завтра на рыбалку пойдем».

И пошли на рыбалку. А переводчица не пошла. «И я познал великую силу интернационального напитка «водка», какие он двери в пространстве открывает. Мы вышли, стали собирать удочки и достали первую бутылку. Выпили, горная река, видно насквозь, рыбы нет, хоть закидывай, хоть нет. Мы развели костерчик, достали колбасу, курицу, а итальянцы принялись пни корчевать и утверждать, что там такие жучки для насадки, ради которой горная рыба обязательно приплывет. Взошло солнце, мы уже пару бутылок выпили и стали друг друга понимать без всякого переводчика. И договорились до того, что «ну ее, эту рыбу»… Часам к девяти утра мы были пьяные и довольные, я точно помню, что мне кто-то рассказывал, какой у него дом, куда он едет отдыхать, а я говорил, что такое пионерский лагерь, где мы живем, что такое счастливое пионерское детство… И нормально общались, ворота сознания открыты, переводчик не нужен» (Шахрин).

За бутылочкой путч перетерпели, перед отъездом итальянцы накупили в музыкальном магазине на улице Луначарского кучу балалаек и мандолин по три рубля и со слезами благодарности на глазах отбыли на родину. Договорившись встретиться уже на Апеннинах, во что чайфы не верили и поверить не могли. Но случилось так.

Русские герои в Италии

Чудеса продолжались: некая фирма «Альтернатива» взялась оплатить дорогу в Италию с тем условием, что от них поедет

человек по делам колбасного производства. В конце сентября чайфы с грехом пополам вылетели в Милан. И на автобусе в город Имола, известный трассой «Формула-1». Чайфы по привычке шутки шутили, разговор плавно переходит на «как тут у вас по поводу мафии»… Им отвечают, что мафия на юге, а на севере никакой мафии. Чайфы обещают, что теперь будет. Шутили, а водитель слушал… На первой заправке водитель открывает дверь, мимо него проходит Малой, которому совершенно искренне хотелось сказать шоферу что-то приятное на итальянском языке, он хлопает шофера по спине и говорит единственную фразу, которую вспомнил: «Memento mori, дружище!»… Больше они водителя не видели, исчез. Автобус им отдали и ключи к нему…

Ловко избавившись от водителя, чайфы попытались отравиться, что не вышло. Поселили их в общаге сельхозакадемии, фруктовые сады вокруг, персики, груши, виноград… Переводчица пошла спать, а парни в возбуждении собрали «банду Мишки Квакина» и обобрали итальянский огород. А что там таблички везде по-итальянски, так кто ж его знает?.. Набрали фруктов, помыли и съели. Оказалось, на табличках было предупреждение, чтобы никто ни в коем случае ничего не съел, потому что обработано химикатами, испытание которых не закончено, употреблять только после специальной обработки!.. И ничего.

В Италии было шесть концертов в разных городах. И на празднике коммунистической газеты «Унита». В чистом поле палаточный город, шатры, в них рестораны, ярмарки, аттракционы, концертные площадки, народ со всей северной Италии… И три итальянские группы между собой переругались, кому играть хот-лайнерами, и в какой-то момент играть стало некому. Организаторы предупредили чайфов, что играть придется чуть подольше. Стали играть, народ принимает отлично, и разошлись… Но это заграница, сказано «до десяти» — в десять рубильник выключился. Народ свистит, требует еще, группа в непонятке, руководство между собой попрепиралось, разрешило играть еще полчаса. Так два часа и отработали. А из окружающих баров несут упаковки пива… И называют наших парней героями… Они удивлялись поначалу, но время-то как раз после путча, когда они под Карпинском на рыбалку ходили…

Шахрин: «Оказывается, Европа переживала гораздо больше, чем мы сами. В разных городах висели плакаты «Демократия победила», танк с цветочком в дуле… И вдруг мы почувствовали себя героями… Оказывается, мы победили — ура!». И весь тур прошел под этим соусом. Гости мэра г. Имола, поездка в Сан-

Марино… Приехали, кстати, на деньги человека, который хотел колбасную фабрику посмотреть, но его не выпустили, а итальянцы колбасную фабрику включили в программу. В восемь утра… Коллектив дружно ехать отказался, и Шахрин целый день изучал колбасное производство… Потом чайфы как борцы за экологию отвезены были на очистные сооружения, нюхали там, чем пахнет. А поход на автомобильную свалку… На десерт один мальчик из группы Rife оказался графом. Приехали граф с графиней, родители, и очень всех благодарили за то, что «русские герои» спасли их сына во время путча. А то они здесь, в Италии, так переживали, что война, танки и их сыночек где-то там. «Кто знает, что бы сказал граф, если бы знал, что в это время их сыночек в тайге водку пил, — размышляет Шахрин, — но мы подумали: «А что, пропасть мы ему не дали, кормили, поили».

Граф подарил каждому по персональным именным часам. Года через полтора Малой пошел закладывать эти часы в ломбард, чтобы опохмелиться, и честный служащий спросил: «Молодой человек, а вы в курсе, что они золотые?»…

А итальянцы, надо сказать, в России в каждой дыре шли первым делом на почту и посылали домой по открытке. Дальше пусть Шахрин рассказывает: «Ив Италии началось: «Когда мы пойдем на почту? Когда вы будете отправлять открытки домой?»… А мы все не шли. Тогда они решили, что нам денег жаль, и заявили: «У нас сюрприз». Повели на почту, достают открытки с марками… Пришлось отправлять. А я прекрасно понимал, что к моему приезду открытка не дойдет, не очень понятно, зачем писать открытку, если я приеду через четыре дня, а она придет через два месяца. И адреса ни одного не помнил, так что написал себе и своему соседу Макарычу: «Макарыч, — написал я, — не считай меня идиотом, но я вынужден послать тебе открытку из Италии»… А во второй поздравил семью с Новым годом. В начале декабря пришли открытки, я почти угадал. А Макарыч пришел и говорит: «Я не понял! Открытка из Италии от соседа Шахрина, которого я вчера видел…».

Под конец ребята из «Райфа» скинулись и сделали ребятам из «Чайфа» подарок — миллион лир. Что-то вроде штуки зеленых рублей. Бросились в музыкальные магазины, купили Бегунову педаль, Шахрину гитара понравилась, корейский «Телекастер». Он стоил 500$, у Вовы было 350. Вова решил торговаться до последнего. Торговались полтора часа, магазин закрылся на обеденный перерыв, торг продолжался. Продавец кричал: «Мамма мия!» — убегал, прибегал, потом долго смотрел вслед… Шахрин: «Гитара действительно очень хорошая, потом я ее честно продал за триста долларов Чижу и очень радуюсь, когда по телевизору ее

вижу». А бегуновскую педаль вместе с сумкой украли в Шереметьево.

Возвращение блудного Антона

К зиме 91-го в «Чайфе» опять начались метаморфозы. Для начала Анвар Хабиров уехал в Англию на неделю и не вернулся… То есть он вернулся, но месяца через четыре, а пока группа осталась без администратора. Взяли Олю Пикалову. Миленькая девочка из пестрой, довольно агрессивной стаи околорок-клубовских девчушек-тусовщиц, которая, по воспоминаниям Шахрина, «могла сделать, что сказано, но если не скажешь, она не сделает ничего». Да к тому же «женщина на корабле», т. е. в мужской, постоянно кочующей и поневоле разнузданной компании. «Все проблемы, которые могли приключиться, приключились до единой…» (Шахрин).

В январе 92-го уволили Привалова. «Мы расстались с Приваловым, по-моему, довольно спокойно, уже давно было ясно, что он неадекватная замена Антону и по игре, и визуально», — рассказывает Шахрин. К тому же Привалов пил со все нарастающей силой и все меньше поддавался какому-либо контролю. Пил Малой, с ним проводили беседы, он обещал завязать, но все развязывал и развязывал, с ним вопрос, что называется, назревал.

Однако с увольнением Привалова встала проблема басиста, которые, как выяснилось, тоже на дороге не валяются. Басиста искали сперва традиционными способами, потом подавали даже объявление в газету, устроили прослушивание, приходили люди, некоторые интересные, пробовали, играли. Однажды пришла даже девушка, «но как-то мы не решились, хотя девушка на бас-гитаре — это очень интересно; но при нашей неустроенной жизни девушка на корабле — опасно» (Шахрин). Был даже эксперимент совсем экстремальный: в апреле 92-го группа «Чайф» устроила субботник в Историческом сквере в (уже) Екатеринбурге, после субботника концерт, играли без басиста и предлагали сыграть всякому, кто захочет. Вышел какой-то мальчик, сказал, что он Иван, играл…

Шахрин: «Мы по поводу басиста обязательно спрашивали Валеру: «Как тебе?». И Валера сказал: «Чего мы дурака валяем, Антон без работы сидит»… И сказал, что ему с Антоном было лучше всего работать. Так что возвращение Антона произошло с легкой руки Валеры».

За полтора года не работы в «Чайфе» Нифантьев с женой

Алиной осуществил давнюю свою мечту — собрал проект «Инсаров». Успех этой акции был неочевиден, т. е. непонятно было, есть успех или нет его. Записали альбом «Бритва», довольно неровный, выпустить который удалось только году в 97-м. К началу 92-го деятельность «Инсарова» шла на спад, Антон сидел без работы, зимой Шахрин повстречал на улице Алину, поговорили, Алина жаловалась, что денег нет совсем… Шахрин ей посочувствовал, хоть и не слишком искренне.

«С Алиной я неспроста завел разговор, Антон смотрелся очень хорошо, у него была подача… И я сказал Алине, что можно попробовать найти какие-то другие формы работы вместе. Хочет Антон заниматься своим проектом — пусть будет у нас наемным музыкантом». Антона, который закрывать «Инсарова» не хотел, такой подход устроил. «Нашли компромисс, и в мае 92-го Антон вернулся в группу в качестве наемного музыканта, — рассказывает Шахрин. — Мы жестко оговорили условия: что он делает, как и за какие деньги. Инициатива была не только с моей стороны, но в большей степени, я думаю, со стороны Антона».

Нифантьев: «Обратно в «Чайф» я пошел работать за деньги, это совершенно точно. Раздался звонок, Шахрин сказал: «Ты не мог бы с нами съездить в Ленинград?». Я приехал, репетиции за две все вспомнил, дальше незаметно для себя влился обратно. Но почувствовал, что за полтора года что-то изменилось. Я понял, что публика меняется, молодеет, и когда я вернулся, меня уже не знали, я был для публики новым человеком».

«Семен (Бегунов) и Феликс (Шахрин)», или О выныривании

Что-то менялось, что-то — нет.

Казалось бы, осень, зима, весна выглядели в событийном плане почти даже насыщенно. Осенью — «Рок чистой воды» по Байкалу, великолепная поездка, Братск, Улан-Удэ, четыре дня на Байкале — озеро, буддизм, степи монгольские… Приехала съемочная группа снимать фильм по «Року чистой воды», сняли кусок на песню «Ой-йо», чай-фы на яхте плавали, потом его из фильма выдернули, а только начала выходить на ЦТ программа «Утро», он понравился телевизионщикам, и стали его ставить по три раза в неделю.

В конце года Шахрин с Бегуно-вым начали делать телевизионное шоу «Семен и Феликс». «По тем временам это было интересно, — рассказывает Шахрин, — мы пытались с абсолютно дурацким видом скармливать народным массам ту музыку, которая нам нравилась. Крутили клипы хороших групп,

не всегда коммерческих, а между ними снимали скетчи абсолютно дурацкие». Было, например, интервью в «первом экспериментальном екатеринбургском публичном доме при городской администрации»… Директор, завхоз, который жалуется, что девушки койки не берегут, портят и пишут на них слова всякие… А Семен с Феликсом (Шахрин с Бегу-новым): «А можно с девушками поговорить?». Им отвечают, что девушки на картошке… Предприятие-то муниципальное, шлюхи на картошку уехали…

Длилось это года два, лучшая передача была к пятилетию «Агаты Кристи»: выезжали в детский сад города Асбеста, показывали горшки братьев Самойловых, на которых теперь только примерным детям дают посидеть; были в школе, где учился Пионер, там пионерская дружина борется за право носить гордое имя Андрея Котова… В больнице, где якобы работал Козлов, показывали больного, очень худого, который принципиально не желает выписываться, его поддерживают в этом уникальном состоянии, а он все Козлова вспоминает с благодарностью…

В апреле — первый чайфовский субботник, в мае 92-го открыли фан-клуб, который просуществовал лет пять, потому его обратно закрыли. Каждый день приходило писем по двадцать, а Шахрин сделал глупость, пытался отвечать. Тогда письма начали прибывать в геометрической прогрессии, Шахрин испугался и отвечать перестал.

Была еще история с фан-клубовской цензурой — трудились там четыре девочки, письма разбирали. Скоро музыканты обнаружили, что пишут им почему-то исключительно юноши, поклонницы у группы исчезли напрочь! Недоразумение разрешилось после небольшого расследования, которое показало, что преданные фан-клубовки все девичьи письма просто отправляли на помойку. Тоже развлечение, и, тем не менее, дела топтались на месте, «Чайф» занимался перманентным выныриванием. Что такое выныривание?

Выныривание есть способ существования музыкальных коллективов и отдельных исполнителей так называемого «второго эшелона». То есть абсолютного большинства. Это когда ты есть и всем хорош, но не очень нужен. Записал альбом, выпустил хит, прокрутил по радио, проехался с концертами по городам и весям — ты наверху. Но прошло время, очень и очень непродолжительное, и тебя не то чтобы забыли, но нельзя сказать, чтобы помнили. Нужно опять выныривать. Опять альбом, хит, клип, акция какая-нибудь вроде «Рока чистой воды» или на худой конец субботника, а потом опять погружаешься непонятно

куда. Пора наверх. Затянешь время между двумя выныриваниями — пиши пропало.

Выныривание — это очень тяжелая работа, единственное, пожалуй, дело на земле, полностью впитавшее в себя всю прелесть трудовых будней знаменитого Сизифа, первого из мастеров выныривания. И результат примерно тот же. Правда, Сизиф развлекался таким образом на том свете и за грехи, а музыканты — на этом и по специальности.

Бороться с выныриванием можно одним-единственным способом — переходить в звезды «первого эшелона». Особый талант для этого не обязателен, звезды делаются вручную, но с большими затратами. И к тому же, что весьма существенно, в Москве.

«Чайф» проживал в Свердловске (Екатеринбурге), близок был к Питеру, выныривал постоянно и довольно долго. Устал. С каждым годом выныривать становилось все труднее, ибо жизнь рок-н-ролльная протекала во все более и более разжиженной среде, потому что…

Рок-н-ролл-таки мертв

Точная дата смерти не установлена. Поминки продолжаются по сей день.

Советский рок скончался вместе с Советским Союзом. Жил шумно, а помер тихо, никто и не заметил. Многие до сих пор уверяют, что он жив и здоров, с чем и остается поздравить… не знаю, кого…

Кстати, о терминологии: этот рок был «советский» и сам себя так именовал. «Русским» он звался только на Западе, сам же существовал в СССР, а к моменту появления страны «Россия» (конец 91-го) он если и тянул еще, то на последнем издыхании.

К 92-му году советский рок из духовного, почти политического движения окончательно перешел в инфернальное состояние музыкального жанра в рамках единого пространства шоу-бизнеса. А это уже совсем другая жизнь. К которой почти никто из заслуженных рокеров так и не приспособился. Считать — одной руки хватит. От силы двух хватит рук.

Остальных, кто в этот счет не влез, или нет, или практически нет. Редкие до сих пор выныривают. А чаще сидят на кухне, водку пьют и разговоры разговаривают. Вернулись в исконное состояние…

Мир меняется, и чтобы жить, нужно меняться в нем.

«Чайф» менялся все время, пусть со стороны и не очень

заметно. Причем, смены в составе, для любой группы чрезвычайно болезненные, повлиять на «Чайф» стратегически уже не могли. Шахрин: «К тому времени стало понятно, что это уже не просто компания, которая играет музыку, но есть некая задача, которую надо решать независимо от того, кто и что. Если на этапе восьмидесятых было важнее само ощущение группы, тут стали важнее сами песни».

«Я понимал, что нужно для себя определиться: или ты делаешь шаг в шоу-бизнес или нет. В то время стало ясно, что у российского рок-н-ролла есть творческая сторона, но есть и деловая, бизнес. Да, мы в состоянии писать песни, придумывать их, записывать, но бизнесом заниматься у нас никто не может. Но я же видел, что у коммерчески успешных групп были отдельные люди, люди неслучайною».

«В 92-м мы уже понимали, что не хватает человека в Москве, который будет профессионально заниматься группой».

Последний пьяный пароход

(Дима Грозный)

92-й год, май месяц, четвертый поход «Рок чистой воды». Опять по Волге, опять на теплоходе, который на сей раз был не «Капитан Рачков», а вообще «Октябрьская революция»… «Организация на сей раз была попафосней: бар с рестораном, по вечерам джем-сейшны прямо на теплоходе, компания ехала более буйная, были мы, были «Настя», «Апрельский марш», «Бригада С», «Воскресение», «Аукцыон», «Crossroads». Времена бодрые…» (Шахрин).

Т.е. опять пили. Нифантьев: «Эти два парохода у меня в памяти слились в один, я со многими разговаривал, они у всех слились, никто не помнит, чем один от другого отличается».

Для нас существенно вот что: перед самой поездкой у Шахрина состоялся разговор с Желтовских о том, что пора завязывать пить, иначе судьба Привалова его не минует. «Я понял, что мы его вообще угробим» (Шахрин). Разговоры на Малого не действовали абсолютно, и в начале мая Шахрин объявил официально, что альтист уволен. «Он пришел ко мне домой и сказал, что все понял. Я сказал: «Хорошо, ты можешь месяц вообще не пить?». «Могу». И я обещал взять его на «Рок чистой воды», но с условием, что там он не будет пить вообще».

На пароход Малого взяли, в первое же утро Шахрин проснулся в шесть утра, в то самое время, когда основная масса участников как раз собиралась спать, и отправился на палубу

делать зарядку. И слышит, как с верхней палубы спускаются очень пьяные люди, и барабанщик «Бригады» Батя говорит:

— Кто тебя обижает? Шахрин? Идем разбудим, за борт выбросим…

И Малой:

— Не-е-е, все нормально, сами разберемся.

В общем, не оправдал Желтовских доверия, пьян был совершенно. Шахрин в сердцах пытался его на первой же пристани высадить, но пожалели, доехал. После поездки «Чайф» сократился на одну персону.

«Он действительно очень артистичен, — Шахрин, — сальто на сцене делал, не переставая играть, в мониторах ничего не слышно, но он все равно попадал, уникальный музыкант с классической школой, умеющий играть что угодно. И с цыганскими такими подъездами, что в конечном счете и привело его в цыганский ансамбль. Тем более, уже тогда я понял, что альт — инструмент, который звучит очень хорошо, но чтобы он был действительно интересен, он должен звучать в программе два-три раза. И возить с собой юного алкоголика, чтобы он играл три песни, просто нерационально. Потом он приходил, говорил, что ему нечем заниматься, но у меня бывают моменты, когда я принимаю решение, и обратно меня сдвинуть очень трудно».

Второй существенный момент: с «Бригадой С» ехал ее директор, Дима Гройсман. Который давно и регулярно брал «Чайф» на разогрев и просто с чайфами подружился. И получил за это время уважительную кличку «Грозный». Москвич, профессионал, когда-то работал в театре Табакова, потом несколько лет с «Бригадой»…

На теплоходе Шахрин предложил Гройсману стать директором «Чайфа». Сперва, собственно, Володя спросил, не может ли Гройс-ман помочь в том, в другом, в третьем, Дима сказал, что если заниматься, то заниматься всем полностью. Шахрин признал такой подход разумным, оставалась одна неловкость — Гарик Сукачев, у которого Гройсман был, вообще говоря, тоже директором. Шахрин в тот же вечер переговорил с Сукачевым, тот ответил, чтобы Вова обращался прямо к Грозному. А вообще — «нет проблем».

На окончательную беседу Гройсман пригласил к себе в каюту Шахрина с Бегуновым (для представительности) и сказал, что согласен, но при одном условии: «Он сказал: «Давайте так, мы с вами начинаем с нулевой отметки, считай, что вас никто не знает, группа неизвестна», — рассказывает Шахрин. — Хотя к тому времени у группы был безусловный хит «Поплачь о нем», была «Ой-йо», которую распевали все. Но я очень легко

согласился с Димой, решил, что так нам будет проще. Все произошло безболезненно».

«Мы договорились о том, что все, что не касается творчества, я имею право править под себя, — это уже Гройсман, — я сказал: «Вова, если ты готов на это, все вопросы, все контракты, все внешние сношения — через меня». Он согласился. Мы договорились обо всем, и ни разу с тех пор, а уже который год идет, ничего не пересматривалось. Иногда мне бы даже хотелось пересмотреть какие-то параметры, но я сам себя торможу, говорю себе: «Так нельзя, потому что мы договорились».

Шахрин: «У нас до сих пор с Гроисманом не подписано никакого контракта, был разговор, где мы оговорили условия, кто чем занимается: он не лезет в творческую часть группы, и мы играем те песни, которые хотим и как хотим; а мы не лезем в то, как он их продает. И с тех пор об этом ни разу не разговаривали, так оно и осталось».

С этим разговором отошла в прошлое еще одна эпоха в жизни группы «Чайф», эпоха выныривания.

Глава 5
Байки времен мейстрима

О новейшей истории

Новейшая история — это такая история, которая совсем новая, то есть приключилась недавно. Любой школьник знает, что это самая путаная из всех историй, просто каша какая-то. Вот у римлян, что знает далеко не каждый школьник, все стоит на своих местах, а в недавнем прошлом такой бардак — диву даешься! Ибо только время расставляет все по своим местам.

Для того чтобы время расставило все по своим местам, оно должно пройти. А пока оно не прошло, все стоит, где ни попадя.

Все мешается, главное сегодня может послезавтра оказаться несущественным, заметное — мало различимым в дымке прошедших лет. Взамен же выдвинется на передний план то, на что не обратили внимания, картина высветится иначе, и тогда мы поймем… Но завтра.

А пока, чем ближе повествование подбирается к сегодняшнему дню, тем меньше в нашей истории собственно истории, ибо она, как сказано, требует времени на то, чтобы стать таковою. И тем больше всякой ерунды и мелочевки в памяти участников; ерунда эта, быть может, в чем-то даже и мусорная, но часто забавная, байки такие. Есть смысл покопаться, не особо задерживая взгляд на том или этом. Пусть идет, как было, а потом, лет через…надцать, она частично превратится в историю, частично в прах; и тогда все, что следует ниже, нужно будет переписать, придавая истории подлинную стройность, соразмерность и всякое прочее благообразие.

А пока на календаре год 92-й, от него и тронемся, заметив попутно, что «Чайф», как истинный уральский самородок, в 92-м году летом взял и в очередной раз (какой-то там по счету) вроде как бы и родился.

Гройсман сказал: «Начнем с нуля!» — ну и начали…

Калинов телик

Был в июне концерт памяти Цоя. Мемориальный.

Тогда было много мемориальных концертов, то и дело кого-нибудь «отпевали», этот — самый массовый

— Лужники, море народа, солнце… Так и тянет ляпнуть — праздник… Грех, конечно, но странное это дело — концерты «в память». С толпой, с ревом, с аплодисментами…

В собственно чайфовской истории этот концерт был концертом. Много их было, описанию они поддаются, но, в описании их все меньше смысла.

Из существенного было вот что: встретились прошлое с будущим — Гройсман с Ханхалаевым. Ну и ради такого дела напились.

Потом Леха Жданов из номера «Калинова моста» телевизор упер. «У Лехи приключился алкогольный заскок, он в невменяемом состоянии два раза пытался вынести телевизор из гостиницы, а мы его вылавливали. Но расслабились, и он его все-таки украл, — рассказывает Шахрин, — но не из своего номера, а у «Калинова моста».

Нифантьев: «Жданов зашел ночью к «Мосту» в номер и взял телевизор. Переносной, но довольно большой. Утром ставит телевизор в сумку, тут бежит Шахрин, кричит, что самолет через час, видит антенну, торчащую у Жданова из сумки, вытаскивает телевизор: «Леша, что это? Быстро неси на место!». Шахрин из номера, Леша спрятал антенну, сумку застегнул и улетел».

Жданов привез телевизор домой, поставил на кухне и смотрел. А на «Калинов мост» повесили дело. «Мне звонят люди из «Моста», — Шахрин, — говорят: «Больше некому, кажется, Леха стянул, пока мы спали»…. Леху мы раскололи, он сознался, что телевизор-то спер… Мы долго извинялись, я приезжал, говорил, что это человек наемный, мы его не знаем, один раз у нас работал… Но дело в том, что «Калинову мосту» пришлось за телевизор заплатить, и наши отношения с этой группой до сих пор не наладились. То есть мы здороваемся, но они как-то очень осторожно на нас смотрят»…

В раю за час до войны

«Войны мы не увидели — взлетели,
и через несколько часов там началось».
А. Нифантьев

Лето, Сочи, гастроли, «Аквариум», «Наутилус», «Настя», ну и наши. Последняя поездка Оли Пикаловой, администратора. Их там не очень ждали, ночью повезли в Абхазию, стали расселять. Народу оказался легкий перебор — приехали с семьями. «Больше всех «Аквариум» отличился, их было человек пятьдесят, кто-то

даже тещу взял…» (Шахрин). Звезды стали бить себя кулаком в грудь, требовать поселения, их и распихали, куда ни попадя. Чайфы — люди скромные, стояли молча. Их забыли. Вышел абхаз, администратор, удивился: «А вы-то что? Ладно, вы хоть молчите, поселю-ка вас, куда своих людей селю»…

На берегу моря замок, называется «Гребешок». Абхаз дал ключи и сказал: «Ваше». Весь замок! С балконом, с выходом на море… И баба Зина — главное действующее лицо на всем берегу — она продавала настоящее вино прямо из подвала — сухой же закон… У бабы Зины двор с высоким забором, во дворе два гипсовых оленя из парка культуры и отдыха. И чайфы каждый вечер с тремя банками по три литра…

Шахрин: «Потом Борис Борисыч понял, что мы знаем тайное место, подходил, ручки молитвенно складывал и благостно говорил: «Чачечки, чачечки»… И мы брали на «Аквариум» чачу, а себе вино. Но адрес мы ему не сдали. Как мы с баночками на берегу замечательно отдохнули… Уехали, а там война… До сих пор, когда телевизор смотришь, думаешь, остался этот «Гребешок» или нет?..».

Улетели, потому что концерты кончились, остался позагорать в Абхазии Кормильцев, с ним жены наутилусов. И дети. Илья с ними из войны выпутывался — мужья концерты играли. Один Бутусов рванул в зону боевых действий за молодой женой, красавицей Анжеликой, его ловили то грузинские патрули, то абхазские, сличали внешность с фотографией в паспорте, поворачивая то «в фас», то в профиль, и чуть не расстреляли. Но это другая история.

Расстреляли пацана, который рядом со Славкой в автобусе ехал. У него уши были странные. И вообще он был глухой.

Бревнышко

Лето в чайфовской манере — редкие концерты, мероприятия общественно значимые… Исторический субботник силами поклонников группы 4 августа, например. Убирали мусор в старых традициях, что было довольно оригинально, ибо традиции эти как раз дуба дали.

Исторический сквер, Шахрин с «броневичка речь толкнул» (со своего «Москвича-401»), рассказал, что дело это хорошее, мусор убирать, что ради хорошего дела «спецрейсом из Москвы, из музея Владимира Ильича Ленина, привезено легендарное бревнышко, которое вождь всемирного пролетариата на плечике таскал; сейчас его торжественно внесут потомки соратников»…

«Потомки» в составе: Бегунов, Нифантьев, Северин — вперли бревно, предварительно уворованное у метростроителей за соседним забором, а Шахрин объявил, что во время субботника каждому будет предоставлена уникальная возможность продублировать исторический снимок с бревном и с соратниками. Под такой шумок прибирали мусор, потом поставили в парке свою репетиционную аппаратуру, поиграли, были молодые группы, они на чайфовских инструментах поиграли.

«Я не знаю, зачем «Чайф» все время такие штуки устраивает» — Шахрин. Зачем-то устраивает. Во всяком случае, традиция чайфовских субботников закрепилась в городе надолго.

А где-то там, в далекой столице, думал думу Дима Гройсман, новый директор. Думал, что же с «Чайфом» делать.

Гройсман

(физиономия)

Надо сказать, что Дима с чайфами дружил, группа ему нравилась, песни ее тоже, но степень продвинутости ее в сознание масс населения Дима, соглашаясь быть директором, представлял себе слабо, на что и напоролся: «Я сразу почувствовал перемену, когда я приходил и говорил: «Здравствуйте, я менеджер

«Бригады С», — ее знали все. Любили или нет, это другой вопрос, но знали. Когда я приходил, допустим, в железнодорожные кассы и говорил: «Девочки, помогите с билетами, я менеджер группы «Чайф», — они переспрашивали: «Что за чай?» (Гройсман).

Дима занимался экспериментами на ниве прикладной социологии: при встрече со знакомыми как бы ненароком упоминал «Чайф». Следовал вопрос: «А кто такой Чайф?». «И меня это бесило! — усмехается Гройсман, человек по натуре упорный, даже упертый. — Когда-то Гарик мне сказал: «Группа «Чайф» — хорошая группа, но она провинциальная, такой и останется». Я сказал: «Поживем-увидим».

Оставалось «пожить и увидеть», чем Дима и занялся. Денег у него не было, но были опыт и натура подходящая.

Дима Гройсман — еврей из Воркуты, умудрившийся таки родиться в зоне оседлости, в городе Хмельницком. Мама в отпуск ездила, Дима в теплом климате родился, и немедленно в Воркуту.

«Я на свет появился только потому, что сестра была идеальным ребенком, не плакала, была послушна, никогда не

перечила родителям… — рассказывает Дима. — Мама говорила, что если бы я родился первым, сестре бы света этого не видать — я был полной противоположностью. Но я во всем был полной противоположностью, и когда мама спрашивала, что мне подарить на день рождения, папа говорил: «Дай ему денег, мы все равно не попадем»…

После школы поступил в Московский автомеханический институт, а потом Дима предался театру. С азартом, потому что Дима включился в «систему». Была такая студенческая система скупки и перераспределения театральных билетов. Действительно «система» — бойцы, лидеры, пятерки — вполне тайная организация, смыслом которой был не просто билет, а билет как валюта, универсальная, весомая, и милиция не докопается.

Прошел Гройсман в системе от бойца, который всю ночь в очереди стоял, до лидера, который решал многое. «Театр Ермоловой был мой, — рассказывает Дима, — если надо было попасть в театр Ермоловой, звонили мне. Я знал в театре всех, от уборщицы до Фокина. А был там главным администратором Толя Фалькович, его я считаю своим учителем. У него была поговорка: «Если я не могу решить твою проблему с одного звонка, это очень сложная проблема». Но со второго он ее решал».

По окончании института Дима в автотракторном НИИ с 7-45 до 18–40 с перерывом на обед играл в теннис, пока в один прекрасный день не позвонил Фалькович и не полюбопытствовал, не надоело ли Диме по восемь часов в день коту под хвост выбрасывать. Потому что в театр Табакова нужен администратор, он Гройсмана и порекомендовал.

Успешно сдав головоломный экзамен с доставанием за сутки из воздуха десяти спортивных матов для спектакля «Прищучил», Дима был принят на работу в театр Табакова. Там познакомился с Сукачевым. «А Гарику если что нравилось, он сразу пытался подобрать, — Гройсман. — Гарик сказал: «Иди ко мне администратором». Я отказывался, он посчитал, сколько я буду получать, раза в четыре больше, чем в театре. Меня и это не проняло, но он сказал, что если я в течение недели решу проблему с театром, через две недели мы едем в Германию, потом в Америку». Заграница проняла.

До «Чайфа» Гройсман проработал в «Бригаде С» четыре года. «С Гариком у меня разногласий не было. У меня с ним разногласие существовало по поводу пьянства, единственное разногласие. И с «Бригадой» я не собирался ни расходиться, ни расставаться, но считал себя свободным человеком».

Спирин

(физиономия)

Грозный — не единственное приобретение, появился на место скоропостижно уволенной Ольги Пикаловой худенький парнишка с настырным взглядом — Илья Спирин. В роли администратора. Так лихо и плотно появился, что по тусовке сразу пошел слух, будто Илья Шахрину родственник; во всяком случае, Антон Нифантьев до сих пор в этом уверен.

На самом деле никакой Илья был не родственник, а обычный безработный и довольно растерянный молодой человек. Перед попаданием в «Чайф» он открыл свою фирму и пытался торговать сахаром. Тогда почему-то все пытались торговать сахаром, и все приблизительно с одним результатом. «Я «очень удачно» торганул на самом деле рожей своей, и потом не знал, что делать, как жить» (Спирин). Но поскольку в собственной фирме Илья был сам себе директором, один приятель сообщил, что группа «Чайф» ищет директора, и посоветовал сходить поговорить. «Я сходил к Шахрину в гости, и для меня это был шок» (Спирин).

Шок, потому что слово «Чайф» Илья знал давно, и звучало он для Ильи гордо. Во-первых, Спирин был Шахрина с Бегуновым на девять лет моложе, и когда «Чайф» совершал первые набеги на площадки Москвы и Подмосковья, учился в Институте электронной техники в Зеленограде. А институт был, как он говорит, «продвинутый и закрыто-открытый», электронный, все паяют и, разумеется, слушают музыку. Илья до поступления музыкой не увлекался, а тут затянуло за компанию. При том что Зеленоград наравне с Черноголовкой был еще в большевистские времена одним из центров рок-н-ролла, здесь была своя традиция, концерты довольно часто, на доске объявлений Илья однажды прочитал: «Группа «Чайф». «И подумал: что за уроды придумали название такое? А с другой стороны, душу греет, Свердловск, родина…» (Спирин).

Денег не было, изыскивались различные альтернативные способы ходить на концерты, кто-то предложил поработать дружинником, билеты проверить. «Проверили билеты, сели концерт смотреть, выступал «Чайф», Шахрин с трубой ходил, то есть с брандспойтом. И мне понравилось, весело» (Спирин). Потом пришли из Москвы записи на одну ночь, Илья всю ночь сидел, писал «Дулю с маком» и «Дерьмон-тин», а пленки не было, пришлось стереть любимый Queen, записывать «Чайф» «по святому».

После института работал Илья на Оптико-механическом заводе, очень не понравилось, уволился, а тут и сахар… Но это был еще 91-й год, уже тогда Шахрин к Спирину примерялся, не срослось, но Илью Володя запомнил. И месяцев через шесть

отыскал. «Мне сказали, что работы нет, есть Пикалова, с которой нужно закончить отношения. И с самого начала разговор шел не то о директоре, не то об администраторе, тогда было еще по жизни не ясно, чем одно от другого отличается. Я поработал в качестве техника на добровольных началах, ходил на репетиции… И как только я пришел в коллектив, Антона забрали в алкогольном психозе».

Беляночка

«Этих психиатров
надо самих лечить».
А. Нифантьев

В августе Антона посетила «беляночка», как ласково ее кличут те, кто с ней уже встречался. Или «белая горячка» — это для тех, кто все еще знаком с ней только понаслышке. «Я растарабанил гитарой телевизор… Перебил телевизор, мебель, гитару и понял, что это звоночек», — Нифантьев. Утром Антон пришел в диспансер и сказал наивно:

— Ребята, мне надо лечиться. Что вы посоветуете?

— А что ты натворил? — полюбопытствовали люди в белых халатах.

— Да ничего особенного, — отвечал Антон, — сломал гитарой телевизор…

— Так, так… — говорят которые в халатах, — Ну, подожди здесь…

Антон сел на кушеточку, сидит, ждет, входят два мужика, хвать — в машину и на станцию Исеть, в психушку.

«А там врачиха — молодая девка, совершенно безумная. Дня три прошло, меня начали выпускать на прогулки… Двор, забор метров восемь, вверху кругляшок неба, и все по кругу ходят. В центре стул, сидит псих, на баяне играет. И так круглые сутки с перерывами на сон, питание и уколы. И я понял, что я попал»…

Шахрин: «Приходит ко мне Алина вся в слезах и говорит, что Антона увезли в дурку. Что он выпил, разбил телевизор, бил гитарой об стенку, а гитара-то была моя… Его увезли в «Исеть», в самую страшную нашу дурку. Алина говорит, что уже консультировалась с апрельскими маршами, известными специалистами в области психиатрии, с Женей Кормильцевым, и тот сказал: «Исеть» — это очень плохо».

Шахрин с Алиной уселись в Бовин «Москвич-401» и скоро увидели эту «дурку», живо напоминавшую концлагерь: белые

бараки на полтора метра из земли торчат, решетки, грязь… Был ливень, охрана бдительность потеряла, заехали прямо во двор, но выяснилось, что каждый барак все равно на решетку закрывается. Выходной, никого нет, пробились в барак, им вывели Антона…

«Когда меня показали, Шахрин в ужас впал. Пришли к молодой врачихе, она говорит: «Да вы что! Месяцев восемь полежит, там посмотрим»… Шахрин объясняет про гастроли — бесполезно. Но Шахрин — человек пробивной, нарыл тетку в этой психушке, которой я до сих пор безумно благодарен, Тамара Узбеке на, совершенно классная тетка, хрен на нее вышел, уговорил, и меня просто выцепила оттуда. Шахрин писал какие-то расписки, я писал расписки… И меня перетащили в другое отделение» (Нифантьев).

«Вообще, врачи очень странное на меня произвели впечатление, — это уже Шахрин, — они полные психи. Но мы добились, чтобы его перевели от полных психов, договорились, что Тамара Узбековна его закодирует, я дал расписку. И его отпустили. И с тех пор у нас Антон не пил».

За всю историю «Чайфа» это был первый реальный прорыв на ниве борьбы с зеленым змием. Хотя… «Я и сейчас алкоголик, — ухмыляется Антон. — Потому что алкоголизм неизлечим. Фактически я не пью, но я алкоголик»…

Отель «У Казаряна»

(«Дети гор»)

«…я думал, что на этот раз мы
пишем что-то уж совсем настоящее».
В. Шахрин

«Дети гор» — первый альбом, записанный с Гройсманом. С ним чайфы впервые изменили Питеру, пора было покорять Москву. А с ней и всю страну.

Гройсман сразу заявил, что писать альбом нужно «в нормальной московской студии», что нужен настоящий продюсер, на эту роль предложил Сергея Галанина. Шахрин: «Мы подумали: московский взгляд нам не помешает, корни все равно останутся, но некий по-хорошему столичный призвук нужен, чтобы это была до не конца сельская музыка».

Деньги взяли взаймы, запись на SNC, сумма фиксированная — ровно на 60 часов работы. Жили в общежитии какого-то завода возле Горбушки, четыре койки, стол, на столе ножиком вырезано «Казарян», потому и звали местечко «Отель «У Казаряна»…

Единственная розетка почему-то над шифоньером, чтобы утром поставить кипятильник, нужно было крепко извернуться… И койки такие, что родилось предположение, будто на заводе все рабочие какого-то специального, очень маленького роста — ноги вечно торчали через решетку, сетки прогибались до самого пола, в такой позе спали. Денег не было, Шахрин взял из дома мешок сала, его и ел Декабрь 92-го года, страшный холод, утром вставали, шли на студию в темноте и в темноте вечером выходили.

«Это был первый альбом, в котором старались учитывать некие законы шоу-бизнеса, — свидетельствует Шахрин, — а так как мы в нем не очень понимали, часть работы взял на себя Дима, звук — Серега Галанин, а консультантом был Олег Сальхов, директор SNC. Задача была конкретная: сделать роскошный коммерческий звук, чтобы альбом стал продаваемым».

Выходило достаточно мажорно, но у Шахрина и настроение было мажорное. И никак не могли сообразить, какую песню считать будущим хитом, на какую потом клип снимать, поскольку появилась уже потребность клипы снимать. Именно по этой причине Дима предложил записать по второму разу «Псов с городских окраин» — песня сильная, а к тому же в прошлый раз забыли гитару записать.

Про грядущую запись «Псов» прослышали Кинчев со Скляром, пришли на запись и сказали: «Предупредите, когда будете вокал писать». Но пришли они пораньше, с какими-то друзьями из Иркутска и двумя полуторапитровыми бутылками водки. Ждали часа два с половиной, после чего стало ясно, что слова они спеть не смогут в любом случае. Решили, что Кинчев будет просто выть, и если прислушаться, слышен крик одинокого волка. А Скляр и Галанин пели все-таки слова, их тоже можно услышать.

Женский вокал в «У зимнего моря» спела Наташа Романова, когда-то она спела «Котлован» у «Апрельского марша». Нужно было мягко, а она норовила заорать, как в «Котловане». Ее уговаривали петь поэротичней, устраивали мужской стриптиз, задирали рубахи в пультовой, танец живота исполняли… Ничего, спела… В двух песнях на гитаре играет Сергей Воронов, гитарист из Crossroads. И все бы хорошо, но чего-то в альбоме все не хватало, и вообще выходил коротковат. Стали думать, Шахрин неохотно признался, что вообще-то есть у него еще одна песня, но она «не вписывается». Бегунов предложил сыграть на всякий случай, Шахрин под гитарку напел:

«Не спеши ты нас хоронить,
а у нас еще здесь дела,

у нас дома детей мал-мала,
да и просто хотелось пожить»…

— Почему ты решил, что не вписывается? — поинтересовался Бегунов. Шахрин объяснил, что подход другой, фолковый, и тема фолковая, и сюжет, можно сказать, заимствованный… Бегунов сказал:

— Ты дурак, что ли? Все вписывается! Тебе нравится — мне тоже нравится, есть шанс, что она и людям понравится. Какая разница, что она не влезает в эту рок-н-ролльную концепцию? Пишем!

И записали. Пригласили Рушана Аюпова, клавишника из «Бригады С», с гармошечкой, и записали. Но вопрос «кто тут хит?» оставался открытым: «Мы думали, что «Не спеши», конечно, хороша, но, безусловно, не центровая, не главная», — Шахрин. Впрочем, думать было некогда — деньги кончались. Дописывали «Мама, она больше не может», я записал вокал, нужны бэки, но у студии стоит такси, чтобы везти группу на поезд; я заскочил, сам спел все бэки, чтобы не объяснять никому, что и где… Допел, сказал: «Все!» — в такси, и все» (Шахрин). Сводить, доделывать остался Галанин, но об этом позже.

Чудо на Рождество

Мероприятие называлось «Рок на Рождество», Минск, январь 93-го. Попали случайно. Гройсман: «Я пошел на «Черный пес Петербург», за кулисами меня встречает один музыкант: «Привет, ты в Минск-то едешь?». Второй — то же самое, и я вижу, что все едут в Минск на «Рок на Рождество». А делает некто Иван Иваныч, я его вижу, он: «Здорово, Димастый!». А я: «Пошел ты!.. Как я с «Бригадой», так ты мне звонил и обзванивал, а как я с «Чайфом», так нет тебя»… Он руками замахал, и так совершенно случайно я вписываю «Чайф» в Минск».

Концерт ночной, никому рубиться до утра не охота, а «Чайф» оказался самой неизвестной командой, не считая минских… Пять утра, в зале пьяные люди спят, Гройсман решил: «Да и хрен с ним, не получилось и не получилось». Вышли чайфы и подняли зал на ноги, народ проснулся, затанцевал… Но самое интересное случилось после.

Входит в гримерку категорически пьяный человек, представляется: Игорь Пархута. И говорит, что его жена с Шахриным работала на «Роке чистой воды», зовут ее Галя. Та

самая Галя, которую Шахрин не запомнил. Но она ребенка родила и не смогла прийти. И говорит Игорь:

— Чем я могу вам помочь? Гройсман возьми и ляпни:

— Материально. Игорь Пархута говорит:

— Сколько надо? Гройсман, прекрасно понимая, что нашему человеку по пьяни море по колено, заявляет:

— Лимон.

— Я дам… — сказал Игорь, и дает домашний телефон. — Позвоните завтра, пообедаем, Галя будет рада.

Гройсман ко всему происшедшему отнесся несерьезно, и это понятно. Пошли спать, проснулись, поели: «Что будем делать?» — «Спать». Поднимаются с Шахриным наверх, а в голове у обоих крутится, что обещали человеку позвонить. В общем, позвонили для отмывки совести, там Игорь: «Вы что тянете? Жена ждет!». Больше всего хотелось спать, но поехали.

Приятные, хорошие люди, накормили пампушками, сидели, шутили, Шахрин Галю вспомнил… И такая была хорошая атмосфера, что Гройсман про деньги забыл… Но поезд, стали собираться, вдруг Галя из-за спины вытаскивает две тысячи марок, по тем времена как раз миллион рублей. И говорит: «Мы подумали, если вам это поможет — пожалуйста. И ничего взамен не надо».

Шахрин еще и отказывался… «В 93-м году мы заработать такие деньги просто не могли, — Шахрин, — я начинаю отказываться, а Игорь говорит, что Галя сказала: надо помочь. И что им будет приятно потом видеть этот клип». Без бумаги, без отчета, без всего! Дима стал говорить, что они могут потом хотя бы отчитаться, куда деньги потратили, а Игорь и Галя сказали: «Ваше дело, тратьте, куда хотите, но мы даем на клип».

«По дороге обратно со мной случился приступ истерического смеха — говорит Гройсман, — я понял, что все крутые съездили за сорок тысяч рублей, а мы за миллион сорок!».

Чудо, как ему и полагается, произошло на Рождество. Его устроили Галя и Игорь Пархута. Оставалось послушать альбом, который так и сводился где-то у Галанина, решить, на какую песню снимать, и снять.

Похмелье, или Шутки бывшего алкаша

Банкетов после рождественского рока было три: спросонок, между сном и на дорожку; в поезде стали приходить в себя, тут и завыли. А водки — тю-тю… Три вагона похмельных музыкантов принялись мучительно искать, что бы тут выпить.

А старый алкаш Нифантьев впервые в жизни не пил, он развлекался: «Я всем наливал, все падали, а я тащился по страшной силе. И взял с собой бутылок десять водки с банкета, сели в поезд, эта компания орет: «Ой, плохо! Ой, выпить бы что-нибудь»… Я им говорю, что у меня есть водка, но выдавать буду по сто грамм… Сидел в купе, как король, и стал эту водку на батарее греть. Нагревал до состояния теплого чая, наливал по сто грамм в стакан и выдавал. Они орали: «Ты что с ней делаешь?!». Так провел с ними ночку»…

В январе 93-го проходил в Екатеринбурге странный фестиваль под названием «Зимняя пушка». То есть назывался он «Рок-арсенал», но на эмблеме была нарисована пушка, его и звали «Зимняя пушка».

Чайфы ждали Галанина, который должен был приехать с «Бригадой С» и привезти альбом. «А нам нравилось, как все звучало на дорожках, когда мы" уезжали» (Шахрин). Галанин привозит кассету, Шахрин слушает и впадает в ужас: ему очень не нравится. «Это был настолько непривычный для нас звук, что я обломался полностью. И говорю: все надо переделывать!».

Бросились звонить на студию, оттуда сообщили, что треки стерты, пересвести нельзя… Да еще Сукачев Шахрину радости добавил: «Гарик был у меня дома, я поставил, он сказал: «Зря вы с Галаниным связались». И тогда я понял, что Гарик нервничает оттого, что мы с Гройсманом работаем». Пытались говорить о каких-то переделках с Галаниным, он «сперва разруливал, а потом сказал: «Ничего менять не буду — я продюсер» (Гройсман).

И когда решили, что все пропало, стали происходить приятные неожиданности: «Люди слушали и говорили, что звук роскошный. И сейчас я понимаю, что альбом на самом деле для того времени звучит почти роскошно. Настолько мы были не готовы…» (Шахрин).

Вышел альбом в апреле на виниле. В названии шутливая профанация — чайфы объявили себя детьми гор, очевидно Уральских, которые на карте есть, но в жизни отыскать их довольно трудно — больно старые, стерлись совсем. Шутку развили — в конверт вкладывалась карта вымышленной республики «Чайф», отдельная земля со своим устройством, своими достопримечательностями… Выдумал ее Шахрин, нарисовал художник Корепанов. «И во всех интервью мы стали толкать идею о том, что мы горцы: Уральские горы есть, значит мы горцы! Но карта безумная» (Шахрин). На конверте — трое «горцев» в костюмах из спектакля «Ханума»…

Как потом выяснилось, костюмы были не грузинские, а чеченские. Выяснилось на юбилее «Десять лет «Наутилуса»,

чайфы решили сделать наусам подарок и взяли те же костюмы. Вышли в Москве играть, а на балконе чеченские люди с охраной, со связью… «Когда мы вышли, там повисла тишина, они решили, что сейчас будет стебалово.

Но когда они поняли, что мы искренне в этих костюмах стараемся, встали, стоя аплодировали, им было приятно видеть таких орлов, настоящих джигитов… Не опозорили костюмы… — Шахрин. — Но потом нам сказали, что люди очень напряглись, могли порезать за оскорбление национальных чувств чеченского народа»…

На альбоме так и остались трое в чеченских костюмах. Без Нифантьева. Сами чайфы говорят, что ничего принципиального либо идеологического в том факте не было, но люди, искушенные в рок-н-ролльных дрязгосплетениях, сразу поняли, что дело это просто так не кончится… Оно и не кончилось, но позже.

«Не спеши»

«Не помню, как написал «Не спеши»,
но делал я ее для себя, абсолютно не
рассчитывая когда-нибудь сыграть».
В. Шахрин

Приключения с альбомом продолжались: нужно клип снимать, а на какую песню, так и не решили. И тогда Гройсман сказал: «Нужно снимать «Не спеши». Чайфы в резкой форме отказались.

«К «Не спеши» у меня было очень странное отношение, я ее написал, потому что хотелось, чтобы была такая застольная песня, у родителей такие песни есть, а у нас нет, — рассказывает Шахрин. — Чтобы можно было хоть под гармошку, хоть под гитару ее петь… Я не хотел ее в альбом включать, а когда записали, народ начал тыкать в нее и говорить, что это хит. Но для меня это не было звучание группы, я думал, что первый клип должен адекватно показывать, что за группа «Чайф». Мы с Гройсманом спорили чуть ни до драки, в конце он сказал: «Деньги у меня, на эту дам, на другую не дам!». А еще убедил тем, что дал, как он сказал, послушать весь альбом Деденеву, тот ткнул пальцем в «Не спеши».

Тут Гройсман присочинил, посылал он Деденеву две песни, «Ой-йо» и «Не спеши», потом сам позвонил и сказал, что снимать будут «Не спеши». «Деденев сказал: «Гройсман, ты охерел? Это же просто чернуха». И тогда я сказал громкую фразу: «Боря, я тебя не

прошу оценивать песню, я прошу снять клип» (Гройсман).

Выехали в Питер. «Съемки были ужасно организованы, впрочем, как и все на телевидении» (Шахрин). Пришли к восьми вечера, в одиннадцать их начали гримировать, к двенадцати вошли в павильон, где стояли недостроенные три фанерные стенки, декорация… К четырем ночи Шахрина происходящее стало нервировать, и он заявил Деденеву, что по его мнению снимается «Утренняя почта» образца 82-го года. Тот остановился, показал что-то остальным, и съемочная группа ушла из павильона. Чайфы сидят в одиночестве, ничего не происходит, мужики Володе говорят: «Что-то ты перестарался… Деньги заплатили, приехали сюда и сидим в пустом павильоне, время — пять утра!».

В полшестого появляется съемочная группа, как на фронт, строем: «Значит так, берем лавку, ставим сюда, садитесь!». «Чайф» садится. Лавку поворачивают туда-сюда, за окном пыхают всполохи, за час все снимают и опять уходят. «А до этого снимали какие-то дурацкие картинки, и было видно: режиссер не знает, что он снимает, мысли нет, — говорит Шахрин, — а тут посадил на лавку: «Играйте», — и сделал несколько планов этой лавки». Клип такой и вышел: скамейка, сидят мужики, песню играют.

«Когда я принес клип на телевидение, его показывали все каналы, и никто денег не взял, — это говорит Гройсман. — А я засунул его в каждую дырку, куда только можно было». «И песня сразу стала хитом, — это Шахрин, — единственное, чего я и боялся, произошло: многие предположили, что группа такая: мужики, гармошка, сурьезные такие песни поют… Пошли заявки, мы приезжаем на концерт — веселые бодряки скочут, рок-н-ролл играют и в конце встают с одним серьезным лицом, играют эту песню и уходят. Но зал ее пел»…

Не взирая на препоны, чинимые автором, песня дошла до слушателя. Зал до сих пор ее поет. Менты, которые охраняют концерт, забывают о толпе, поворачиваются и поют. Когда Шахрин с Бегуновым были в Чечне, там солдаты пели: «У нас дома детей Ханкала»… В Таджикистане пограничники пели ее, как гимн. Но самое большое удивление постигло Шахрина, когда однажды переключал каналы телевизора и увидел в Питере на стадионе военный праздник: десантники кирпичи ломали, показательные драки устраивали, потом встали в колонну и пошли. Десантная дивизия маршировала и сама себе пела: «Не спеши ты нас хоронить». В ритме марша…

«Я просто охерел!» — Шахрин.

«В 93-м осенью Дима делал концерты в легендарной Горбушке, полный зал народа, который и другие песни пел, но

«Не спеши» хором и со вставанием. И действительно, популярность группы началась с 93-го, до этого для людей, не интересующихся этой музыкой, нас не было. Для нас самих резкого взлета не было, мы шли как по ступенькам, но наступил момент, когда явление сформировалось и стало заметно всем» (Шахрин).

Клип вдогонку…

Второй клип сняли в мае без проблем и практически без денег. «Не дай мне повод». Появился человек со Свердловской киностудии по фамилии Долинский, оператор комбинированных съемок, и предложил снять клип. С мультипликацией, со всеми делами, и за какие-то по тем временам очень смешные деньги. Мультипликации, правда, к концу стало совсем мало, но и ладно. Чайфы выехали километров за пятьдесят от Екатеринбурга на Ревдинский медеплавильный комбинат, есть там место, где вагонетки выезжают, выливают лаву, она наплывает, образуя лунный ландшафт, бесконечная вяло дымящаяся лава… И просто танцевали.

Причем в альбоме играл Сергей Воронов, гитарист из Crossroads, играл без гонорара, но с условием, чтобы на съемках, если они будут, его партии никто пальцами не изображал. А гитара играет… Так Бегунов другой стороной ее переворачивал и «пилил» по грифу с изнанки, без струн.

«Так сделали клип, который мне до сих пор очень нравится, — Шахрин, — он абсолютно точно попадает в настроение группы, в характер. Мы там не профессиональные танцоры, но делали все от души. Мы, может быть, не слишком профессиональные игроки, но рубимся всегда с удовольствием».

И в результате вышло два клипа. Очень просто…

Бегунов + Пенкин

(пить надо меньше)

"Поколение» — это очередная легенда,
пить я бросил совсем
по другому поводу, позже».
В. Бегунов

Легенда, но красивая. Тем более, что произошла на самом деле. «Поколение» — это фестиваль «Поколе-ние-93», 24-го июля,

чайфы были гостями. Московский фестиваль, мажорный, но интересна история тем, что закончился этот фестиваль банкетом на пароходе.

Тогда появилась реклама водки «Зверь», которая полностью соответствовала своему названию, люди с нее зверели, память отшибало полностью. «Бывает водка настоящая, а «Зверь» был весь паленый!» — Шахрин. Но «Зверь» был спонсором, и было его на этом пароходе не меряно. И были артисты самых разных направлений.

Утром, когда всех сгрузили с парохода, бредут чайфы по набережной, Бегунов говорит:

— А ведь я не помню, что вчера было…

Шахрин ему:

— Да как же, что ты!.. Сидели на палубе, за стол Пенкин подсел, и ты потом с ним в губы целовался…

Бегунов говорит:

— Пенкина помню, а как целовался, не помню.

— Да целовался, целовался, — толкует Шахрин, — даже и не сомневайся!

И Бегунов замолчал. Два дня молчал.

На самом деле он с Пенкиным не целовался. Тосты говорили, было, а до поцелуев не дошло. Но помнил Вовка, что Пенкин был, помнил, что говорили хорошо, а чем дело кончилось, не помнил. Звоночек.

«Оранжевое настроение»

К концу лета положение «Чайфа» в пространстве стало меняться, что чувствовалось: холодком потянуло из родного Питера, потеплело со стороны столицы. Дома, в Екатеринбурге, песня «Не спеши» у бывших рокеров вызывала раздражение, а рокеров не бывших там уже практически не оставалось. Эту песню не любили дома почти так же, как «Ой-йо». Что поделать — чужой успех в этом мире вызывает классовую ненависть вплоть до смертоубийства, до которого на сей раз, к счастью, не дошло.

А чайфам пришла идея записать рок-н-ролл. 17 сентября в драмтеатре на студии Новикова в один присест записали альбом «Оранжевое настроение». Поставили четыре микрофона, сели кругом, тут же вспоминали свои старые штуки, «на раз» проигрывали и писали. Они на самом деле заранее не знали, какие песни будут записывать, просто вспоминали и гнали.

Пригласили Желтовских, он на альте играл, барабана не было и не было баса. В три гитары Шахрин, Бегунов и Нифантьев,

павильон маленький, Малой в углу стоял, у него даже микрофона не было. И Северин что-то подбрякивал слегка, подстукивал.

Закончили, Леха Жданов сказал: «Все». Бегунов сам по себе стал играть блюзовый квадрат. Поиграл, остальные подхватили, Бегунов вдруг запел гребенщиковский «Блюз простого человека»: «Вчера я шел домой, вокруг была весна»… Чайфы было подхватили, а не вспоминали заранее, слова перепутали, второй куплет неправильно спели, третий просто не вспомнили.

Но пока играли, Леха помаячил: «Пишется!». Оказалось, он не выключил магнитофон, так неожиданно для себя и Гребенщикова записали. «И мы между собой посчитали, что именно так негры в Гарлеме сыграли бы песню Гребенщикова, с тем же отношением. Мы поставили ее в альбом, написали: «Музыка народная, слова Гребенщикова». Без разрешения Борис Борисыча. Я подумал, что он не тот человек, который устроит скандал из этого дела. Пришли, уже имея пластинку на руках, во всем покаялись. Он послушал и сказал: «Замечательно», — рассказывает Шахрин. И вот еще: «Он точно понимает, что в музыке ни мелодия, ни слова не имеют значения, главное — ощущение, а у нас было ощущение именно этой песни».

Дима Гройсман к проекту отнесся скептически, фирма «Фили» и того скептичней. «Нам говорили: «Да вы, ребята, чего? Только что записали с роскошным звуком «Дети гор», и вдруг выпустим вот это вот непонятно что?! — Шахрин рассказывает, — но пленка у Димы была, он ее поставил актерам из театра Табакова, с которыми у нас уже давно были дружеские отношения, и те сказали: «Класс!»… И кому бы он ни ставил, все говорили, что это ништяк». Дима решился, и под шумок, без рекламы, без единого клипа выпустили пластинку, она до сих идет очень хорошо, на втором месте после «Детей гор».

Кстати, к концу лета Гройсман простился с «Бригадой С». «Надо отдать ему должное, Гарик даже с «Чайфом» мне во многом помогал, — рассказывает Дима, — по крайней мере, невмешательство с его стороны было стопроцентное. А потом Гарик стал немного ревновать. В 93-м популярность «Бригады» падала, концертов становилось все меньше, Гарик пил все больше. В общем, отношения стали портиться, и в один прекрасный день он мне позвонил и сказал: «Ты уволен».

Дела американские и наши

Собственно, американских была одна штука, зато наших много.

В конце лета вместе с телекомпанией «4-й канал» сняли видеоверсию «Детей гор», организовали неплохо, а сняли как смогли. Кран, рельсы, декорации в свердловском ТЮЗе, три камеры, но все «убитые» SuperVHSКи. Как говорит Шахрин: «Работа по качеству неудачная, а так — хорошая»…

В это время как раз на пике были истории с «Белыми братьями», которые безостановочно конец света обещали, и чайфы решили, что в подробности вдаваться не будут, но если вдруг конец света, нужно оттянуться на славу. Пригласили свердловские группы и объяснили, что каждый выбирает свой любимый праздник и делает микрошоу минут на пятнадцать кто во что горазд. 13 ноября в честь возможного конца света отметили все праздники за одну ночь, и день колхозника, и Новый год; «Чайф» отмечал традиционный День пограничника, его отмечали регулярно с 91-го, когда Валера появился и стало три пограничника в группе. На «конце света» танцевали пограничный танец. С вышками, с собаками, которыми был один Бегунов в роли Джульбарса — в трусах и зеленой фуражке…

16 января «Чайф» выступил в Свердловской филармонии. Пригласили на фестиваль «Музыка из нового света», просили сыграть «нечто вроде рок-музыки». Пригласила дирекция филармонии, о чем еще до начала концерта пожалела — входит в зал народ, начинает лезть на спинки кресел, на камины декоративные вдоль стен… Дирекция стояла в дверях и с ужасом ждала, как разнесут сейчас зал по камушку… «Чайф» играл акустику, толпа подобралась миролюбивая, слезли с каминов, поставили горшочки-цветочки обратно, и все целое! А к чайфам подошел органист и сказал, что если они хотят с органом что-нибудь сыграть, он всегда к их услугам. Шахрин до сих пор соображает, что бы с органом сыграть, вот не придумал пока.

31 марта американская история — открывали генконсульство в Екатеринбурге. Чайфов пригласил консул. «Джордж Сигал был классный мужик, — Шахрин, — дома ходил в футболке Grateful Dead, наши пластинки любил, у нас были с ним очень хорошие отношения». А мероприятие пафосное, пригласительные чуть ли ни сам губернатор «по своим» раздавал, и когда при входе нарисовались наши четверо, их только что с собаками не ловили и все спрашивали: «А вы-то куда?»… А у них бумажки с надписью «Посол США приглашает Вас»… Они и говорили: «Да вот, посол пригласил».

Внутри пафоса еще больше, постный народ шампанским позвякивает; тогда чайфы из бумажек, которые там выдавали, понаделали самолетиков, и когда произносилось: «За мир!» — пускали по залу бумажных голубей. Натурально срывали

мероприятие, официальные лица кривились, консул выскакивал в маленький коридорчик и шипел, давясь от хохота: «Great! Как ваши новые русские напрягаются… Yes!».

23 июня 1994 года в парке Вайнера чайфы устроили день именинника, именинником был Шахрин. Построили сцену, на ней декорацию квартиры, мебель притащили, усадили Вову за стол, приходили люди, поздравляли. Веселые бомбардировщики, «Чайф» (без Шахрина), «Агата Кристи», все тихо, без объявлений, для своих. Центр современного искусства преподнес два мешка муки, Вова с ними потом домой тащился, весь устряпался… И было бы ни к чему это частное, в общем-то, мероприятие упоминать, если бы не вышли люди из местного джип-клуба и не объявили, что, по их мнению, должен Шахрин ездить на джипе. И натурально, ключи от машины протягивают. Вот, говорят, «Форд Бронко-2». Только он не здесь, а в Москве стоит, оплачен, нужно забрать. Вова с каким-то постным лицом ключи принял. Он, кажется, чувствовал, что история с джипом просто так не кончится…

Поехали на празднование «25 лет «Машине времени». На Красной площади дождь, но полная площадь народа… Чайфы заказали шаферские ленты «Rock'n'roll forever» для каждого машиниста, каждому по ящику пива… Но не важно. Важно, что Шахрин с женой, которая с ним приехала, все ходили по улицам, высматривали «Форд Бронко-2» — что за машина такая?.. А Вове дали телефон человека, который выведет его на джип, звонил, никак не мог вызвонить… Тем временем празднование машинного юбилея перетекло в запись нового альбома, он назывался…

«Пусть все будет так, как ты захочешь»

«От критиков за этот альбом нам
досталось больше всего».
В. Шахрин

Название — это не строчки из песни, это посвящение Майку. Или от Майка… Шахрин: «Последний раз я видел Майка на фестивале в Череповце за полгода до его смерти. Его, как всегда, старательно поили, привыкли, что Майк должен быть пьян, вот и поили. Но были моменты, когда он был в сознании. С ним приятно было говорить. Я спросил про новые песни, он сказал, что написал пять штук, обещал на следующий день спеть. Но на следующий день он опять был в не очень хорошем состоянии,

было ясно, что не сможет ни спеть, ни сыграть, а под рукой была какая-то программка, он на ней написал: «Пусть все будет так, как ты захочешь».

Потом из этих слов появилась песня «Семнадцать лет», потом название альбома. Лето 94-го, Москва, уже знакомая студия SNC, только жили теперь не «У Казаряна», а в гостинице «Маяк». Начали с легкого скандала: «В первый день молодой человек в студии, техник, начинает нас доставать: то не так, это не эдак… — рассказывает Шахрин. — И вечером он меня довел, хотя меня трудно вывести из себя, но тут была просто истерика — за что бы мы ни брались, он говорил, что это неправильно. А ему лет двадцать… Вечером пришел директор студии, я ему пожаловался. Он кивнул, на следующий день мы пришли, а человека нет, уволен. Я думаю, правильно. Это беда наших студий — все тебя учат. На Abbey road на наши вопросы, как писать гитару, как барабаны, нам говорили одно и то же: «Как угодно, законов нет. Как вам нравится»… А на наших студиях тебя сразу начинают учить».

Такая странная история. Но альбом писался с хорошим, светлым настроением, к тому же надвигалось двадцатилетие совместной Шахрина с Бегуновым деятельности, срок серьезный, отсюда, по их мнению, в альбоме легкий ностальгический шарм. Записывали, постоянно вспоминая о школьном ансамбле, хотели, чтобы альбом получился легкий, воздушный.

Впервые в жизни чайфы пытались сотворить некое звуковое витийство, аранжировки со вторыми, третьими планами, амплитуды рассчитывали, искали буддистские колокольчики, ставили микрофоны для стереоэффекта, вокруг них двигались с удалением и определенной скоростью… Записали совсем уж для «Чайфа» безумный номер «Песня рыб», двадцатичетырехсекундный трек «по мотивам» спектакля «Смертельный номер» в театре Табакова. Его очень долго записывали, ставили в зеленом театре на «SNC» микрофон, кричали: «Ту-у», — а эхо отдавало обратно; все без искусственной реверберации, все естественное; и Галанин кричит: «Не ешь, не ешь»…

За легкость им и прилетело… «Фили» решили выпустить сингл, выбрали четыре песни, разослали на радиостанции, пластинка должна была выйти через месяц, но по доброй традиции отъехала к Новому году. О сингле много писали. Исходя из четырех песен, появился термин «Чайф» времен «Пусть все будет»… — легкость до неприличия, лиричность с перебором, «сопли в шоколаде»… Все критики, специализирующиеся на рок-н-ролле, сингл не приняли, и когда вышел альбом, его уже и

слушать-то не хотели.

Но к удивлению заинтересованных лиц оказалось, что мнение критики совершенно не влияет на дела группы. Шахрин: «У нас нет критиков, мнение которых было бы действительно весомо. На Западе человек написал в журнале «Q» свое мнение, и выросли тиражи, ди-джеи стали крутить запись, люди — прислушиваться… У нас нет таких критиков. Пишет — ну и пишет, его личное дело».

Джип-бип-опа!..

А пока писали альбом, Шахрин все пытался выяснить судьбу джипа. И его можно понять. Особенно если учесть, что сам Вова ездил на «Москвиче-401», в народе — «Штирлиц», ездил без прав и без опыта вождения. «Я честно пытался подойти к людям из милиции, но они говорили: «Тебе зачем, ты на «Москвиче», — рассказывает Шахрин. — Я говорил: «А вдруг остановят?» Они смотрели косо и говорили, что им в голову не придет «Москвич» старый останавливать, для них он все равно, что велосипед… А его дедушка подарил, фамильная машина, на нем дед, отец и я ездили, он до сих пор стоит на даче, запчастей полгаража дедушка за жизнь накопил, машина — ровесница рок-н-ролла, 1957 года. Меня просили продать, но я говорю, что это не продается».

Реликвия реликвией, но ездить на ней хлопотно. И пригласили как-то чайфов на сходку джип-клуба, поехали Спирин на «Победе» и Шахрин на «Москвиче», а там люди по воде, по грязи, по отвесным горкам на полноприводных тачках гоняют… «Я этим делом просто заболел» (Шахрин). И написал единственную в своей жизни полноценно коммерческую вещь «Джип-бип-па-па». Специально для клуба. И получил дареного коня, пусть в виде ключей…

Человек нашелся, поехали в московский джип-клуб забирать машину. Шахрин по дороге сообщает, что ключи у него в ка'рмане, а человек говорит, что их можно выбросить, их условно подарили, просто какие-то ключи… Но машина есть. Подъезжают к джип-клубу во Дворце пионеров, идут во двор, им говорят, что стоит там серенький в полосочку. Идут, Вова видит — у джипа крыла нет. Ближе — капота тоже нет. И двигателя нет, стоит пустая жестянка… Ему говорят, что джип оставляли, но они его на запчасти продали… А еще говорят, чтобы Вова не огорчался, «Форд Бронко-2» вообще машина плохонькая… Но продается тут рядом неплохой «Мицубиси Паджеро»… «И тогда я увидел в

первый раз этот зеленый джип», — Шахрин до сих пор аж светится. Правда, цена была выше подарочной, но Вова умеет торговаться…

Вечером купил огненной воды, собрались в холле, налили, появляется Северин: «Чего гуляете?». Я говорю: «Ты что, не заметил внизу? Ну, зеленая стоит!» Он плечами показывает: «Ничего там нет». У меня падает рюмка, с четвертого этажа лечу на улицу — стоит. За спиной Валера говорит: «Шутка!»… Шутка в Валерином стиле, шутит он редко, но кроваво» (Шахрин).

Событие

Бегунов бросил пить.

Необходимые пояснения к главе «Событие»

> *«Ничего особенного, допился просто».*
> *В. Бегунов*

Событие это в истории «Чайфа» фундаментальное, в некотором смысле потрясающее основы. А пояснения необходимы потому, что событие обросло легендами, у каждого члена группы своя версия, и все они вместе — правда. Но и ложь.

Шахрин уверен, что виной всему история с Пенкиным, Бегунов отнекивается. Нифантьев, сам к тому времени давно завязавший, уверяет, что в этом деле поучаствовал: «В Твери он упал, потом проснулся и рассказал про погибшего дружка, который во сне стал его звать. Туда, к себе… Бегунов очнулся и говорит: «Антоха, он меня зовет»… Когда протрезвел, я ему говорю: «Вовян, надо предпринимать срочные меры, Пенкин-то ладно, но это звоночек, когда зовут друзья, которых пятнадцать лет в живых нет». И после этого он пошел». «Тогда я был напуган на самом деле», — говорит Бегунов. Но не пошел.

Гройсман уверен, что Вовка из-за него на такой шаг решился, и вот после какой истории. Снимали программу «Акустика из Рубикона», особняк, после концерта столы, Бегунов заказывает бутылку водки и укладывает ее минут в пятнадцать. Гройсман озирает поле битвы и понимает, что Бегунов пьет один. Бегунов заказывает вторую и убирает ее за те же пятнадцать минут. И третью заказывает. Гройсман, который считает, что работа заканчивается, когда группа с точки уехала, подзывает официантку: «Придумывайте, что угодно, но водку ему больше не наливать». Официантка ничего лучше не находит, как сказать, что директор водку запретил, Бегунов на дыбы:

— Ты мне запрещаешь? Ты мне кто, папа, мама?! — но самый крупный аргумент у него был такой:

— Я что, учитель русского языка?

«Но водки ему не дали, и уехал он в страшной обиде, — Гройсман. — Встретились месяца через два, и оказалось, что он бросил. С того времени не пьет». Комментарий героя повествования: «Насчет истории, которую Димка рассказывает, так там было не две бутылки. У меня же годы тренировок, меня Антон многому научил: где две бутылки, там всегда была третья, которую выпивали в подъезде, а потом входили, как положено».

Вот тебе и учитель русского языка…

Пил Бегунов опасно для жизни. Чтобы надраться, нужно было три копейки на трамвай. Доехать до ближайших друзей, а там… «У меня во всей стране столько собутыльников — это кердык какой-то! — ухмыляется Вовка. — Отсюда лозунг: «Друзей много, а печень одна».

Завязал сам: «Был пятидневный запой, совершенно неуправляемый, когда я понял, что вообще не контролирую себя. Пять суток бреда… И я со страшного бодуна пошел к соседу, мы выпили красного вина с мясом и поехали лечиться к человеку по фамилии Довженко. Потому что во всех конторах условие: две недели не пить, а для меня это была фантазия несбыточная. А тут место, куда можно пьяным приходить».

Шевчук и Пастернаки

После записи Одесса, начало августа, благодать. Устроители сказали, что Одесса — это уже заграница, для иностранцев все дорого, поживите, поэтому с украинскими паспортами. Галанину дали паспорт с фамилией Шершень, а Шахрину с украинской фамилией Пастернак. А он с женой, она тоже Пастернак. И когда входили Вовка с Ленкой в гостиницу, наблюдательные одесские администраторы спрашивали с подозрением:

— Вы Пастернаки?

— Да, мы Пастернаки… — гордо отвечали Шахрины.

А «Чайф» как раз был группой слегка мексиканской, потому что трудился за счет первого в жизни спонсора — пиво «Дос Экое». У каждого на спине написано: «Дос Экое». А тут Шевчук. И давай ругаться: «Нельзя мексиканское пиво рекламировать, надо наше «Жигулевское» рекламировать!». Шахрин пытался возражать, что согласен рекламировать «Жигулевское», если они денег дадут. Юра обиделся, сказал, что они буржуи, сел в белый «Мерседес» и уехал.

Буржуи поехали в «Рафике».

Муха

(клип ужасов)

Октябрь, 1994. Уфа, клип «Семнадцать лет». Клипмейкера звали «Муха» — Мухамедзянов Виталик, нашел его Гройсман.

Дима в тот момент был менеджером двух коллективов на постоянной основе — «Чайф» и «СерьГа», и у «Алисы» временно, на проект «Черная метка». Кинчев свел его с Мухой, который очень славные комиксы рисовал и хотел кому-нибудь клип снять. «А так как познакомил с ним Костя, я сказал: «Муха, сделай клип на «Черную метку». БЕС-ПЛАТ-НО». Если я его принимаю, сразу заказываю для «Чайфа» и «СерьГи». Так появились «Черная метка», у «Чайфа» — «Семнадцать лет» и «Ой-йо», у Га-ланина — «А что нам надо» и «Собачий вальс» (Гройсман).

«Димка хотел снять «Ой-йо», — это уже Шахрин, — хотя она не из этого альбома. Но я уже внимательно относился к тому, что говорил Димка, были вещи, которые сперва казались нелогичными, но потом оказывалось, что он прав».

Уфа, осень, холод собачий, режиссер загоняет всех на крышу девятиэтажки и говорит: «Нужно поймать режим, снимем на фоне заката». Ждали, когда настанет волшебный миг, люди с фонограммой сидели на чердаке, потому что на крыше магнитофон замерзал, отказывался работать. Потом дали команду, чайфы минут пять попрыгали по крыше и, трясясь от холода, поехали домой. Остальное снимали без них. Шок случился, когда момент на крыше получился черно-белым. Шахрин: «Мы Муху готовы были убить, хотя на черно-белом соплей не видно, которые с нас свисали».

Премьера породила редкий момент полного и всеобщего единения: клип не понравился всем и полностью. Шахрин: «Я был дико недоволен. Меня раздражало все, раздражал герой, который почему-то на Шевчука похож, все потом говорили, что у нас Шевчук в окно к какой-то бабе лезет… Раздражали на герое тапочки по три рубля»…

Гройсман: «Я в ужасе на Муху наехал, делал страшные глаза и яростно пытался его запугать. Это у меня получилось, и он клип переделал. Стало получше, во всяком случае, я уже мог выпустить его на экран, но все равно мне казалось, что дело безысходное».

Если Гройсман считал, что после переделки клип выпускать на экран можно, Шахрин считал как раз наоборот. Ему не нравилось даже то, что клип нравится публике. «Я сказал, что мы

не работаем на потребу публике, а Дима отвечал, что это не кино, а реклама компакта. Вот когда мы будем в состоянии потратиться на клип как на некое произведение, это будет совсем другое дело, — вздыхает Шахрин. — Пока мы до этих времен не дожили. Я считаю, что клипов группы «Чайф» еще не было. А к тем, которые были, мы отношения не имеем, я так считаю. Если есть претензии ко мне как к актеру, я готов их выслушать, хотя здесь я непрофессионал».

Муха понял, что клип не понравился, второй делал долго, месяцев пять. Шахрин: «Там есть минус по придумке, когда картинка иллюстрирует текст, но смотрится неплохо. Муха комиксы рисует, клип мультяшный, эстетика близкая; во всяком случае, клип песне не помешал».

95-й

(ускоренная перемотка)

«Окрыленные этим успехом,
мы и двинулись в нормальную,
обычную, размеренную
рок-н-ролльную жизнь».
Д. Гройсман.

Успех, которого не ждали, клипы принесли, в конечном итоге Муха свое дело сделал. Зимой с «Ой-йо» происходит второй взлет, «17 лет» становится просто популярной, 27 января в Горбушке презентация альбома «Пусть все будет так, как ты захочешь», хотя компакты, как положено, к презентации не поспели.

Примерно в это же время Шахрин в Екатеринбурге на «Радио СИ» открывает передачу «В Тулу со своим самоваром». «Прямой эфир в вечернее время, я, собираясь на передачу, брал с полки пластинки, которые мне хотелось бы сегодня послушать. И поговорить о чем-то под эту музыку. Дальше — просто: люди писали письма, поговорить уже было о чем. Была хорошая, своя аудитория… Вот тогда я понял, что кроме как строить, петь и на гитаре играть, я еще что-то могу. Могу один в студии сидеть и знать, что там не пустота, с той стороны».

Кстати, телевизионных «Семена и Феликса» свернули еще в 93-м, стало понятно, что на уровне баловства побаловались, а дальше на халяву делать нельзя. «Телевидение — страшная вещь, там очень многое зависит не от тебя, а от других людей. Мы придумывали, на площадке все нормально, на экране плохо. И мы решили это дело похоронить» (Шахрин).

В апреле — первый концерт «Грачи прилетели». Возникла идея сделать такое студенческое гуляние в честь весны, большая площадка, дешевые билеты и приглашенная группа, которая в Екатеринбурге еще не выступала. «Название я придумал такое, потому что есть в нем что-то позитивное, со знаком плюс. Пригласили «СерьГу», волновались, потому что давно не играли во Дворце спорта, но зал был полон, фойе полное, и на улице народ остался» (Шахрин).

Весной Настя Полева делает в Е-бурге презентацию альбома «Невеста», чайфы играют «Танец на цыпочках». Мелодия Настина, но «по блюзу» и пол поменяли: «Этот танец танцуют все мальчики моего роста»… У Насти его танцуют девочки. Шахрин роста как раз подходящего, вывел на сцену двух девиц по два метра высотой и между ними горестно пританцовывал… «Мы записали эту песню, она не опубликована, но в загашнике есть. Звучит хорошо, смешно и печально» (Шахрин).

Летом на Свердловской киностудии — клип на песню «Город мой». Делал некий Петя. Ну, не стоит об этом.

Летом ушел из группы Леха Жданов, звукорежиссер. «Нам было очень жаль, при всех его закидонах, звукарь он хороший, — Шахрин. — Леха пошел в продюсеры, сказал, что возьмет группу и через полгода сделает из нее супергруппу. Переубедить его было невозможно, он очень странный аргумент приводил: «У меня высшее образование, а я сижу, кручу ручки на пульте». Как будто за ручками должен сидеть человек с восемью классами…».

А год юбилейный, десять лет «Чайфу», под такое дело прошел самый грандиозный в истории группы тур. Помог, за что Гройсман до сих пор чрезвычайно ему признателен, Александр Горожанкин, директор телекомпании «Вид». Вместе с «СерьГой» проехали три города в Украине и двадцать один в России, от Москвы до Барнаула. «Все как у настоящих дядьков» — два трейлера с аппаратом, Дворцы спорта, сорок киловатт звука, хороший свет, двадцать два человека обслуживающего персонала, свой автобус Мерседес с туалетом, с видаком, с двумя телевизорами… Длился тур почти два месяца. «Очень дружно проехали, было весело, были аншлаги, единственное, на Украине не очень хорошие сборы, но тогда там было совсем плохо с деньгами» (Гройсман). «Вот только после этого тура концерты в домах культуры казались дерьмом после шоколада» (Шахрин).

Осенью на студии Вити Зайцева записали «Оранжевое настроение-2». Все, как в прошлый раз, но с акустическим басом и барабанами. И с накладкой — пригласили квартет скрипичный — «Я еще раз убедился, как они плохо играют. Они должны были играть в «Дуле с маком», и когда наконец они выучили ноты,

ритмически добиться мы ничего не могли, свинг для них просто не существует. Но записали как-то…» (Шахрин).

Так и год прошел.

«Не со мной ты»

(Антон)

В декабре 95-го успели записать на «Новик-рекордз» одну песню, «Не со мной ты», поехали снимать клип, один из лучших за всю историю группы. Режиссером был Терри, Игорь Перин, старинный знакомец еще по свердловскому рок-клубу, где он был в команде помощников «Наутилуса». И еще играл в группе «Вафельный стаканчик», хотя это была не группа, а мистификация. На съемочной площадке все свои, свердловские, атмосфера великолепная, и происходившее вне кадра было куда смешнее, чем сам клип. Разыгрывали какие-то сценки, Бегунов, одетый грузчиком, изображал законспирированного генерала космических войск, в кадре подносил даме вещи, делал паскудное лицо и говорил: «Что вы делаете сегодня вечером? Может, в кабак поедем?»… Барышня прыскала, и все снимали заново. Северин вошел в образ героя-любовника и в клипе видно, как он говорит даме: «С…ка!»… А Шахрину потом говорили: «У тебя профессия бармена в руках, можешь деньги зарабатывать».

Но запись нигде не вышла. После съемок «Чайф» простился с Антоном.

Желание расстаться было обоюдное, но казалось важным, кто сделает первый шаг. Как сказано, в 92-м Антон пришел на роль наемного музыканта, но уже в 93-м «фактически стал полноценным членом группы, предлагал много идей, отношения были очень хорошие» (Шахрин). Потом стали портиться. Проект «Инсаров», созданный еще в 90-м, Нифантьев не распустил, к 95-му работа в нем заметно активизировалась. «Мне «Чай-фа» не хватало, мне хотелось делать свое, а тут я был только аранжировщиком, этого было мало», — говорит Антон, но даже не это главное: «Я всегда хотел быть «Я — Нифантьев». А у меня это не получалось. Третьим я быть никогда не хотел, я мог быть хотя бы вторым, но не третьим». Вторым в «Чайфе» был Бегунов — куда денешься?..

«Началась «наутилусовская» болезнь, когда все нормально, но человек все время чем-то недоволен, — это уже Шахрин, — все ему не нравится, но самое ужасное — он начал плохо говорить о песнях. Это для меня очень негативный момент. Песни — они как живые существа, мы их создаем, а потом они дают нам

возможность писать новые песни. Говорить о них плохо можно на репетиции в плане «что и как переделать», а он говорил везде».

«К концу года я созрел в мысли, что не хочу работать с Антоном, — опять Шахрин, — и когда сказал это Бегунову, он ответил, что давно понял то же самое, но не решался мне говорить. Разговоры неприятные я ни на кого не перекладываю, мы с ним разговаривали, я сказал: «Антон, ведь ты бы все равно ушел», — и он сказал: «Да, только не сейчас».

Нифантьев: «Это было скорее увольнение, хотя я сам к этому вел».

Бегунов: «Антон — очень печальная страница, он дольше всех с нами был, мы жили вместе, это огромный кусок жизни. Но когда мы грасставались, я понял, что мы ему не только не близки, а больше того».

Шахрин: «Все равно, мы много соли вместе съели, так давно друг друга знали… Отношения были родственные, как с тещей, с которой можно ругаться, но она все равно теща, никуда не денешься, идешь на день рождения с цветами… Я и сейчас к нему отношусь как к родственнику, но работать с этим родственником не хочу».

Двинин

(физиономия)

Но на сей раз Шахрин подобрал басовую кандидатуру заранее.

«Славу я увидел еще до Нового года в баре «У дяди Вани» и подумал: «О! А этот человек играет на бас-гитаре… — рассказывает Шахрин. — Я знал, что он уезжал в Европу работать и вернулся, потому что там никакой особой работы нет. И я предложил: пусть, если хочет, выучит пару песен, попробуем. Просто попробуем. Он сказал: «Хорошо». Через два дня мы встретились, Слава достал тетрадь, в которой были ноты почти всех наших песен. Почти всех! За два дня он не мог этого сделать и на мой вопрос сказал: «Я почему-то знал, что мне будет это приглашение, я всегда хотел играть в группе «Чайф»… Он не врал, потому что физически невозможно за такое время снять шестьдесят песен!».

Попробовали репетировать, Славе говорили песню, он открывал тетрадку и играл с листа. Шахрин косился на Валеру, тот маячил: «Хорошо»… Тут Антона и уволили.

Детство Слава Двинин провел в городке Первоуральске, в одном подъезде с Настей Полевой. С Настей дружила его старшая

сестра, она училась в музыкальной школе, в доме стояло пианино, но Славу не интересовало. В шесть лет он хотел стать Гитлером, потом просто немцем — понравился фильм «Семнадцать мгновений весны»… Потом хотел стать грузином, они много денег зарабатывают; грузины торговали земляными орешками на базаре…

Музыка поманила с началом полового созревания — первая гитара со сломанным грифом, замазанным эпоксидной смолой — ансамбль Дворца пионеров — школьный ансамбль… «Танцы, халтуры играл, как ни странно, на пианино, сам разобрался, ноты сам изучал. А мы были уже рокеры, ездили в Свердловск динамики покупать, но не купили, потому что динамики были дорогие. Мы поехали в Билимбай и сняли рупора с вокзала. Один дежурил, двое карабкались на столб…» (Двинин).

В конце 10-го класса, в 83-м, дал Славе один доброжелатель совет учиться музыке дальше. Съездили в Свердловск, в училище им. Чайковского, где Слава понял, что шансов у него нет никаких. Тут другой доброжелатель посоветовал идти на контрабас, там все время недобор. Через неделю Двинин взял напрокат контрабас и начал по нему смычком душераздирающе водить. Сдал экзамен на четверку. Как он дальше экзамены сдавал — отдельная история, но позже в характеристике прочитал: «Принят за большое желание учиться».

Через год армия, общий вагон, Москва, Образцово-показательный оркестр внутренних войск. В части маститые музыканты с высшим образованием, а Двинин с первым курсом музучилища мыл полы, чистил инструменты и играл на халтурах. После присяги на Красной площади… За два года три парада на той же площади, похоронил Слава человек пятьдесят, среди которых и Устинов, и Черненко… «У Устинова было та-ак холодно, — рассказывает Двинин, — а мы в генеральских сапогах на картонной подошве… Надевали газеты под кителя, целлофан под фуражку. С Черненко было проще, весна, а Устинов запомнился. Ну и всякие главные пожарники, они помирали, а мы их хоронили. Побывал на всех кладбищах города Москвы, и закрытых и открытых. На фестивале молодежи и студентов играл, там нас выдавали за «Оркестр высших технических училищ»…

В 86-м дембель, опять Чайник, эстрадное отделение, играл в рок-клубе с Огоньковым и Ольгой Арефьевой, работал в ДК «МЖК», где «Чайф» репетировал, там с ними и познакомился. Но в рок-н-ролле не прижился, работал в кабаке, потом вдруг уехал в Армению, курорт Джирмуг. «Чужая страна, дурные деньги, я зову жену, она едет, и в феврале 88-го война, Карабах. И я в войне. И все против нас обозлились. Кое-как мы оттуда смотались… И я

понял, что со мной все, я кабацкий музыкант. Купил синтезатор, на нем играл. И потерял интерес ко всему, к жизни. Кабак…» (Двинин).

Вдруг Слава попадает в «Ассоциацию», проект Лехи Могилевского, на тот момент состоявший из только что распущенного Бутусовым «Нау». Двинин приободрился, а его решили «махнуть» на Вадика Шавкунова, басиста «Насти». И махнули, оказался Слава у Насти Полевой, соседки бывшей. Только она так его и не вспомнила. Или вид такой сделала. Репетировали на базе «Чайфа», как раз Антон из поезда вышел, и Шахрин Славу попросил подыграть, но появился Привалов, не вышло, хотя Двинину уже казалось, что «это «жу» неспроста».

В конце 91-го продал Слава гитару, ушел от Насти в брокеры. Потом опять кабак. Потом Европа, первая попавшаяся страна Дания. Играл на улице. И дело, в общем-то шло, ездил каждый год до 95-го, потом понял, что больше не может. Просто не может, и все. Остался не у дел. Но ходили тихие слухи, что Шахрин к Славе будто бы примеряется, доходили до Славы по принципу «один звукооператор говорил». Город-то маленький.

«И я почему-то купил все кассеты «Чайфа», которые нашел, взял тетрадку и альбома четыре на ноты перевел» (Двинин). Иначе говоря, встреча в баре «У дяди Вани» была во всех смыслах и со всех сторон неслучайной. И успешной — Двинин влился в группу просто, быстро и вовремя.

«Впереди был новый альбом, — Шахрин, — нужно было постараться сделать что-то другое, уйти из под штампа «Чайф» времен «Пусть все будет»…

Глава 6
Самопознание Чайфа

Век живи — век учись

«Век учись — дураком помрешь».
Русская народная мудрость (2 экз.).

Некоторые итоги на январь 96-го: группа существовала уже десять лет, за спиной — десять альбомов, с появлением Гройсмана и Спирина бытие ее приобрело черты относительной стабильности с тенденцией движения вверх, плюс новый басист. Вот актив, с которым «Чайф» вошел в новую эпоху собственного бытия.

Славка Двинин, добрый малый и хороший басист, даже не подозревал, что своим появлением прочертит грань между прошлым и будущим. «С приходом Славки исчез раздражитель в виде Антона, с которым жили в вечном ощущении, что он что-то выкинет. Мы как-то с Вовкой сидели, когда уже со Славкой играли, и эдак смотрели друг на друга с удивлением: «А какого хера мы это терпели столько лет?..» (Бегунов). Нет, нет, Антон Нифантьев был не плох и не хорош, он был таким, каким и остался, да и дело в общем-то не в нем. До сего момента «Чайф» переживал «блаженную пору юности», то есть тратил время и силы на борьбу с собственными комплексами. Борьба эта — занятие довольно бессмысленное, потому что бороться приходится с самим(и) собой.

Время шло, чайфы взрослели по отдельности и в целом, постепенно исчезла нужда друг перед другом самоутверждаться, все становилось на свои места. И стало ясно, что Антон — басист, конечно, хороший, но человек чужой, что он никогда и не отрицал. Завершил композицию Двинин, он пришелся на | место не только и не столько потому, что профессионал: «У нас изначально не главным был критерий «хороший музыкант»; «группа приятелей» — по этому принципу «Чайф» собирался» (Северин). С этой точки зрения Славка, человек бесконфликтный, жизнью битый, осторожный, хотя и очень непростой, устраивал всех. К тому же и музыкант хороший…

С его приходом «Чайф» переступил из молодости в раннюю зрелость, время познания мира и себя в нем. А точнее, себя и мира в себе.

Поводов для познания было много и разных, первым стала Чечня.

Позвонили взглядовцы, сказали, есть идея снять прямо в Чечне передачу к 23 февраля, быстро смонтировать и выпустить в эфир. А солдаты попросили привезти Макаревича и чайфов. «До этого к нам приходили ребята, которые были в Чечне, говорили, что мы там популярны, показывали фотографии: блокпост, весь расписанный, и среди прочего — «Чайф». А в это время война зашла в тупик и никуда не двигалась, шло такое вялое чукалово…» (Шахрин). Ехать собрались Шахрин с Бегуновым, на остальных места не было.

Ехать куда-то далеко, на войну. Что с собой на войну брать, не знали, знакомые туристы стали их готовить к жизни в полевых условиях: «В конечном итоге, было у нас по рюкзаку, в которых спальные мешки, ватные штаны, керосинки, сухой спирт, мы были готовы жить в горах со своим питанием» (Шахрин). «У меня рюкзак был — выше меня, приезжаем в Москву — со стороны это выглядело, я себе представляю… — это уже Бегунов. — Садимся в самолет, два часа лета, и в воздухе ощущение войны, солдаты оборванные, грязные ходят»… «Только что была Москва, ночные клубы, освещенные улицы, проститутки, и по телевизору показывают, что где-то у нас еще и война идет, — Шахрин. — И вдруг ты из самолета выходишь, а там…».

Дебильная война

«Самое дикое впечатление -
это очень близко!»
В. Бегунов

Это сказал Бегунов: «Дебильная война, и грязища страшная, просто месиво, колеи — выше колена».

На вертушках в Ханхалу, там, видимо, знали, что должны прилететь артисты, но не верили, что прилетят. В тот же вечер дали концерт в столовой, столы раздвинули, народа — человек восемьсот, мужики галдят, аппаратуры никакой. Пели с Макаревичем по очереди — он песню, чайфы песню, часа полтора играли, потом долго со всеми фотографировались для дембельского альбома… Вымотались, разместились в казарме, обмыли день приезда, только легли, Шахрина будят, говорят, пришел старший лейтенант, надо его как-то успокоить, чтобы ушел. «Вечером армия пьяна была капитально! — рассказывает Шахрин. — Пришел парень с ручным пулеметом, говорит: «Буду

чайфов охранять, чтобы ночью никакая сволочь не просочилась»… Пьяный человек, кого он за сволочь примет?.. Я пошел: «Спасибо, брат, иди отдыхай, мы справимся», — он и ушел».

Ехали на два выступления, в Ханкале и в эфире. «Приходят люди, говорят: «Ребята, что хотите, но сыграйте, — рассказывает Бегунов. — И понимаешь: ехать надо, вот и ездили, где в окопчике играли, где в землянке. А в каждом блиндаже — кошечки, собачечки… Мы привыкли к насилию кругом, но это насилие ненастоящее — фильмы, новости… А здесь — мальчишка, он убивает людей. Отсюда собачечки. Пацаны молодые, в глазах ужас, и ты понимаешь, что ты им сказать ничего не можешь. Сидит пацан, глаза, как у старика. И самая страшная нагрузка — ночные разговоры с сотнями людей».

«Обстановка была жутко депрессивная, — это Шахрин, — с кем ни начни говорить, от солдата до командующего, все твердили одно: «Да если бы кто-нибудь захотел эту победу, мы давно бы все сделали!»… Несколько раз война подходила к концу, и каждый раз давали команду «назад». А люди — солдаты, война есть война, украсть у солдат победу — это катастрофа. Он бился, рисковал, друзей хоронил, и ради чего? Ради победы. И вдруг у него эту победу украли!..».

Шахрин: «Играли в десантной бригаде, нам сказали, что они только что вышли из боя, у них потери большие. В столовой мы сели на столы, они входят — в грязных тулупчиках, черные, закопченные, просаленные все… Мы же представляем себе десантников молодцеватых, в беретах, кирпичи ломают, а тут салаги, другого слова нет! Шеи тонкие, уши торчат… Их было безумно жалко. Мы видели офицеров, которые в очень тяжелых условиях живут, но спрашиваешь: «Тебе же нравится?» — «Нравится». И видели мальчишек, которых от мамки оторвали, они ничего не умеют, и помирать им не хочется, сил нет, как не хочется помирать. Идти в эту атаку не хочется, ничего не хочется, им бы домой, поесть, выспаться… Ну, не вояки, не солдаты. В форме, а не солдаты. Они и погибают».

Четыре дня играли концерты, перед солдатами бодрились, пели песни, рассказывали веселые истории «про гражданку»; пробило Шахрина с Бегуновым на съемках, впервые за эти дни они остались сами с собой, стали играть «Силы небесные», три раза начинали — не получается, истерика. Доиграли кое-как и долго просили взглядовцев, чтобы это в эфир не попало, неловко как-то…

Двадцать четвертого надо было играть в Улан-Удэ, чайфам сказали, что если 22-го не улетят, порт закроют, потому что на

праздники наверняка будут неприятности… Был один борт в Нижний Новгород, самолет набит, как трамвай, люди летят стоя, чайфы к самолету, кричат: «Братцы, музыкантов пустите?». А там сибирский ОМОН, здоровенные парни, профи, только что из боя. Подвинулись, Шахрин с Бегуновым втиснулись, дверь захлопнулась, их на руках передали куда-то, Бегунова в одну сторону, Шахрина — на второй этаж закинули, улетели.

А мальчишки остались на дебильной войне.

Из Нижнего прилетели в Улан-Удэ, где отыграли первый концерт со Славой Двининым, 24-го февраля. На концерте была Ксения Стриж, она сказала: «Ребята, такое ощущение, что вы с ним играли как минимум лет десять».

«Чуз ор луз»

«Ездили в конечном счете
за деньги — это конечно.
Правда, это был факт скрываемый,
но дураков-то в этой стране нет!».
В. Бегунов

Примечание: «Choose or loose!» — англ. «Голосуй, или проиграешь!» — лозунг кампании 1995-96 гг. по выборам Билла Клинтона в президенты США.

Следующим относительно крупным событием стал президентский тур под краденым у американцев лозунгом. Май — июнь 1996-го. Тур все вспоминают с удовольствием — поездка замечательная, компания подобралась отменная, организация непривычно четкая, финансовоемкая. Рассказывают, как наткнулись по дороге на поле, поросшее дикой коноплей, как бродили по нему в благоговении. Какой был Бутусов хороший: «Такого светлого Славу я действительно не видел за последние лет десять» (Шахрин).

В общем, много чего хорошего вспоминают, но интонации при этом странные, будто все время оправдываются. Или злятся, потому что устали оправдываться. «Когда меня спрашивают, я говорю, что мне не стыдно, потому что мне было очень хорошо, — это Шахрин говорит. — Не знаю, как это смотрелось со стороны, внутри было классно, такого ощущения праздника и беззаботного веселья я не испытывал давно. А что Ельцина в результате выбрали, мне не стыдно, потому что я честно тогда не понимал, за кого голосовать. В конце концов, у нас никогда нормального правителя на Руси не было, все какие-то полусмешные. Во всяком

случае, на моей памяти. И Боря вписывается в эту систему, полудурной такой дядька с прибамбасами…».

Бегунов тоже говорит, что Ельцин как мужик ему даже симпатичен, но не говорит, как ему Ельцин в роли президента… В результате долгих упражнений на пресс-конференциях два Вовки выработали универсальную формулу про «дядю Борю»: «Веселый, танцует и на ложках играет». И оба пытаются не вспоминать, что был Борис Николаевич первым секретарем Свердловского обкома партии, где они и процветали под его руководством. А руководитель был настоящий — лично спектакли в театрах запрещал, лично фильмы отбирал, в его вотчине к просмотру недопустимые, лично проводил в жизнь «особый культурный режим», согласно которому разрешенное в столицах на Урале запрещалось, дабы пролетариату голову не морочить. А этой гребенкой и рокеров чесали в хвост и в гриву…

Впрочем, рокеров оправдывает именно то, что они ездили за деньги. «Понятно, что никто из ехавших в этот тур фанатом Бориса Николаевича не был, — говорит Шахрин, — обычный коммерческий тур, никто не агитировал, не кричал за Ельцина».

Агитировали за деньги, а не за президента. Что поделать, если за годы перемен все исконные вопросы русской интеллигенции сами собой отошли на задний план, а там и в небытие. Остался один: за какие деньги все мы готовы продаться?

Это вопрос серьезный. Тут надо на калькуляторе считать.

Другая война

Странный для «Чайфа» был год, что-то вроде затяжного землетрясения силой в полтора балла — вроде ничего особенного, а нервно. Июль, Таджикистан, тоже война, «вообще какая-то незаметная война; она, может, масштаба и небольшого, но постоянная» (Бегунов).

На сей раз отправились втроем, без Двинина, прилетели в Душанбе — красивый город, зелень… «Нищета катастрофическая, как в кино про Сухова, — рассказывает Бегунов. — Там ставят тракторные моторы на автобусы, чтобы можно было ездить на соляре». Гостиница с претензией на европейский сервис, ни воды, ни электричества. Бегунов ночью вышел на балкон осмотреться — красота!.. Стоит, потягивается, вдруг шальной трассер по небу — тю-у-у… Откуда он, куда, кто в кого стреляет?.. Город спит, трассирующие пули туда-сюда летают, восток… Приехали на заставу, лейтенант: «Ребята! Спасибо, что приехали! Не поверите, у нас за последние пять лет два артиста на заставе было — вы да

Жириновский». На выезде с заставы плакат: «Выход за территорию части запрещен, острая эпидемия холеры»…

«Заставы… Ощущение, что они заложники. Их там так мало, они семьями живут, и ты понимаешь, что к ним на помощь не придет никто, если что случится… Но там бойчее народ, мужики видные, исключительно профессионалы» (Бегунов). «Офицеры сильные, уверенные в себе люди, хотя очень молодые, им лет по тридцать» (Шахрин).

Артиллерийская батарея бьет залпами, командует старший лейтенант, неподалеку молоденькая его жена развешивает белье на веревки. Старлей:

— Пли! Залп. Жена:

— Вася, обед готов! Старлей Вася, отрываясь от бинокля:

— Сейчас иду. Заряжай!.. Еще одно наблюдение Бегунова: «Положение женщины — просто песня для любой феминистки. Им нужно там пожить, и феминизма не будет, они вымрут от шока. Женщину можно купить! Когда мы были, это сто тысяч стоило. Только нужно ей халат купить, без халата у них нельзя»…

Шахрин: «Обстановка от Чечни отличалась очень, ощущение удовлетворенности у них есть, они себя уважают. Вертолетчики делали нам пир, и было ясно, что эти макароны с тушенкой — все, что у них есть, но это было от души!.. Они не стонали, там другие разговоры, тоже кровавые, но с каким-то юмором, весело. И вообще, край-то создан, чтобы жить да радоваться — палку воткнул — растет, только поливай. А там нищета…».

Это все экзотика, реальность началась по возвращении домой, сели писать новый альбом.

«Реальный мир» и его последствия

«Только ты один — реальный мир»…
В. Шахрин

Сели в зону, за колючую проволоку. Ново Уральск называется.

Во времена советские — один из самых засекреченных городов страны, что-то там делали вредное для здоровья и человечества, потом один умелец соорудил за колючей проволокой студию и стал думать, кого там записывать. Позвал Шахрина посмотреть, Володя съездил и решил, есть в этом своя экзотика…

А время такое, когда все получается. Или кажется, что получается. Гройсман впервые за всю историю группы подписал

контракт с фирмой «Союз» еще до записи, продал альбом, которого не было. «И мы поехали писаться в Ново Уральск, получив деньги за несуществующий альбом, — Шахрин, — и в группе было настроение, что у нас все получается, и, может быть, эта внутренняя вальяжность слегка альбом попортила». Бегунов: «Мы очень неспешно писали, условия были вольготные, единственный минус — страшная жара, которая, видимо, и дала что-то мексиканское, ленивость какую-то».

По Ново Уральску ходили исключительно в трусах, пугая строгих аборигенов и сторожевых овчарок с солдатами на поводках.

Альбом изначально виделся как очень крепкий, удачный. Была «Не со мной ты», уже раскрученная, с клипом и довольно популярная. Были «Все хорошо» и «Кто-то хитрый», была «К тебе я полечу» на слова Кати Королевой. Шахрин эти слова нашел случайно, когда их с Бегуновым пригласили на фестиваль детской журналистики. Там Шахрин перебирал сочинения юных журналистов и наткнулся на такие строчки:

«Ничего не пишется,
просто не выходит.
Все куда-то движется,
а счастье не приходит»…

Подпись: Катя Королева, 9-й класс… И заело Вову. «Там был еще припев какой-то, я не помню, — рассказывает Шахрин. — Для песни этого было мало, но не сделать из этого песню было бы преступлением. Я еще два четверостишья дописал, перемешал, чтобы не очень отличалось, потом нашел эту девочку, они с мамой приехали, и я предложил у них текст купить. Они сразу отказались, сказали, что им и так будет хорошо»…

Шахрин: «На записи был адский эксперимент — записывалось все наоборот, барабаны последними. Это было интересно, но я не думаю, что правильно. Жарким летом мы записали очень холодный альбом, хотя по песням он мне нравится. У меня много получилось по текстам, и по мелодиям хорошо, но прохладный, потому что весь под метроном сделан. Но так как у нас не было проблем, как его продавать, он уже был продан, мы остались вполне довольны конечным результатом».

Кто был результатом недоволен, это критики, клип хвалили, но не альбом. Что, впрочем, сами чайфы ждали загодя. Не ждали они другого: критические настроения стали плавно перетекать с альбома на всю группу. И особенно это почувствовалось в Питере, в городе, который чайфы считали и считают родным, который

первым их принял и где происходили все решающие в истории группы события… И вдруг напряг именно в рок-н-ролльной тусовке: «Мы приходили и чувствовали себя, будто что-то украли, что-то сделали ужасное, — вспоминает Шахрин, — пошли колкости в наш адрес, и мы никак не могли понять, что произошло». «Я не помню момент, когда именно мы поругались с Питером, но отчетливо помню мое удивление, когда до меня дошло, что нас не любят» (Бегунов).

Осенью 96-го Питер пребывал в явном раздражении. Не город на Неве, а тусовка, «свои» люди. Те же люди в Екатеринбурге раздражены были еще больше. В Москве ругались критики рокерской ориентации. Раздражал альбом, хоть и не очень было понятно, чем именно.

Злило даже название, какое-то оно нечайфовское…

Дело не в том, что альбом вышел холодноват, как говорит Шахрин, или слишком взрослый, это мнение Бегунова. Альбом был переходный, группа менялась, она уже оторвалась от прошлого, но еще не добрела до будущего, и это не могло не сказаться на записи. Есть в ней изрядная неопределенность.

При том, что альбом сразу стал одним из самых коммерчески успешных в истории «Чайфа». Это тоже всех злило. Альбом продается хорошо, а на взгляд критики неудачен, значит, что-то тут не так. Да и вообще, тусовка любит, когда все бедные, но талантливые, и если ты несколько дней прилично обедаешь, значит, что-то у тебя с талантом не так.

Сказалась и перманентная борьба между Питером и Москвой, вдруг питерцы поместили «Чайф» по ту сторону баррикад, записали в москвичи и стали относиться как к москвичам. Шахрин: «Стали появляться статьи, смысл которых я никак не мог понять: «Прошел концерт «Чайфа» в ГКЗ «Октябрьский», билеты проданы, зал полон, новые песни слушаются неплохо, старые тоже, кризис налицо»… Я не мог понять: если зал полон, играем хорошо, все довольны, в чем кризис? И тогда мы решили, что это такое семейное отношение, которое надо просто переждать»…

Логическое, пусть забавное завершение эта история получила позже, весной 98-го, когда чайфы играли в Ленсовете в первый раз в Питере перед неполным залом. И за кулисами появились все «свои», пили водку, много и доброжелательно разговаривали… «То есть «облажались ребята, значит вы наши, вы те же, все хорошо!». Мне трудно осуждать людей, но дело выглядит именно так» (Шахрин).

Конец года, который хорошо начинался

Альбом, проданный загодя, обошелся довольно дешево, осталось тысяч пятнадцать, чайфы их решили между собой не делить, а снять еще один клип, на сей раз для альбома «Оранжевое настроение — 2», к которому клипа не было. Версий было много, на какую песню снимать, но «Рок-н-ролл этой ночи» среди них не рассматривался. Не рассматривался как хит. И когда все версии сами собой рассосались, Терри (Перин, режиссер) предложил «Рок-н-ролл этой ночи». У него была идея с массированным переодеванием, Димке она понравилась. Снимались втроем, потому Что Слава Двинин был (по уговору) не членом группы, а наемным музыкантом. Съемки, как у чайфов водится, были смешные, «с прибамбасами», клип получился удачный, совпадающий с альбомом по настроению, видимо, оранжевому. «Так неожиданно у нас появился еще один хит. В концертах — один из главных, что даже загадочно» (Шахрин).

К осени 96-го чайфы обнаружили, что есть в стране целая отрасль шоу-бизнеса, процветающая, но ими неосвоенная, — клубы. Было уже довольно много артистов, которые работали, не переставая и из Москвы не выезжая, но рокеры по старинке старались в клубах не играть. Хотя во всем мире клубы — исконная вотчина рок-н-ролла, что знали уже не понаслышке, встречались с западными группами, довольно серьезными, которые шалели при виде наших стадионов и дворцов спорта — сами-то на аудиторию больше трехсот человек не выходили ни разу. Но наши клубы — дело иное, особенно самые первые — переделанные рестораны: столики и группа в меню.

В общем, решили попробовать. Первый концерт играли в «Манхэттене», вышло, как ни странно, довольно удачно, пришло много своих, из людей известных был Крис Де Бург, который в Москве оказался; на следующий день Шахрин слышал, как по радио он назвал их концерт одним из самых ярких впечатлений от Москвы. Приятно.

Вторая проба эту приятность компенсировала. «Ничего более мерзопакостного в своей жизни я не видел» (Шахрин). Клуб «Московский», диваны, публика полулежа, все тихо-тихо, а потом, пожалуйста, еще потише. Из соображений максимальной тишины играли акустику. Шахрин: «А первые столы с самыми дорогими билетами — в трех метрах от тебя. Мы сели, там низко, рядом непонятная компания, к ним подходила девушка-официантка, наклонялась обслуживать, у нее коротенькая юбка, белые трусы, и это все прямо мне в лицо. Я как-то не привык такое видеть во время концерта, я привык видеть лица, а видел задницу официантки, которая ухаживала за пьяным быдлом. А все близко и тихо, слышно, о чем быдло разговаривает. Мы все равно

пытались играть и петь, были какие-то приятные лица в зале; и вдруг я понимаю, что быдлу нравится, они начинают обсуждать: «Слушай, я их не знаю, но давай их усыновим»… В этот момент мне хотелось так дать им по башке: «Я тебе усыновлю, сволочь эдакая!». Когда это кончилось, я попросил у Димки денег на такси и исчез, сутки меня никто не видел, я был в диком депресняке, что со мной бывает редко»…

Такая проба клубного пера… Но клубы тоже меняются, «Чайф» в них играет, предварительно интересуясь, танцы там или ресторан, чтобы не играть перед жующими.

Своеобразным финалом года стал полет из Киева в Москву 30 ноября. Рейс сперва отложили на восемь часов, потом полетели, на подлете к Москве стали падать. Самолет заходил на посадку, его затрясло и повернуло боком, из окна было видно, как он идет боком на взлетную полосу. Летчик сделал что-то неимоверное, самолет взвыл и пошел вверх, от перегрузки люди отключались прямо в креслах. Перед Шахриным сидели мужики с огромной бутылкой виски, и когда во второй раз заходили на посадку, они принялись со страшной скоростью из горла виски хлестать… Шахрин: «Потом оказалось, что это летчики, они сказали, что по идее сесть мы не должны были, но «кому-то здесь помирать не судьба».

И это еще не все. Концерт вечером, «Чайф» опаздывает, Дима Гройсман по сотовому звонит на площадку, ему говорят: Кинчев уже играет, следующие вы. Попытались взять «рафик», за него просят тысячу долларов, чайфы решили, что им пытаются «рафик» продать, хотя стоит он явно меньше. Оказалось, за проезд просят. Рванули на остановку автобуса, договорились с кассиршей оплатить все билеты (она потребовала и багаж, оплатить, которого не было) и ехать на автобусе по индивидуальному маршруту. В автобусе дедок за рулем: «И мне полтинничек»… Дали полтинничек, дедушка нажал на газ. Дальше был фильм «Скорость».

Не сразу, но заметили, что дед как-то слишком резко заходит в поворот, тот объяснил, что у него ручка коробки передач выскочила и стоит на пятой. В «Икарусе» их семь, если притормозит, мотор заглохнет, с пятой он не тронется. В общем, дед на пятой, автобус летит, выскочили из Москвы, концерт-то в пригороде, свернули куда-то не туда — автобусное кольцо, дед попытался вписаться и не вписался… Гройсман звонит по сотовому на площадку: «Мы где-то рядом, в лесу, но не знаем, где». Идет местный житель, ему сунули телефон: «Объясняй!»… Подъехали организаторы, подобрали. Так и год кончился.

«96-й начался идеально,
а закончился холодом извне;
вдруг к нам стали относиться
настороженно те, кого мы считали
нашими друзьями».
В. Шахрин

«Чайф» менялся. На сей раз не так заметно снаружи, но перемены шли. Но медленно. В сущности, весь 97-й год. Впервые с 89-го группа за весь год так и не села на запись, а ведь до этого писали стабильно по альбому в год. Точнее всего об этом времени сказал Шахрин: «Не помню. Концерты, ничего особенного… Ничего вспомнить не могу».

И тем не менее «Чайф» менялся. При том, что перемены в жизни любой группы — дело трудное и крепконаказуемое. Перемен не любят ни критики, ни поклонники, ни друзья с товарищами, хотя эти чаще всего вообще ничего не любят. Трюк с попыткой хоть как-то измениться в истории рок-музыки почти всегда приводил к полной катастрофе, жертвами которой становились фигуры, можно сказать, колоссальные. А тут «Чайф», понимаешь…

Хотя один раз этот трюк у них прошел — в 89-м, когда группа собралась заново, почти полностью поменяв стилистику. Да и содержание тоже. Все привыкли к «дворовоподъездному» «Чайфу», ругали очень, и совсем немногие оценили этот шаг по достоинству. Во всяком случае, в прессе был один единственный положительный отклик, принадлежал он Насте Полевой:

«Каждая твоя работа — это барьер, и в следующий раз надо прыгнуть выше. А может быть, вообще в другую сторону. Трудно повернуть резко в сторону, как «Чайф». Народ недоумевает — куда они пошли, дворовость исчезла, дурачество исчезло… И часто бывает — по голове получаешь за это дело…» («Молодость Сибири», № 43, 28.10.89).

«Чайф» опять бежал в другую сторону и, согласно предложенным правилам, активно получал за это дело. Правда, на сей раз ребята были постарше, перемены шли какие-то внутренние, неторопливые. Год 97-й получился такой же неторопливый, не очень внятный. Январь — «Зимняя акустика» в Екатеринбурге; апрель — «Грачи прилетели» с «Ва-банком»; май — «Максидром», открыли первыми, четыре песни — бегом на такси, в порт, перелет в Питер и тут же концерт в Гуманитарном университете. Им: «Вы же на «Максидроме» заявлены! Сейчас

идет…» Они: «Да были мы там»…

«Концерты, ничего особенного…

В качестве компенсации за бодяжность бытия в июне начались переговоры о поездке в Лондон. Появилась какая-то английская фирма, провела исследования и сделала удивительное открытие: как ни странно, на территории России тоже есть свои популярные артисты!.. Но за все время перестройки на этой огромной территории — 21 зарубежный гастролер, в Лондоне за неделю больше бывает. Англичане решили работать и для начала свозить какую-нибудь русскую группу к себе, группу выбрали сами, ею оказался «Чайф», который из непонятных деловых перспектив повезли в Лондон. Как говорится, «кто бы отказывался»… Пригласили ТВ-6 в качестве массовой информации, двух московских директоров, Месхи с Ландой, на роль акул шоу-бизнеса; дело, как водится, дело было обставлено странными коммерческими построениями, влезать в которые бесполезно, все равно не поймешь. Во всяком случае, за два дня до отъезда Шахрин встретил на заправке знакомого бизнесмена, который удовлетворенно сообщил:

Все нормально, я деньги перечислил…

— Какие деньги? — не понял Шахрин.

— Ну, на вашу поездку в Лондон…

— Какие деньги, куда перечислил?!

— В Москву…

Счастье

И было чайфам счастье, Abbey Road называется. Счастье было по блату — папа одного из владельцев принимающей фирмы оказался влиятельной фигурой в британском бизнесе, услугами папы пользуется студия Abbey Road, папе отказать не могли. Позже выяснилось, что Сева Новгородцев, старый битломан, на Abbey Road не был, просто так никто не пустит. Визит «Чайфа» назначили на 29-е, накануне позвонили, извинились — приехал Дэвид Боуи, у него кредит. «Но мы не обиделись, причина все-таки веская — Боуи приехал…» (Шахрин).

Уличные маневры чайфов перед студией описаны в начале книжки, но внутри походили тоже изрядно. И до чего ж оказалось диковинно!.. Не только и не столько в смысле аппаратуры, она там и «супер», и не очень, разве что старой много, ничего буржуи не выбрасывают и очень хвастаются каким-то ламповым компрессором 1949 года, лучше которого ничего нет, а у них он в рабочем состоянии. Но это и ладно, железо — оно и в России

железо и чаще всего тех же производителей. Отношение у них другое.

Ребята все пытались вызнать великий секрет буржуинов — как вокал пишут, как гитары, как барабаны… Отвечали буржуины одно и то же: «Как угодно, в звукозаписи правил нет. Как захотите, так и сделаем». «Это и есть секрет «Эбби роуд», — рассказывает Шахрин, — в студии можно делать все, что угодно. Можно поставить комб в огромном зале, можно в стенной шкаф с отдушиной, как у печки. Хотите в туалете — там рядом с унитазом есть разъемы, пишись. В коридорах, где угодно. Хотите заехать на танке — заезжайте, если он войдет. Оргию — пожалуйста, только без урона для студии». Человеку несведущему трудно оценить услышанное, но для чайфов после наших студий, где каждый техник, почесывая небритый подбородок, половину времени тратит на поучения, что да как вам следует делать… При том, что тратит он ваше время, из вашего кармана оплаченное… А здесь — все пожалуйста! Вот это был настоящий шок!

Ну и вторая студия, где с пятидесятых годов ничего не менялось, где по длинной пристенной лестнице спускались когда-то Beatles… «Спускаемся и мы по лестнице — все то! — это Бегунов. — Стулья те же, микрофоны те же, шнуры висят, отзвук, паркет древний. Мы, как идиоты, в ладоши хлопали — отзвук тот, мы же столько раз его слышали! И у Битлов, и у Pink Floyd, и Oasis какой-нибудь!.. Звук, дыхание этой студии, тот же воздух живет… Потом англичанин сказал: «Мы понимаем, что для многих это религия»… Для нас это на самом деле религия, но, может быть, впрямую только там это осознали».

«Полтора часа гуляли, нам говорят: «Извините, в одиннадцать приедет Элтон Джон, у него смена, так что вам, к сожалению, не можем уделить больше внимания». Ну, мы уж не стали дожидаться Элтона Джона, чтобы до конца себя не расстраивать» (Шахрин).

Вот, собственно, и все счастье.

Город Лондон, вот и все

Концерт играли в зале «Астория-2», рок-н-ролльный зал в самом центре Лондона тысячи на полторы народа, аппарат приличный, организация почти наша. «Для меня был облом — я разницы не увидел, в Воронеже концерт или в Лондоне, — рассказывает Шахрин. — Приехали — никакого бэк-стэйджа, ни барабанов, ни комбов; стали созваниваться, вяло и медленно привозить, а когда поставили, времени на настройку не было,

ломанулся народ, стал орать и визжать, русских было много, примерно две трети, все танцевали, все как всегда».

Первой играла группа Саши Титова, экс-басиста «Аквариума», ныне англичанина. Они очень старались показать, что не эмигранты; вокалистка, жена Саши, ни слова по-русски не произнесла, пела и говорила по-английски; Шахрину только после концерта объяснили, что она русская. И все у них было хорошо. Только очень скучно.

«Чайф» отработал, зал кричит: «Бис!», — ребята выдержали паузку, чтобы продолжить, тут начались английские штуки: выходит техник и начинает все раскоммутировать. И выяснилось, что разворачивают они аппарат, как у нас, а сворачивают, как у них, в считанные секунды. Дима Гроисман (по-нашему) лезет на сцену ругаться с техником, тут (по-ихнему) выходит огромный негр-секьюри-ти, берет Диму за плечо, Дима ему нечто по-ихнему нелицеприятное, дальше Диму из рук негра вырывали, как из пасти льва.

Хозяева клуба в гримерке извинялись, привели за шкирку понурого техника, который только что гордый ходил, и спросили: «Вы хотите, чтобы он был уволен?». Шахрин: «И вдруг воспитание дало о себе знать, я думаю: «Буржуй-эксплуататор уволит трудового человека ни за хрен собачий, мы уедем, а ему на биржу труда идти»… Шахрин увольнять техника отказался, тот расцвел, стал говорить, что в следующий раз все для «Чайфа» будет, будут в следующий раз играть, сколько захотят…

Потом чайфов хитростью заманили в посольство, сказали, будет встреча со СМИ. Приехали, их ведут куда-то, говорят, с детьми фотографироваться. Шахрин: «Мне представилось: лужайка, пять детей каких-нибудь… Заводят в зал — сто человек детей аплодируют, дама, массовик-затейник: «А вот и группа «Чайф», которая сейчас будет нам играть концерт»… У нас челюсти отваливаются, начинаем что-то затевать в разговорном жанре и попутно настраивать гитары, которые привезли англичане. Гитары хорошие, но на них струны ржавые, не строят. Вдвоем с Бегуновым работали, Слава стукал по коленкам, а Валера в зале сидел, пел бэки оттуда».

Третье выступление на BBC в программе «Севооборот». Тут красочка другая, сразу возник напряг между Севой Новгородцевым, знаменитым среди старых меломанов ведущим BBC, и Гройсманом. Дима хотел добыть права на запись концерта, чтобы потом выпустить пластинку, просил бумагу от BBC, а Сева по старинке пытался свести все на, как чайфы это называют, «дореволюционные отношения» вроде «Hippy, c'mon!». В результате Гроисман на BBC не попал. Сели в студии, началась

передача, «Сева заговорил, и что-то в этом было такое… Раньше казалось, это с Луны говорят… У нас есть запись, очень душевно получилось. И расстались хорошо, а альбом мы все-таки выпустим, бумагу Димка выбил на бланке ВВС и с подписью Севы Новгородцева» (Шахрин).

И приключение в аэропорту «Хитроу», «аэрофлотовское традиционное». Приехали, им говорят: «Вы группа в Москву? Подождите в сторонке». Ждут полчаса, час, потом выясняется, что на самолет билетов продано больше, чем в него народа влезает, и группа полетит следующим рейсом. Гройсман встает на дыбы, потому что билеты на этот рейс за месяц куплены, в Москве ждет оплаченный автобус, потом самолет в Екатеринбург… Аэрофлотовские ребята начинают один за другим растворяться в пространстве, подходит полисмен и начинает убирать вещи чайфов из зоны посадки. Нервный Шахрин берется за полисмена, тот берется за наручники… Как Вову не арестовали, непонятно, потому что там свободная страна, там за полицейских браться не принято.

Шахрин: «Тем временем Гройсман берет у англичанина телефон и набирает посла, у которого давеча концерт играли. Оказалось, не зря играли, посла будят в выходной день и говорят: «Маленькая лажа, сидим в порту»… Через пять минут к нам выходят улыбающиеся люди: «Вы летите первым классом, добро пожаловать на борт самолета». В самолете выяснилось, нет Северина, который появился за минуту до взлета и рассказал, что где-то по дороге свернул не туда и пошел… Как известно, Хитроу — один из самых больших аэропортов в мире, идти он мог долго. Английский Валера знает только по буквам, если они на русские похожи… Шел долго, пока не сообразил остановить грузчика и сунуть ему билет в нос. Тот прочитал, что посадка закончилась в другом конце аэропорта, и была гонка с препятствиями, грузчик ввез Валеру прямо в самолет, дверь закрылась…

Дверь закрылась, чайфы заорали: «Выпить!». Летели в первом классе, где выпивка не ограничивается, стюардесса принесла ассортимент, ей сказали: «Виски, но все остальное не уносите!». Она сказала, что унесет, но если будет надо, принесет обратно. Не успела отойти, бутылку виски разлили и предложили принести остальное. Пока летели, выпили весь алкоголь, который был в самолете — какой могли, урон «Аэрофлоту» нанесли.

Безумный карнавал

«Красная площадь, салют,

рок-н-ролл и папуасы»…
В. Шахрин

Жизнь катилась дальше в дерганом, припанкованном ритме.

В августе «Чайф» поучаствовал в праздновании 850-летия Москвы, на Красной площади Стае Намин устраивал концерт этнического рок-н-ролла; чайфы, видимо, должны были представлять что-то русское и одновременно этническое. Поставил их Намин на финал, выход без пяти одиннадцать, пять минут игры, общий джем и салют.

Вечером дождь, народа — полная площадь, идут этнические коллективы, сами по себе интересные, но дождь, люди пришли на концерт пусть этнического, но рок-н-ролла. А на сцене три человека сидя колотят в маленькие барабанчики и что-то воют… За ними вышли бабушки из болгарской деревни, частушку спели по-болгарски; часа два народ терпел, потом силы иссякли, и огромная аудитория сперва вяло, постепенно набирая обороты стала кричать:

— На…уй! На…уй! На…уй!..

Заполненная до предела Красная площадь женскими и мужскими голосами орала это самое!.. Намин растерялся, он не верил своим ушам, переспрашивал: «Что они кричат?». «Это ж надо, внуку Микояна дожить до такого…» (Шахрин).

Скандирование русского народного рефрена придало концерту динамики, пошли, наконец, группы, рок-н-ролл, стало весело. Ошеломленный Намин всем сокращал количество песен, но к салюту поспевали едва; «Чайф» шел последним, вдули две штуки, начался сейшн, и в тот же момент на сцену выскочили в танце папуасы с копьями, со щитами, в боевой раскраске… И салют!

Красная площадь, рок-н-ролл и африканцы!..

Дальше в том же темпе. В ноябре очень лихо прокатились в Магнитогорск, когда у машины сутенерской марки BMW сдох генератор.

Две машины упомянутой марки подогнали организаторы, поехали, на полпути до Челябинска встали. Машина крутая, напичканная компьютерами, они работают от электричества, а его нет. Пришлось вставать каждые полчаса, менять на машинах аккумуляторы и ехать еще полчаса. Стемнело, опаздывали, шли под сто сорок. И фары не включать!.. «Машина идет со скоростью сто сорок без фар, без печки, люди сидели в холоде и закрыв глаза, чтобы все это не видеть, — рассказывает Шахрин. — Водитель видел на расстоянии пяти метров перед собой габаритные огни передней машины и больше ничего! Народ на

дороге шалел: едешь, тебя обгоняет машина, и следом еще одна тень, черная, без единого огонька!..».

Ехать обратно чайфы просились как-нибудь своим ходом, но организаторы заверили, что все починили, той же машиной довезут хотя бы до Челябинска. Шахрин: «Из Магнитогорска выезжаем, шофер BMW говорит: «Ой, что-то у меня сцепление пропало»… С тех пор, что бы мне ни говорили об автомобилях BMW, ничего не могу с собой поделать, нехорошие у меня ассоциации с этой маркой»…

Самым обильным по числу последствий стало в 97-м участие «Чайфа» в «Рождественских встречах» Аллы Пугачевой. То есть не само участие, а факт участия. «Мы долго думали, участвовать, не участвовать… Мы же знали, что это слишком заметный поступок, и его будут обсуждать в совершенно конкретном контексте» (Бегунов). Думать тут было нечего, шаг по отношению к «своим», т. е. журналистам и тусовке, был дерзкий, даже вызывающий.

Хотя, казалось бы, что такого: позвонила Алла Борисовна, предложила сыграть две песни, и что?.. А чайфы плюнули и согласились. «Согласились потому, что причин не было отказать, — это Шахрин. — Звонит человек заслуженный, говорит: «Рождество для всех, все перед Богом равны». Отказать неудобно. А что потом нарежут песню как клип, этого не ожидал никто».

Пугачева отобрала «Силы небесные» и «Вольный ветер», в процессе «Силы» отпали, номер не для развлекательной программы, остался «Вольный ветер» и, как говорит Бегунов, «дальнейшее дуркование на сцене». Примечательно, что Алла Борисовна, человек достаточно жесткий, во время репетиций с представителями своего цеха управлялась без сантиментов, а с рокерами — предельно корректно. И вообще, выпустить пусть небольшую, но все-таки банду на сцену с ее стороны — тоже поступок.

«Выступили, но трудно, очень трудно, — водит подбородком Бегунов. — Публика совсем иная, к такой публике ты не готов, это другая категория слушателей, ощущение, что ты в черную дыру пытаешься энергию послать».

Последствия сказаться не замедлили. «Питер очень болезненно отреагировал на наше появление в «Рождественских встречах» (Шахрин). Журналисты ругались как-то даже радостно. Но нет худа без добра: «В результате всякие слесаря, всякие мужики в гаражах стали меня узнавать, — это опять Бегунов. — И в конце-то концов, мнение моей мамы мне гораздо важнее мнения всей этой шоблы, которая твердила: «Что ж вы такую херню допустили, у этой вороны играли, совсем продались»…

(«Шекогали»)

В начале 98-го атмосфера вокруг «Чайфа» стояла мутная, а внутри наблюдалось прояснение, накопился новый материал, в конце января взялись за альбом. Было желание записать его дома, в Е-бурге, записать недорого и не разом, потому что много ездили. «Писать стали на студии «АВ мьюзик», — рассказывает Шахрин, — абсолютно некомфортная студия, даже в туалет надо бегать в кустики, павильона толкового нет, комнатка, куда барабаны не влезают… Но нам понравилось, принесли свой чайник, сервиз купили, чтобы какой-то комфорт организовать; было приятно работать, катило. Писали в несколько заходов между гастролями, притащили туда весь репетиционный аппарат, все гитары из дома… Работалось классно, споров не было, стоимость студии позволяла экспериментировать — эффект «счетчикатакси» не присутствовал». Вещи подобрались крепкие, игрались уверенно, и было чувство, что альбом получается. Так продолжалось, пока Гройсман не услышал песню под названием «Время не ждет». Она мыслилась как «центровая», ударная, Диме в исполнении Шахри-на под гитару очень нравилась и…

Гройсман: «Я не имею права влезать в творчество, но тут почувствовал, что ее надо переделать. А у меня нет ни музыкального слуха, ни образования, ни голоса, ничего; я могу объяснять только на пальцах. И я попросил Шахрина ее переделать. Он переделывал ее два раза, привез на третий»… Дима даже побоялся напрямую сказать, что ему опять не нравится, что вылилось в забавную сценку, жертвой которой стал ни в чем не повинный шофер такси. Шахрин с Гройсманом в половине второго ночи выходят из клуба на пустынную улицу Герцена, Володя ловит такси, Гройсман как бы невзначай говорит на прощание: «Слушай, ты мне песню привез… Там все-таки не так, как надо». И Шахрин завелся. Спорили четыре часа, шофер сидел в машине, ждал, счетчик мотал рубли… Расстались ни с чем, на утро хитрый Гройсман потащил Шахрина к Мише Козыреву, старому приятелю еще по Свердловску, программному директору «Нашего радио», человеку в музыкальном плане грамотному, и тот просто все объяснил, сказал что это «фанк», стиль, в России обреченный. Шахрин сдался.

А по радио уже крутилась «Кончается век», но Гройсману для раскрутки нужна была вещь ударная, и Шахрин очень быстро написал «В ее глазах». А на дворе месяц май, дело к «Максидрому», там новинку с успехом исполнили, альбом будто бы оформился, только название не могли придумать, пока у

Шахрина не появилась мысль записать саму песню «Шекогали».

Песня из репертуара Славки Двинина, он, когда выпьет, поет любимые песни своего отца, фольклор тридцатых-шестидесятых. В одной песне припев: «И только в баре, где все по паре, танцуют танец шекогали до зари»… «И я на это слово запал — и звучит классно, и загадочное… Потом понял, что это два слова, «шейк» и «хали-гали», просто человек шел по вагону и выговорить не мог «шейк и хали-гали», он и пел «шекогали» (Шахрин). Песня-то из репертуара нищих, которые в старые времена по поездам побирались — публика была специфическая, не шибко грамотная…

Записали ее под две гитары на лестничной площадке. Елизаров научил, как грамотно настроить гитару «поодъездному» — вторая струна чуть высит, пятая чуть низит, гармонию слышно, а нестроевич смачный появляется. Готов был альбом, готов, Гройсман решил с продажей повременить, «сказал, что осенью возьмем за него реальные деньги» (Шахрин). А год был, следует напомнить, 98-й, знал бы Дима, что в августе все цены рухнут, и реальные, и ирреальные… Но это позже, пока альбом замер, вошли в лето.

Аргентина, Ямайка и «Ураган» на Волге

«В июне на день рождения группа подарила мне с женой поездку в Париж» (Шахрин). От подарка Вова отказываться не стал, взял жену и поехал в город на Сене. Что сказать вам о Париже? Он все еще на месте. И вообще, в данном случае нас интересует исключительно музыкальный контекст, каковой предстал Шахрину в двух ипостасях.

Во-первых, был ансамбль барабанщиков. Был прямо у Володи под окнами и состоял из двадцати, примерно, человек различного возраста, пола и цвета кожи. Плюс девица, которая бедрами крутила. На предмет девицы Шахрин возражений не имел, чего нельзя сказать о собственно барабанщиках, особенно на второй, третий и четвертый день вынужденного ежевечернего шоу.

Второй музыкальный опыт приключился с Шахриным недалеко от Эйфелевой башни непоздним вечером после победы сборной Аргентины над сборной Ямайки с известным уже счетом. Дело в том, что одновременно в столице Франции проходил чемпионат мира по футболу, но с безразличным к этому виду спорта Шахриным как-то не пересекался. И приспичило Володе прогуляться под Эйфелевой башней, прогуляться было трудно, потому что вокруг башни бурлило бело-голубое море ликующих

аргентинцев. Тронулись вверх, и наткнулись на сиротливую компанию ямайцев, человек пятнадцать болельщиков проигравшей стороны сидели и пели что-то невероятно грустное и ритмичное в стиле рэгги. Двое ямайцев били в барабаны, остальные пели. Шахрин стоял и проклинал себя за то, что не прихватил видеокамеру.

Но действо продолжалось, рядом с траурными ямайцами возникла парочка аргентинцев — девица, которая тут же принялась вытанцовывать, и хромой мальчишка с флагом победившего своего отечества. Встали, проверяя, будут бить или нет, потом, видимо, мальчишка флагом собратьям помахал, и пошла аргентинская прибыль — флагов становилось все больше, аргентинцы пустились в пляс, но и ямайцы оживились, поддали жару… У одних появилась аудитория, другие делились с проигравшими своей радостью; сбоку стоял Шахрин, а добравшись до гостиницы, записал:

«Зачем ты стучишь
в мои барабаны? Зачем ты танцуешь
под мои барабаны? Зачем ты поешь мою песню —
мне и так больно»…

Как выяснилось позже, ради этих строчек стоило сгонять в Париж.

Дома тем временем творилось нечто с метеорологическим подтекстом. Перед самым Бовиным отъездом выяснилось, что чайфы обещали посетить фестиваль «Русского радио», о чем благополучно забыли, а он как раз и будет. Но деваться некуда, надо ехать, раз обещали. «У Вовки были круглые глаза, когда я прибежал за ключом от базы, посмеивается Бегунов, — а я говорю, надо репетировать, завтра уезжаем с концертом»… Поехали втроем плюс Спирин, название за отсутствием Шахрина решили поменять, назвались скромно — «Тройка Ураган».

Фестиваль представлял собой тотальную пьянку с последующим не просыханием вплоть до самого конца, но Бегунов был уже непьющий, а к тому же в роли худрука, на котором лежала ответственность за выступление «Урагана». «Вокруг бардак, алкоголизм, а я ответственный, который учит тексты, повторяет аккорды, пытается найти людей, от которых зависит аппарат… И с каждым днем понимающий все лучше, что эта история может стать позорным пятном на всей моей жизни. Чувство ответственности у окружающих все уменьшалось, потому что они были пьяные в задницу, а мое будущее становилось все ярче. Как ни странно, отыгралось здорово, по ходу рулился звук,

по ходу все налаживалось, обстановка семидесятых. Программа оказалась близка народу — мы с испугу дали оторваться»…

Один раз дали, во второй раз играть не хотели ужасно. И нашама-нили. Начался второй концерт — пришло грозовое предупреждение — идет ураган. Это был знаменитый ураган июня 1998 года, обрушившийся на Москву, а потом докатившийся до Волги и избавивший одноименную тройку от необходимости выступать во второй раз…

Шалуны на стороне

Чайф, как уже сказано, менялся, и если снаружи перемены были не очень заметны, внутри происходили вещи, пять лет назад совершенно невозможные. Шахрин: «Сольники — явление, которое раньше в коллективе очень болезненно воспринималось, и тот же Антон со своим проектом сработал, что ли, не вовремя. Все начали что-то пробовать вне группы, появилась уверенность в себе, появилось некое знание, которым уже хотелось поделиться. Внутри коллектива глупо лишний раз друг другу напоминать, что «я это знаю, это я умею». Захотелось понять, что ты представляешь собой помимо группы. Дозрели, и все стало естественно».

Бегунов уже зимой появлялся с группой «ВИО», играл с ними «по блюзу». Шахрин сошелся на какое-то время с группой Black Cat Bones, довольно бесшабашной компанией молодых людей, игравших нечто, напоминающее «Аэросмит», с самодельными текстами на английском языке. Шахрин в порядке взаимопомощи стал изживать англоязычие, ребята принесли записи с подстрочным переводом, Володя худо-бедно русифицировал три текста… «Они начали писать пластинку, а дальше пошел раздрай, им показалось, что удача рядом, и они, как это часто бывает, начали делить шкуру медведя, которого еще не видели, но уже что-то о нем слышали…» (Шахрин).

Параллельно собственный проект открыли Бегунов и Слава Двинин. «Мы разговаривали о том, что можно поиграть то, что, может быть, неинтересно группе «Чайф», реализовать какие-то старые наработки, — рассказывает Двинин. — Сначала была шутка: «А не взять ли какую-то девушку, попродюсировать?..» — но потом оказалось, что эта девушка нас не устраивает, та не устраивает… Лизу Рыбалко выкопал Вова, где-то он ее увидел». Этот проект все еще в стадии становления, но Шахрину он нравится: «Не знаю, чем это закончится, но очень интересно. И потом, раньше они многого не делали: договориться со студией,

чтобы все срослось, чтобы все пришли, текст, музыка, самим разговаривать с людьми на радио… Я в этот проект не совался, Гройсман говорил, чтобы я там поправил что-то, я сказал: «Дима, можно, я лезть не буду? Никак».

Сам Шахрин был занят в другом проекте. «Кукушкин появился в 98-м, я не видел его сто лет. Вадик на меня произвел впечатление человека, которому срочно нужна помощь, если что-то с ним прямо сейчас не произойдет, он просто переломится пополам. Время перед кризисом, ситуация казалась благоприятной, и я ему предложил: буду продюсером от начала и до конца… А вариант был очень непростой — супернекоммерческий проект, сложные стихи, Вадик не вокалист, и прозрачные мелодии, которые уловить можно с трудом».

Для начала на студии Пантыкина записали две песни, одну с большим количеством лупов, эффектов, долго возились, вторую полегче, где Шахрин еще и попел. Ее сразу взяли на радио, начали крутить, и Вадик разогнулся. По привычке человека, которому постоянно не везет, он очень сомневался, но получилось, стали делать по две вещи, за полгода вышел альбом «Шалуны на Луне». «Мне очень нравится результат, — это Шахрин. — Если я компакты группы «Чайф» дома практически никогда не ставлю, то «Шалуны на Луне» слушаю. Это не моя, это все равно Вадика работа».

Ультиматум

В августе побывали на концерте Rolling Stones… Сказанного достаточно.

После концерта у Гройсмана в кармане зазвенел телефон, и Дима, слегка белея лицом, произнес: «Мужики, вас обокрали». Шахрин: «И мы стали представлять: «Все, что нажито непосильным трудом, все… Три магнитофона, три куртки кожаных»… Приехали — окно выставлено, выломаны решетки… Как ни странно, не взяли мелочь, которую можно за приличные деньги продать, примочки, обработки, микрофоны, зато уперли три колонки JBL со встроенными усилителями».

Событие дурацкое, в наши дни банальное, но чайфы не были бы чайфами, если бы не устроили из него маленькое шоу. Поскольку один JBL остался, быстро сняли на местных телеканалах видеоролик, в котором демонстрировали колонку: «Вот как она выглядит! Если увидите на улице человека с такой серой штукой, звоните». И заявили, что предъявляют ворам ультиматум: если через сорок восемь часов колонки не вернутся

на место, «мы вас накроем!». Понятно, что все эти чикагские штуки представляли собой чистый блеф — непонятно, как их накрыть. Но Шахрин очень уверенно в кадр говорил: «Через сорок восемь часов мы возьмем вас за задницу, и вы, как дурни, будете из-за куска железа в тюрьме сидеть»…

48 часов прошли, никто ничего не вернул. Но ровно через два часа по окончании срока ультиматума Шахрину позвонили из милиции, попросили заехать «на опознание колонок». Заехал — стоят, родимые. Как выяснилось, шла патрульно-постовая машина в районе цыганского поселка, местного центра наркоторговли, мужики смотрят — двое доходяг-наркоманов тянут к цыганам по колонке на горбу. «Слушай, — один другому говорит, — вчера по телевизору эти штуки показывали». Хвать пацанов, слегка поплющили, те выложили, где третья.

Оказалось, юные наркоши на фантазировали, что у «Чайфа» на базе ди-джейское оборудование заскладировано, чтобы пластинки крутить… Залезли, не нашли, колонки были с виду наиболее космическими, их и уперли. И по 100 рублей продали, а они по 900 USD каждая… Потом Шахрин отказную написал — родители очень просили, и крови никто не жаждал, но забавно не это. «Сам факт, что 48 часов кончились и их тут же взяли, навел в городе слух, что у нас «все схвачено», — ухмыляется Шахрин. — При том что связей с криминальным миром на самом деле никогда у группы не было, но в городе все уверены, что мы имеем очень крепкую поддержку и на уголовном, и на официальном уровне. А мы никого не разуверяем».

Как терять деньги весело

Все лето «Чайф» готовил тур по Волге вместе с «Текиладжаззз». Решили все сделать сами, организацию, аппарат, смету, и по возможности недорогие концерты, демократичные… Илья Спирин объездил на машине все точки, нанял людей, тут и кризис подоспел. «Вся смета, которую мы долго считали, тут же потеряла смысл, — Шахрин, — варианта оставалось два: или просто потерять деньги, или потерять деньги весело, с музыкой. Мы решили терять весело. Посчитали — на аппарат, на аренду зала, на транспорт заработаем, на гонорары — вряд ли. «Текила» согласилась, сказали: «И ладно, не отменять же».

В сентябре концертов в стране не было. Не было совсем, народ пришипился, засел по домам, что и понятно. Одни чайфы с «Текилой» двигались по Волге, терять им было нечего — уже все потеряли. Даже цену на билеты поднять было невозможно,

потому что она на плакатах крупными буквами еще до кризиса напечатана. Но залы полные. Отыграли все от начала до конца, заодно поближе с «Текилой» познакомились: «Они — группа более богемная, современная, но нам настолько легко друг с другом! — говорит Шахрин.

— Они настоящие. «Текила» — они настоящие. Они не скисли, до конца работали, а о деньгах никто даже не вспомнил, когда тур кончился».

Это вполне чайфовская штука — тур бесплатно. Хотя звучит странно. Но тема в жизни группы постоянная, пусть, как говорит Бегунов, «очень скользкая тема для обсуждения». Откуда все эти субботники, акции, концерты безгонорарные?

25 декабря 1998 года чайфы подписывали пластинки. Объявили, что будут стоять за прилавком в магазине «Глория» и подписывать каждому покупку, новогодний подарок. Магазин от наценки отказывается, все на благотворительность. «С двенадцати до четырех шел поток, купили все, что касалось группы «Чайф», у нас руки болели от плеча и до низу, как плеть висели. Люди в подарок друг другу подписывали, родители — детям, дети — родителям… Деньги очень приличные были собраны, а работники магазина присели — у них все вымели со склада» (Шахрин). Деньги пошли в детское психиатрическое отделение городской психиатрической больницы.

Эта история началась шесть лет назад, когда вышел сингл «Пусть все будет так, как ты захочешь», устроили аукцион, собрали 800 долларов, Шахрин поехал развозить подарки по детским домам.

Шахрин: «Детдома очень разные, но оказалось, в нашей дурке есть отделение, где половина детей сироты, от половины родители отказались. Когда мы попали в это отделение, я понял: вот у этих детей будущего точно нет, им никогда ничего не достанется. И может быть, эта мандаринка — то немногое, что у них в жизни хорошего произойдет».

Бегунов: «Когда их увидишь, понимаешь, что это за ужас, на секунду себя не хочется представить на их месте. Люди маленькие, никому ничего не сделали, а живут — врагу не пожелаешь. И понимаешь, что по большому счету ты помочь-то никак не можешь. Безумно их жалко. Их очень много, и не больных, а просто брошенных, нормальных, хороших детей».

Шесть лет чайфы возят то и се в детское психиатрическое отделение. То устроят с афганцами акцию, купят летнюю одежду, костюмчики для мальчиков и девочек; на «Грачах» ставили коробки для игрушек, люди приходили на концерт, приносили игрушки; класс оборудовали для занятий, шестнадцать парт,

стульчики, бумага, карандаши, развивающие игрушки… «Мелочи какие-то — фигня полная» (Бегунов).

Шахрин, кстати, в самом отделении был один раз, во второй зайти так и не решился. «Тяжело. Смотреть тяжело, — это он оправдывается. — Я понимаю, что лучше я все-таки не пойду, чтобы не видеть этих детей лишний раз. Один раз я их видел…».

Почему чайфы помогают этим детям? Потому что слишком хорошо понимают, что на самом деле ничем помочь не могут. Что ж, пусть будет у малыша хотя бы апельсин к Новому году. Маленькое оранжевое чудо…

А кто говорит, что это самореклама, — сам такой.

«…а над небом — потолок»

(памяти Сергея Шпаликова)

> *«Так и не выросший ребенок»…*
> *В. Бегунов*

В последних числах ноября Бегунову приснился сон. На гастролях в Оренбурге. «Ужасный сон, настолько реальный, что я мужикам даже пересказывать не стал. Приснилось мне очень зримо, как Серега умер, и мы его хороним; и я думаю: «Ни хера себе, приснится!.. Не накаркать бы». Почему и рассказывать не стал» (Бегунов).

Сергей Шкаликов — актер из первой «Табакерки», театра Олега Павловича Табакова, в котором работал когда-то Гройсман. Дима и привел однажды чайфов на спектакль «Смертельный номер». «Мы открыли для себя целый вид искусства, который всю жизнь проходил мимо, — рассказывает Бегунов. — Оказалось, есть такое искусство! Восторг, с которым вышли с этого спектакля, не поддается описанию, мы потом попытались даже любить балет»… Любовь к балету так и не случилась, а дружба с Табакеркой длится много лет, «Чайф» ею очень дорожит. «Мы друг друга кормим» (Бегунов). «У них замечательный двор, полуобщага, там ставят стол, к водосточной трубе приварили вытяжку, под ней мангал — дым наверх. И в центре Москвы — как на даче, с историями, с анекдотами, с грузинским вином… — это Шахрин. — Оказалось, не такая уж она и «бохема». Как говорили бандерлоги: «Маугли такой же, как мы, только без хвоста». У них театр рок-н-ролльный».

«Познакомились с Серегой в «Пилоте»; редко бывает, когда видишь человека в первый раз — несколько секунд — и будто мы старинные друзья, будто знакомы всю жизнь» (Шахрин). «Сразу

почувствовали — он, как ртуть, наш человек. Мишка Ефремов говорит: «Бляха-муха, подружились!.. Шкала никогда стихи чужим людям не читает!». Нам он читал сразу, в первый же вечер. Анекдоты рассказывали, друг друга перебивая, веселились, бухали»…

В Москве старались выгадать время, встретиться, ночевали у Шкаликова на сеновале, валяли дурака… «Очень легкий человек. Тратил деньги легко, мог без денег жить, мог с деньгами, гонял на кабриолете BMW, возил в нем сено для любимой кобылы…» (Бегунов). «Когда кабриолета не стало, ездил на мокике; менты останавливали, и на вопрос: «Вы пьяный?», — Серега гордо отвечал: «Да, я пьяный!». И норовил ментам мокик всучить — интересно, что они с ним делать будут…» (Шахрин).

Слушали шкаликовские стихи, потому что он был поэт. Шахрину запала строчка: «Рыбка плавает в пруду», — а у Гройсмана давно лежало стихотворение, Шкаликов подарил, и Дима Шахрину бумажку отдал:

«Я рисую на окне
глаз твоих косые стрелы.
Я играю на трубе
водосточной неумело»…

Володя долго с текстом маялся, боялся, что выйдет бардовская песня. А что это песня, ему было понятно с самого начала. «И однажды мелодия ко мне пришла, — Шахрин, — записал ее дома на обычную «мыльницу», отправил в Москву кассету с надписью: «Маленький шкалик для Шкаликова».

Шкаликов умер 6 декабря 1998 г. Сел в кресло, сердце остановилось.

«Бывает, с человеком время проводишь, а потом думаешь: «Отдохнуть бы от него»… Со Шкалой такого не было никогда» (Бегунов).

«Шекогали»

(продолжение)

Но вернемся в суровую реальность шоу-бизнеса, где всю осень и всю зиму концерты игрались — альбом стоял, как заколдованный. Главная причина, что и понятно, заключалась в кризисе, после которого вся звукозаписывающая индустрия встала почти на полтора года. Но с другой стороны, альбом есть, записан, готов, а не выходит, что волей-неволей вносило

некоторую нервозность в отношение и к нему, и к себе самим. Вот его и переделывали…

Пересводили раз пять, Шахрин в итоге перестал отличать один вариант от другого. Гройсман в свою очередь требовал хит, все еще указуя на «Время не ждет». А сам тем временем из видеозаписи с «Максидрома» нарезал клип, и песня «В ее глазах» стала быстро набирать популярность. Параллельно возникла команда клипмейкеров, готовая снять ролик на «Время не ждет», Гройсман, не дожидаясь последней переделки, дал им фонограмму, ребята сделали сценарий, и примерно в то же время Шахрин с компанией в очередной раз вошли в студию, чтобы «Время» переделывать.

«Я вспомнил старую песню «Завяжи мне глаза», она мне очень нравилась, но почему-то не прозвучала, а я думал, что она заслуживает большего» (Шахрин). Вспомнил, навскидку прорепетировали, записали и в Москву повезли.

— Привезли вариант? — спросил Гройсман.

— Привезли, — ответили ему и поставили «Завяжи мне глаза». На середине первого куплета Дима озадачился:

— Я не понял, что вы с ней сделали?

— Да ничего, это вообще другая песня…

К концу второго куплета Дима понял, что «другая песня» — то что ему нужно. И сняли на нее клип практически по сценарию «Время не ждет», слегка переделали, а всякие фокусы из первоначального варианта остались. 12 апреля прошла премьера на MTV, но еще за неделю до выхода клипа группа опять оказалась в студии с намерениями довольно неопределенными — решили записать песню, вывезенную Шахриным из Парижа. Решили не сами по себе, а скорее по принуждению: «На концерте в Горбушке был Миша Козырев, который представляет «Реал», выпускающую компанию, с ней шли переговоры о выпуске альбома, — рассказывает Шахрин, — и они не говорили ни «нет», ни «да», тянули. А тут он сказал: «Все, если эта песня будет, сразу заключаем договор». Славка забил компьютерные барабаны, и за три часа записали, быстро, легко и без напряга. Но я сильно сомневался».

Шахрин еще и на гитаре играть не мог, ходил со сломанным пальцем. «В тот момент мы все начали бить машины, Двинин не разбил машину только потому, что у него ее нет, но он в драку попал на Уралмаше, ему разбили морду. И все какие-то абсолютно дурацкие ситуации» (Шахрин). Машины побили, но физически пострадал только Шахрин — палец посинел и болел, Вова решил, что это ушиб, который надо перетерпеть. Пришли в студию, Бегунов палец увидел, говорит: «Ты что, дурак? Вся рука

посинела»… И быстро отправил Вовку к своей жене в больницу, там сделали рентген, сказали: «Поздравляем, у вас перелом». Предложили несколько вариантов: либо наложить гипс, тогда быстро срастется, либо повязку не накладывать, но палец будет беспокоить всегда. Шахрин решил повязку не накладывать.

«Потом мы играли концерты, задумка была, что играть не буду, ну кое-где тремя пальцами, — это опять Шахрин. — Но сцена — это отдельное место, сперва три пальца, потом начинаешь больной подключать, отыгрываешь концерт, почти ничего не чувствуя, кончается — у тебя глаза на лоб, и ты думаешь: зачем я это делал? И как же это больно!..».

Альбом «Шекогали» вышел 8 июля 1999 года.

5:0

«Все понимали, песня хорошая,
но что она дорастет до национальных
масштабов, в бредовом сне
представить не могли».
В. Бегунов

Дальнейшее стало неожиданностью в первую очередь для самих чайфов. С одной стороны, к моменту выхода в нем было уже пять раскрученных хитов (5:0), с другой, дозревал альбом в таком вялотекущем режиме, что не очень в него верилось. И уж никак не ставили на Аргентину с Ямайкой.

Хорошая песня, но непонятно, про что. Шахрин поначалу пытался для ясности перед публикой пересказывать историю печальных ямайцев и буйных аргентинцев, история длинная, Володя сбивался — конферанс таких размеров на концертах не подразумевается. «Оказалось, ничего объяснять не надо, людям нравится, и все. В первый раз сыграли на «Зимней акустике» в Екатеринбурге, и народ подпел сразу. Потом играли в Горбушке, и опять народ пел. Записали, Козырев сказал: «Все, это песня лета-99», — я не поверил, но когда она пошла из всех ларьков… И клип-то сняли за копейки, даже не снимались, просто нарезали видео… Это как раз из той серии, когда мы не понимаем, о чем песня и про что, а потом она сама объясняет».

Вторая неожиданность, тоже полная, — критики впервые с 94-го, то есть с выхода сингла «Пусть все будет так, как ты захочешь», довольно твердо и почти единодушно новый альбом хвалили. И материал им понравился, и «впервые за долгие годы «Чайф» выпустил современный альбом с современным звуком»…

Хотя за этим-то журавлем в небе никто не гонялся: «У меня ощущение бессмысленности погони за модными штуками, — говорит Шахрин. — Время для нас и для семнадцатилетних ребят идет по-разному, у нас вдвое быстрее. Пока ты сидел, кофе пил и думал, как бы эти модные фишки включить в звучание, появились два десятка групп, выпустили пластинку, о них написали, что они — открытие года, потом их же заплющили и забыли… И уже немодно. Это реальность — время идет по-разному».

Ладно критики, отношение «своих» тоже стало меняться, хотя тут, быть может, дело не только в «Чайфе» — «свои» стали припоминать, что они на самом деле свои. «В рок-н-ролльной компании люди стали адекватнее себя воспринимать, — говорит Шахрин, — такое чувство, что теперь каждый знает, чего стоит и что из себя представляет. Если в начале 90-х все разбрелись по берлогам и тихо радовались чужим неудачам, то сейчас мы снова начинаем радоваться чужим успехам, нам опять доставляет удовольствие говорить друг другу хорошие слова». Кстати, в 99-м как-то само собой вышло, что «Чайф «помирился с Питером, тоже событие знаковое. И для чайфов важное, они очень любят этот город.

В общем, все вышло как-то очень хорошо. Это если на происходящем концентрировать внимание. Но концентрировать было некогда — еще до выхода альбома чайфы затеялись писать следующий, «Симпатии». Опять урывками между репетициями, концертами, поездками. Некогда им, некогда…

Отчет директора Спирина за декабрь 1999 года

«Стоит человек, кричит:
«Как же так? Кончается век!».
В. Шахрин

«9-го ночью сели в проходящий поезд и поехали в Нижний, 10-го вечером приехали, 11-го трудились за «Ты прав», после концерта самолетом в Москву. 12-го играли в Москве, 13-го утром вылетели в Челябинск, оттуда машиной в Магнитогорск — часов семь. На дороге вышли по нужде, снег, холодно, к дереву питбуль привязан, вытоптал тропинку вокруг дерева, в дорогом ошейнике, мертвый. Поехали дальше, всю дорогу материли ту сволочь, которая собаку «приговорила». (Бегунов до сих пор вспоминает, что пес так и умер, глядя на дорогу)»…

«Магнитогорск. В какой-то клоаке нас поселили, гостиница «Азия» — квартиры в жилом доме. Работали во Дворце спорта,

потом весело улетали в Москву, концерт в тот же день в Петербурге, самолет на два часа опоздал с вылетом из Магнитогорска, мы опаздывали на самолет в Питер, Гройсман менял билеты… В Питере селимся в гостиницу, навстречу музыканты «Динамика» идут на выступление, а они перед нами работают… На следующий день вылетели в Оренбург, 16-го там день рождения «Европы плюс — Урал». 17-го в Москву, из Москвы в тот же вечер в Мурманск, а Шахрин и Бегунов остались сниматься на ТВ. 18-го «отрывались» в Мурманске с организаторшей-наркоманкой — у девочки глаза в точку и истерика, очень тяжело».

«20-го счастливые улетаем в Москву, через три часа в Салехард, слава Богу, из одного аэропорта. В Салехарде два концерта, переночевали, полетели обратно. В Москве зазор два часа, переехали в Домодедово, успели к регистрации, попили кофе — и в Хабаровск. Полет семь часов, разница во времени семь часов, вылетели вечером, прилетели в семь утра».

«Поселили нас в Хабаровске в «Центре микрохирургии глаза», заходим — «Наденьте тапочки», — бахилы дают, в обуви нельзя… Оказывается, там селят всех артистов, только музыканты Меладзе отказались, потому что нет буфета с коньяком. Но буфета с коньяком там действительно нет, и это ужасно. В три ночи проснулись, в голове 9 вечера, телевидение кончилось, буфета нет, ты в больнице, делать нечего. И кормили с больными… В Хабаровске работали в ОДО, наши артисты там служили, говорят, в ОДО за двадцать лет ничего не изменилось, те же картинки на стенах»…

«24-го поездом во Владивосток, утром Шахрина не спавшего повезли по эфирам, мы в гостиницу, батарея — 11 градусов, а нас как почетных гостей на сторону моря поселили, чтобы видом наслаждались, а там лед и ветер… Из Владивостока вылетели 26-го, хапнули счастья — летели с посадкой в Красноярске, красноярская авиакомпания — лучше не летать. Бара нет, ничего нет, опоздали, прилетели как раз на съемки Нового года. Последний день съемок, забегаем, там Гройсман целый день сидит как заложник, показывает, что артисты все-таки приедут. Стол накрыт, народ вокруг ходит, только сняли — они за стол. День в Москве пожили, 28-го вылетели в Орск, но через Оренбург, дальше опять на машинах».

«Организатором был какой-то пацан, но на него было бесполезно даже орать — его все кидали. Приехали, поселились — сказочный ужас. Организатор, мальчишка из города Кувандык, приходит: «А у меня из Дворца сцену вывезли… Администрация города вывезла. И аппарат вывезли». Приходим в пять, они только

аппарат ставят!.. Аппарата мало, света никакого — розетка сгорела, другой нет. Но мы все равно начали в семь, у нас поезд в десять».

«Доиграли, организатора задерживает охрана, что-то он не доплатил; мы прыгаем в машину, в гостиницу, берем вещи, бежит женщина: «Ребята, а за гостиницу платить?»… Мы: «Как? А предприниматель из Кувандыка?». В общем, убедили, что он сейчас приедет, нехорошо… Кормить он нас тоже не стал, заезжаем в магазин, потом на вокзал, только из машины — водитель: «А кто расплачиваться будет?». Тут «предприниматель из Кувандыка» не прошел, пришлось платить. Поезд проходящий из Оренбурга, пассажирский, все убитое, проводник пьяный. Садимся, места заняты. Я начинаю вопить, приходит проводница, говорит: «Странно, в этот вагон никогда брони из Орска не было»… И начинает меня глодать сомнение: а не приписал ли этот подлец сам места на билеты?.. Но сели. В четыре утра проводник с каким-то депутатом напились, пошли к музыкантам за гитарами, были посланы Бегуновым открытым текстом. Днем проводнику захотелось «выпить с артистами», мы его и посылали, и закрывались… 30-го прибыли домой. К 2000-му году».

Глава 7
Внеплановый концерт. Арифметика

Итак, в январе 76-го в десятый «Б» класс средней школы № 36 пришел новичок по фамилии Бегунов. В дурацком пиджачке, в галстуке с возмутительным узлом, стриженый, ушастый. На первом же уроке начал руку тянуть, за что получил кличку «Фонарь». А на уроке биологии заметил у мальчишек, среди которых был волосатый хыппи по фамилии Шахрин, пластинку Леннона «Walls and Bridges». Влез в разговор и сообщил, что тоже музыкой занимается, попал на репетицию школьного ансамбля…

Не пугайся, читатель, автор не сошел с ума, он помнит, что однажды все это уже написал. Но с появлением Бегунова начался отсчет времени группы «Чайф». Время считало, считало, и вышло на сей момент ровно двадцать четыре года. Почти четвертак.

Считаем дальше: Шахрин с Решетниковым встретились на площадке «ВИЗ» по пути на толкучку зимой 83-го. Шахрин спел Решетникову «Треугольник». 17 лет назад.

29 сентября 1985 года — концерт в ДК МЖК группы «Чай-Ф» -15 лет.

Давно это было. Тогда здравствовал еще Свердловский рок. Какие группы были!.. Если б кто-то на заседании рок-клуба весной 86-го, когда решалось, пускать ли «Чайф» на сцену во время фестиваля, сказал, что четырнадцать лет спустя выживет из этих групп один «Чайф», вот была бы хохма!..

Вопрос: почему выжил именно "Чайф»?

Можно, конечно, в виде ответа привести какой-нибудь афоризм Бегунова. Такой, например: «Чайф» выжил благодаря личной тупости и запасу твердолобости, чтобы биться в эту дурацкую стену». Ответ, но далеко не полный. Дать ответ исчерпывающий, скорее всего, невозможно. Выжил, потому что выжил, потому что «Чайф» — это «Чайф».

А что такое «Чайф»? Тут опять начинается арифметика. Любой умник при взгляде на чайфов приходит к совершенному убеждению, что эти парни должны ему, умнику, быть понятны, как дважды два — четыре. Вот она, универсальная формула:

ДВАЖДЫ ДВА = ЧЕТЫРЕ.

Произведя в уме данное исчисление, умник обыкновенно отваливает, удовлетворенно урча мозгами. Или, допустим, пишет статью в журнал, содержание которой в большей или меньшей степени равняется той же формуле. И совсем немногие, а среди умников бывают и такие, пытаются хоть немного присмотреться к

объекту исчисления, после чего начинают раздражаться. Потому что не сходится. Дважды два — налицо, четыре не получается.

В конечном счете, эти тоже отваливают, но злые. Вопрос остается: что такое «Чайф»? При попытке выколотить ответ из участников мероприятия получаем нечто сбивчивое, типа «группа товарищей» (Северин) или «коллектив музыкантов» (Двинин). Как всегда, с задачей лучше всех справляется Бегунов: «Как я могу сказать, что такое «Чайф», если я в нем? Я в нем то живу, то работаю, а то я сам — он»…

Шахрин тоже пытался что-то сказать, вздыхал и морщил лоб. Смолчал. Старая Бовина привычка — дышать и морщить лоб. Он вообще мало изменился, это заметно на репетициях, когда чайфы играют сами для себя, тогда Шахрин начинает привставать на цыпочки, тянуться к микрофону, как некогда Бегунов на уроке биологии… А Бегунов на репетиции все так же хамит и на гитаре шутки шутит.

Рокеры… В 85-м, в январе, прибежал Шахрин к Бегунову после знаменитого сейшна в ДК Воровского и выпалил: «Видел я этих рокеров, они такие же, как мы, без хвоста!». Пятнадцать лет прошло, и все…

…без хвоста

(действующие лица)

«Мы живем компактным кругом лиц,
я и сам несносен временами».
В. Бегунов

ГРОЗНЫЙ — Гройсман Дмитрий, 1963 года рождения, директор.

В жизни «Чайфа» уже 8 лет занимает место огромное, но активно претендует на то, чтобы занимать места еще больше. В момент его появления поговаривали, что «Шахрин на Гройсмана запал» (Нифантьев); что это значит, сказать трудно; видимо, так оно и есть. В рок-н-ролле директор — фигура обыкновенно непостоянная и часто ругаемая, ругают директора не за что-то конкретное, а по должности. Диму поначалу тоже пытались ругать, что приводило к эксцессам, как-то в Москве один из музыкантов высказался на предмет «кто он такой», после чего был схвачен Шахриным за грудки со словами: «Диму я съесть не дам!»… Кто именно был тот музыкант, вопрос спорный: Нифантьев утверждает, что Северин, Валерка с Володей говорят, что как раз Нифантьева Шахрин и тряс. Но и неважно, куда

существеннее, что «съесть Диму» Шахрин действительно не дал.

«Гройсман — очень сложный человек, но умный, подлюка! Мельчайшую ерунду он раздувает до того, что становится даже интересно слушать, любая херня событием становится. Временами совершает детские поступки, а иногда проявляет такую зрелость, что за ним сразу чувствуется вековая мудрость еврейского народа» (Бегунов).

«Он ничего не понимает в музыке, он понимает в чем-то другом, невидимом, — говорит Двинин, — он предчувствует, сбудется или не сбудется».

«У Димки в машине магнитофон — чтоб хуже звучал, я не видел такого, — это уже Шахрин. — И дома круглая дрянь за тридцать долларов, на Горбушке купил… Для меня это было странно: как же так, это твоя работа!.. Но Димка в нашей компании единственный, кто может судить как среднестатистический российский слушатель. И потом, у него генетический нюх на деньги. И уникальный дар убеждения: что другим группам удавалось благодаря финансам, нам удавалось потому, что Гройсман находил нужную интонацию в разговоре».

Сам Дима свою деятельность называет «синдром Чебурашки» — «это когда ты ног не чувствуешь, ты их стер по самую задницу и ходить не можешь, нечем». Что делать, должность такая…

ИЛЮХА — Спирин Илья, 1967 года рождения, тоже директор.

Директор, но какой-то другой. Члены группы иногда развлекаются выдумыванием дефиниций для директоров, что и неважно.

Учился Илья у Гройсмана: «Дима говорил: «Администратор — гад. Музыканты хорошие, а директор — гад, так и должно быть. Музыканта должны любить, музыкант не должен бороться с организатором за номер в гостинице, за питание убогое, за машину… Жизнь такая — кто-то должен ругаться». А я в группу попал, когда она мне нравилась и сильно; она для меня осталась группой лиц, которые играют музыку, которая мне нравится».

Бегунов: «Илья, я считаю, гений, потому что в своре этих придурков он умудрился ни разу ни с кем не поругаться. Он даже Гройсмана иногда ставит в тупик. Когда кто-то светлые замки строит, Спирин превращается в тупое, ничего не понимающее существо и задает вопрос: «Объясни, как это будет? Я не понимаю, объясни». И приходится спускаться с небес».

Шахрин: «Илья в туре делает все. Он может быть очень жестким, человек в этом деле битый, знает, что слово в шоу-бизнесе не стоит ничего… Для Ильи ничего не значит, что мы

вчера с устроителями водку пили — вчера пили, а сегодня два пункта контракта не выполнены. В других группах тур-менеджер

— козел отпущения, он всегда во всем виноват: в гостинице тараканы

— виноват, кто-то на ужин что-то съел и обделался — виноват, самолет задерживается — виноват… А Илья свой».

И вот еще что: в шоу-бизнесе самые броские люди — администраторы. Нужно как-то держаться с артистами наравне, вот и одеваются круто, говорят громче всех… Спирин держится в тени и всегда очень внимательно контролирует глазами происходящее. И восточными единоборствами занимается. Директор.

Валерка — Северин Валерий, 1958 года рождения, барабанщик.

Классический барабанщик. Следует заметить, что среди музыкантских анекдотов три четверти посвящены барабанщикам, даже и в этом смысле Валерка — совершенный барабанщик, про него в группе баек больше, чем про Бегунова.

Статен, в лице что-то нордическое. В жизни больше всего гордится тем, что ему за сорок, а он нигде не работает, потому что деятельность в «Чайфе» работой не считает. «Это не работа, это игра. Не отдых, но и не работа. Мне за сорок, и я не работаю, я играю». В свободное от игры время любит лежать на диване, в свободное от дивана время играет на компьютере. «Вся жизнь — игра!».

В команде часто выполняет роль миротворца, который чужие нервы берет на себя: «Поездки, концерты, все накапливается, и нужно быть готовым в какой-то момент стать в группе громоотводом, — это Бегунов. — Отсюда все шутки над Валеркой, он же понимает, что мы его любим, но он барабанщик… Бывает, перешкаливает, жмешь Валерку, жмешь, думаешь: «Как же он терпит-то?»… Но нужно быть готовым к тому, что в какой-то момент ты станешь таким же объектом. С ним очень кайфово».

Валерка все понимает, он любит группу: «Ближе-то у меня в этой жизни нет никого. Раньше были какие-то друзья, потом все разъехалось… «Чайф» для меня — самая главная часть жизни, то к чему я стремился, и вот оно случилось. Повезло»

Славка — Двинин Вячеслав, 1966 года рождения, басист.

Непрост, и это мягко говоря. Держится в тени и роль свою объясняет так: «Я сам по себе молчун. Не из-за того, что про всех гадости думаю, не из-за того, что не люблю поговорить. Я считаю, есть ситуации, когда ты должен занимать определенное место,

лидер в коллективе один, остальные должны быть помощниками. Не прислуживать, а по принципу «Take on me» — «Обопрись на меня».

Молчун, но иногда говорит очень интересные вещи. «Чайф» — это семья. И мафия. Туда очень трудно вписаться, но я понял одно: нужно воспринимать их такими, какие они есть, и быть самим собой. Рано или поздно тебя все равно оценят, поймут. Это семья, членом которой я стал, и я рад, что меня усыновила именно эта семья, есть, оказывается, люди, у которых в головах примерно тоже самое, из которых что-то лезет».

Славка Двинин — самый музыкантский музыкант во всей компании. Почему? Потому что музыкант.

Петрович — Елизаров Владимир, 1955 года рождения, звукорежиссер.

На пути «Чайфа» Петрович возникал со времен почти библейских и всегда в роли эталона. Еще Ханхалаев привлек его в качестве «человека опытного» по той простой причине, что Елизаров действительно опытный. Музыкальное училище, консерватория, список групп, который нужно отдельно распечатывать, достаточно упомянуть «Наутилус» и два собственных проекта «Внуки Энгельса» и «East of Eaden». Петрович, кстати, был преподавателем в музыкальном училище им. Чайковского, студентом у него был Славка Двинин, Петрович ему оценки ставил… «Чайф» он записывал: «Лучший город Европы» и «Четвертый стул» (последний совместно с Алексеем «Палычем» Хоменко), ездил с ним в Чехословакию, занимался композицией в странном месте под названием «Дамская лавка»…

Шахрин: «Петровичу мы предложили записать «Реальный мир», потом говорим: может, и на концертах покрутишь? Он согласился и уже четвертый год крутит». Понятно, что Елизаров, который когда-то преподавал гитару в музыкальном училище, привыкал к «Чайфу» непросто, но и с их стороны было то же: «С Петровичем нужно было много времени, чтобы научиться работать, он дает много нам, мы даем ему, нужно было научиться ладить. В конце концов, он понял, что нельзя нас «в лоб» учить, как на гитарах играть и какая аранжировка правильная. Мы упрямые, мы будем играть вопреки» (Бегунов).

«Это ребята правильные во всем, — говорит Петрович. — Публику обмануть невозможно, как себя ни надувай. А они просто хорошие музыканты». Последнюю фразу можно было бы не писать, если б не вышла она из уст Елизарова. Потому что в этом плане Петрович строг, за долгую жизнь в муз. искусстве переиграл с таким количеством музыкантов, что по мере

перечисления оно кажется неправдоподобным, в его исполнении фраза становится небанальна.

Вован и Вовка

(сравнительное описание)

> *«Если уж вообще всегда вместе -*
> *это тоже работа тяжелая».*
> *В. Бегунов*

И неразлучные двое — Шахрин и Бегунов. За долгие годы совместного бытия они слились друг с другом, как два китайца Инь и Янь, как гегелевские противоположности, которые вечно ведут борьбу за свое единство.

Они удивительно разные, эти двое. По Шахрину можно проверять часы; по Бегунову трудно проверить, день сейчас или ночь, ибо днем он спит, а ночью бодрствует. По нему трудно проверить, какое на дворе время года, ибо одет Бегунов всегда как-то неопределенно-демисезонно.

У Шахрина на лице написано, что он «правильный». У Бегунова написано нечто противоположное. И то и другое впечатление бывает настолько сильным, что окажись в группе, допустим, два Шахрина, было бы приторно; окажись два Бегунова, это была бы не группа, а банда. Шахрин — человек сосредоточенный, собранный и целеустремленный; Бегунов тоже стремителен, но стремится во все стороны одновременно и сам порой удивляется, если удается хоть куда-то попасть. Шахрин точен, в выражениях сдержан; Бегунов — не хам, но похамить любит.

«Без Вовки у нас все было бы слишком правильно, — это Шахрин, — он наш маленький элемент безумия, который должен быть. Иногда такое говорит на концерте, у меня волосы дыбом встают, хочется гитару поставить и уйти. Но потом я думаю: никто же больше такой херни не скажет… Бегунов — не мое отражение, не «наоборот», он что-то другое. Он абсолютный раздолбай, но мне с ним надежно. У него есть то, чего я не могу. Я так не могу».

«У нас еще и в жизни сложилось так удачно, что когда я существую, он спит, и мы не надоедаем друг другу, — это уже Бегунов, — а когда он существует, я как раз вырубаюсь. Я ночную жизнь провожу, с кем-то встречаюсь и все такое, а Вовка днем по радиостанциям бегает».

Шахрин: «Я человек домашний, меня на самом деле тусовка мало интересует, меня больше интересует, чтобы очаг был, юрта, вигвам какой-то. Мне нравится состояние внутреннего комфорта, когда мне хорошо. На гастролях больше всего в жизни мечтаю лечь на диван дома, жене голову на колени, и чтобы меня за ухом почесывали. Не хочу я номер с джакузи, мне нужно, чтобы за ухом чесали. И поэтому почти домашняя ситуация в группе меня устраивает».

Шахрин — гармонизатор действительности. Мир переделать нельзя, это он понимает, но можно переделать ту часть окружающей среды, которая к тебе ближе, этим он и занимается. А почему пишет песни, сам не знает. Мало того, «часто бывает, я не понимаю, про что песня; сперва она написана, а потом начинаешь понимать» (Шахрин). И еще с ним бывает редкое и ценное для каждого пишущего удивление, когда напарываешься на собственный старый текст и думаешь: «Ух ты, неужели я это написал?».

«При том что он гениально безграмотный человек! — Бегунов говорит. — Он мне однажды записку в двери оставил — в трех предложениях восемнадцать ошибок, я жене дал почитать — она полчаса понять не могла, о чем речь». И это тоже правда, Шахрин уверяет, что у него «врожденная безграмотность»: «Я дома то и дело кричу из-за компьютера: «Лена! Как это слово пишется?» В ответ хохот, дочь с женой представить не могут, что в нем вообще можно ошибку сделать»… Бегунов пишет без ошибок. «Кстати, Бегунов — мастер литературного жанра анонимки, — это Шахрин, — он их пишет гениально, и если в гримерке подворачивается печатная машинка, он тут же клепает анонимки на окружающих и всем их раздает».

Ребята, скажем так, разные. Единственное, в чем схожи, это в отношении друг к другу. Они друзья, Вован и Вовка. Хотя далеко не сразу разобрались, что так оно и есть. Бегунов: «Все-таки это дружба. Но понимание это пришло непросто и небыстро. Учитывая, что прожили вместе всю жизнь, я узнал, что он друг, совсем недавно. Было столько друзей, и таких, что мне казалось, будто я без них умру, а Вовка всегда был «сбоку припека». Никогда я не думал, что он имеет для меня такое огромное значение. Но мы потому и терпим друг друга, что ему недостает части меня, а мне — части его».

Внеплановый концерт

«Дважды два — не четыре,

а что-нибудь еще»…
В. Шкловский. «Энергия заблуждения»

Дело было в августе 98-го, городу Екатеринбургу исполнялось 275 лет, дата не шибко круглая, но местные власти созидали из нее грандиозный (в их понимании) юбилей. Кроме прочего, на Центральном стадионе мыслился концерт — Кулио, Крис Норман, Бони Тайлер и почему-то «Чайф». Акция намечалась помпезная, огромную сцену везли из Эстонии (?), цена билетов, мягко говоря, недемократичная, и так дальше в том же разрезе. «Понятно было, что деньги огромные, и в какую-то ерунду вбухиваются» (Шахрин). Чайфы мероприятию не радовались и досаду свою не скрывали. Хотелось, раз уж День города, устроить и для себя, и для горожан что-то приличное. Решили устроить. Есть на улице Малышева напротив Центральной гостиницы угол, кирпичная стена под желтой краской. Съездили, переговорили с дворником, чья территория, он не возражал; спросили, можно ли через забор розеточку перекинуть — можно. Закидали в свои машины репетиционный аппарат, гитары, барабаны и поехали после обеда на Малышева. Там поставили два джипа по бокам, шахринский и бегуновский, забросили на них колонки, между джипами на асфальте расставились, настроились и погнали…

Без рекламы, без объявлений, без журналистов, публика — кто мимо шел…

Сперва стояло человек тридцать молодых ребят, смотрели, как какая-то группа разворачивается. Не сообразили, что «Чайф» — аппаратик жиденький, ни охраны, ни видеокамер, и вообще «тут вам не Дворец спорта»… Заиграли, прохожие стали на шум подтягиваться, песне к пятой набралось сотни три с половиной — роллеры, пенсионеры, мальчишки на заборе, пара пьяных, ребята с пивом, девчонки с сигаретами, ребенок лет трех очень упорно танцевал… И звук негромкий, как когда-то на танцах, и троллейбусы по кольцу выруливают…

Играли час с небольшим, и ничего, раскачали публику. Народ молодой привык на концертах петь и орать, а посреди улицы терялся, стремно стоял; потом расходился, и покрикивать начал, и посвистывать, подпевать. Были в толпе лица с подозрением во взглядах: «А чего это они играют? Или не они?». Нет, Бегунов с сигаретой в зубах, Шахрин перед микрофоном почему-то на резиновом коврике — электричества боится, что ли?.. Двинин с пятистрункой, Северин с двумя рабочими барабанами… «Это внеплановый концерт на кухне, Это подзарядка наших батарей"…

Пели, хохмили, Бегунов анекдоты рассказывал (приличные),

потом Шахрин сказал: «Извините, ребята, с праздником вас, а нам надо на концерт ехать». Быстро свернулись, забросили аппарат в джипы, поехали на стадион играть с Кулио. «А там официоз, все неразумно организовано…» (Бегунов).

В арсенале психотерапевтов есть формула: «Не пытайтесь сделать так, чтобы другим было хорошо. Сделайте так, чтобы вам было хорошо, тогда и другим с вами будет хорошо».

По этой формуле живет группа «Чайф». Они пытаются делать так, чтобы им самим было хорошо. А если еще и другим по кайфу, так нам же лучше. Но это большой-большой чайфовский секрет. (Не говорите никому!)

И это все о том же, об арифметике. Дважды два — никак не четыре. А «Чайф» — это «Чайф», а не таблица умножения. Дальше пусть говорит Бегунов:

«Так, как я вижу мир, его не видит никто. И как бы плохо я на гитаре ни играл, так плохо играю только я. Как бы плохо Вовка стихи ни писал, так плохо может писать только он. И будь человек трижды талантливый, он все равно не влезет в Вовкину шкуру и не напишет то, что пишет Вовка. И если нас не будет, значит кто-то это не напишет и не сыграет».

Сказанного достаточно.